

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ

ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ

**ВЕЛИКАЯ
ШАХМАТНАЯ
ДОСКА**

ZBIGNIEW
BRZEZINSKI

THE GRAND CHESSBOARD

American Primacy
and Its
Geostrategic Imperatives

BasicBooks

A Division of HarperCollins Publishers

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ

ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Москва

«Международные отношения»

1999

УДК 327
ББК 66.4 (0)
Б58

Бжезинский З.

Б58 Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Междунар. отношения, 1999. — 256 с.

ISBN 5-7133-0967-3

Автор книги, бывший советник по национальной безопасности американского президента в годы холодной войны, консультант Центра стратегических и международных исследований З. Бжезинский анализирует геополитическую ситуацию текущего десятилетия в мире, и особенно на Евразийском континенте. Он моделирует возможные варианты поведения стран и их союзов в будущем и рекомендует наиболее целесообразную реакцию на них Соединенных Штатов Америки с целью сохранить их положение как единственной мировой сверхдержавы.

Одним из наиболее беспокойных геостратегических действующих лиц ему представляется современная Россия, которую он называет «черной дырой».

Несмотря на сложность проблем, книга написана доступным любому читателю языком и, несомненно, будет ему интересна.

УДК 327
ББК 66.4 (0)

- © З. Бжезинский, 1997
- © Перевод с английского О.Ю. Уральской, 1998
- © Подготовка к изданию и оформление изд-ва «Международные отношения», 1999

ISBN 5-7133-0967-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение: Политика сверхдержавы	11
Глава 1. Гегемония нового типа	13
Короткий путь к мировому господству	13
Первая мировая держава	20
Американская глобальная система	36
Глава 2. Евразийская шахматная доска	43
Геополитика и геостратегия	50
Геостратегические действующие лица и геополитические центры	54
Важный выбор и потенциальные проблемы	64
Глава 3. Демократический плацдарм	74
Величие и искупление	78
Основная цель США	90
Историческое расписание Европы	101
Глава 4. «Черная дыра»	108
Новое геополитическое положение России	108
Геостратегическая фантазмагория	118
Дилемма единственной альтернативы	142
Глава 5. «Евразийские Балканы»	149
Котел этнических противоречий	151

8 ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Многостороннее соперничество	163
Ни доминион, ни аутсайдер	178
Глава 6. Опорный пункт на Дальнем Востоке	181
Китай: не мировая, но региональная держава	188
Япония: не региональная, а мировая держава	206
Геостратегическая адаптация Америки	220
Заключение	230
Геостратегия в отношении Евразии	234
Трансъевразийская система безопасности	247
После последней мировой сверхдержавы	248

*Моим студентам —
чтобы помочь им
формировать очертания мира
завтрашнего дня*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу полезно прочитать всем, кто занимается внешней политикой, увлекается или интересуется ею. Потому что никто еще не рассказал нам проще, жестче и откровеннее об Америке как "единственной сверхдержаве" и никто еще не раскрыл столь обнаженно, какими способами удерживать и упрочить ее исключительное положение.

Центральная идея книги — использование Соединенными Штатами своего военного, экономического и культурного превосходства для удержания контроля над Евразией. Почему именно Евразия? З. Бжезинский рассматривает ее как "великую шахматную доску", на которой в ближайшие десятилетия и будет утверждаться и оспариваться господство США. И задача "управления" этим суперконтинентом со стороны Америки состоит в том, чтобы не допустить возникновения соперничающей сверхдержавы, которая угрожала бы интересам США, их "глобальному благополучию".

Именно с этой точки зрения — удержания Соединенными Штатами мирового господства — рассматриваются все проблемы, в том числе и региональные, от геостратегической роли крупнейших европейских держав и Японии до особой заинтересованности Америки в "судьбе" Азербайджана и Украины.

Естественно, что фигурами на этой "великой шахматной доске" выступают евразийские государства. Однако среди этих фигур активными (то есть белыми?) оказываются Франция, Германия, Россия, Китай и Индия, а, например, Великобритания и Япония не попадают в эту группу. "Активные", как называет их автор, — это те страны, которые имеют собственную геостратегию, и их интересы могут столкнуться с интересами США. Это, по мнению автора, "неугомонные" крупные державы со своими значительными внешнеполитическими амбициями.

Что касается России, то автор объективно оценивает ее положение: "Россия... остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье... Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих восточных и западных соседей..."

В связи с допускаемым автором подъемом России интересна роль, которую он отводит Украине: "Украина, новое и важное государство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством..."

Другими словами, в отношении любого активного государства, занимающего выгодные геостратегические позиции, З. Бжезинский исходит из презумпции имперских амбиций. Но возникает вопрос: почему, восстановив свою мощь, Россия обязательно будет искушена имперскими устремлениями? Пусть неявно, но Бжезинский формулирует некий закон политических джунглей: как хищнику необходимо мясо, крупной держа-

ве — империя. Пожалуй, может вызвать шок постановка вопроса о политике США относительно России. "Какой должна быть Россия, чтобы соответствовать интересам Америки, и что и как должна Америка для этого сделать?" Ответу на этот вопрос автор посвящает специальную главу. Он называет ее "черной дырой". И, строго говоря, это странно и вовсе не отвечает тому, о чем идет речь. Ведь в астрофизике "черная дыра" — это некое тело, которое безвозвратно поглощает окружающую материю. Россия, напротив, теряет части своего "тела". А в книге, говоря о России, З. Бжезинский формулирует двойственную проблему американской политики: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и в то же время "не допустить вновь возрождения евразийской империи, способной помешать американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана".

Однако вот что интересно — ответ автора весьма скуп: России надо повернуться лицом к Европе. Зато вся глава — блестящий исторический очерк, увеселительный, распада СССР и его последствий. Из него читатель может почерпнуть весьма интересные нюансы, связанные с Беловежской Пушей. Вот один из них в описании Бжезинского: "Именно действия Украины — объявление ею независимости в декабре 1991 года, ее настойчивость в ходе важных переговоров в Беловежской Пуще о том, что Советский Союз следует заменить более свободным сотрудничеством независимых государств, и особенно неожиданное навязывание, похожее на переворот, украинского командования над подразделениями Советской Армии, размещенными на украинской земле, — помешали СНГ стать новым наименованием более федерального СССР".

Поэтому Бжезинский считает, что «потеря Украины явилась "центральной геополитическим событием" и "геополитическим катализатором" в процессе распада СССР и последующего ослабления России».

Между прочим, анализируя "козыревскую" внешнюю политику, питавшую иллюзии "зрелого партнерства" России и США (то есть совместного "управления миром"), Бжезинский без обиняков, с солдатской прямолинейностью заявляет, что Америка никогда не собиралась делиться властью с Россией...

Разумеется, концепции многополярного мира чужды Бжезинскому по самой его природе. И тем более интересно, что свою книгу он заключает разделом, который назван: "После последней мировой сверхдержавы". Да, автор признает, что США — первая и последняя глобальная сверхдержава. Что наступит время, когда "мировой политике непременно станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства". А может быть, это время уже наступает?

Конец "холодной войны" значительно осложнил позицию США как лидера "свободного мира". Книга З. Бжезинского, одного из кузнецов американской внешней политики, — это поиск новой стратегии мирового господства США. Слон в посудной лавке старается разбить как можно меньше тарелок.

*Генерал-майор СВР
Ю.Г. Кобаладзе*

Политика сверх- державы

С ТОГО МОМЕНТА, КАК ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО 500 ЛЕТ НАЗАД континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества. Различными путями, в разное время народы, населяющие Евразию, главным образом народы, проживающие в ее западноевропейской части, проникали в другие регионы мира и господствовали там, в то время как отдельные евразийские государства добивались особого статуса и пользовались привилегиями ведущих мировых держав.

Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария — Соединенных Штатов — в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы.

Евразия, тем не менее, сохраняет свое геополитическое значение. Не только ее западная часть — Европа — по-прежнему место сосредоточения значительной части мировой политической и экономической мощи, но и ее восточная часть — Азия — в последнее время стала жизненно важным центром экономического развития и растущего политического влияния. Соответственно вопрос о том, каким образом имеющая глобальные интересы Америка должна справлять-

ся со сложными отношениями между евразийскими державами и особенно сможет ли она предотвратить появление на международной арене доминирующей и антагонистичной евразийской державы, остается центральным в плане способности Америки осуществлять свое мировое господство.

Отсюда следует, что в дополнение к развитию различных новейших сторон могущества (технологии, коммуникаций, систем информации, а также торговли и финансов) американская внешняя политика должна продолжать следить за геополитическим аспектом и использовать свое влияние в Евразии таким образом, чтобы создать стабильное равновесие на континенте, где Соединенные Штаты выступают в качестве политического арбитра.

Евразия, следовательно, является “шахматной доской”, на которой продолжается борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами. Стоит отметить, что не далее как в 1940 году два претендента на мировое господство — Адольф Гитлер и Иосиф Сталин — заключили недвусмысленное соглашение (во время секретных переговоров в ноябре 1940 г.) о том, что Америка должна быть удалена из Евразии. Каждый из них сознавал, что инъекция американского могущества в Евразию положила бы конец их амбициям в отношении мирового господства. Каждый из них разделял точку зрения, что Евразия является центром мира и тот, кто контролирует Евразию, осуществляет контроль над всем миром. Полвека спустя вопрос был сформулирован по-другому: продлится ли американское преобладание в Евразии и в каких целях оно может быть использовано?

Окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в то же время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке. *Поэтому целью книги является формулирование всеобъемлющей и последовательной евразийской геостратегии.*

Збигнев Бжезинский

Вашингтон, округ Колумбия, апрель 1997 года

Гегемония нового типа

ГЕГЕМОНИЯ ТАК ЖЕ СТАРА, КАК МИР. Однако американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами осуществления. В течение всего лишь одного столетия Америка под влиянием внутренних изменений, а также динамичного развития международных событий из страны, относительно изолированной в Западном полушарии, трансформировалась в державу мирового масштаба по размаху интересов и влияния.

КОРОТКИЙ ПУТЬ К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ

Испано-американская война 1898 года была первой для Америки захватнической войной за пределами континента*. Благодаря ей власть Америки распространилась далеко в Тихоокеанский регион, далее Гавайев, до Филиппин. На пороге нового столетия американские специалисты по стратегическому планированию уже активно занимались выработкой доктрин военно-морского господства в двух океанах, а американские военно-морские силы начали оспаривать сложившееся мнение, что Британия «правит моря-

*В результате развязанной Соединенными Штатами испано-американской войны 1898 года они захватили Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам и превратили Кубу фактически в свою колонию. — *Прим. ред.*

ми”. Американские притязания на статус единственного хранителя безопасности Западного полушария, провозглашенные ранее в этом столетии в “доктрине Монро” и оправдываемые утверждениями о “предначертании судьбы”, еще более возросли после строительства Панамского канала, облегчившего военно-морское господство как в Атлантическом, так и в Тихом океане.

Фундамент растущих геополитических амбиций Америки обеспечивался быстрой индустриализацией страны. К началу первой мировой войны экономический потенциал Америки уже составлял около 33% мирового ВВП, что лишало Великобританию роли ведущей индустриальной державы. Такой замечательной динамике экономического роста способствовала культура, поощрявшая эксперименты и новаторство. Американские политические институты и свободная рыночная экономика создали беспрецедентные возможности для амбициозных и не имеющих предрассудков изобретателей, осуществление личных устремлений которых не сковывалось архаичными привилегиями или жесткими социальными иерархическими требованиями. Короче говоря, национальная культура уникальным образом благоприятствовала экономическому росту, привлекая и быстро ассимилируя наиболее талантливых людей из-за рубежа, она облегчала экспансию национального могущества.

Первая мировая война явилась первой возможностью для массовой переброски американских вооруженных сил в Европу. Страна, находившаяся в относительной изоляции, быстро переправила войска численностью в несколько сотен тысяч человек через Атлантический океан: это была трансокеаническая военная экспедиция, беспрецедентная по своим размерам и масштабу, первое свидетельство появления на международной арене нового крупного действующего лица. Представляется не менее важным, что война также обусловила первые крупные дипломатические шаги, направленные на применение американских принципов в решении европейских проблем. Знаменитые “четырнадцать пунктов” Вудро Вильсона представляли собой впрыскивание в европейскую геополитику американского идеализма, подкрепленного американским могуществом. (За полтора десятилетия до этого Соединенные Штаты сыграли ведущую роль в урегулировании дальневосточного конфликта между Россией и Японией, тем самым также утвердив свой растущий международный статус.) Сплав

американского идеализма и американской силы, таким образом, дал о себе знать на мировой сцене.

Тем не менее, строго говоря, первая мировая война была в первую очередь войной европейской, а не глобальной. Однако ее разрушительный характер ознаменовал собой начало конца европейского политического, экономического и культурного превосходства над остальным миром. В ходе войны ни одна европейская держава не смогла продемонстрировать решающего превосходства, и на ее исход значительное влияние оказало вступление в конфликт приобретающей вес неевропейской державы — Америки. Впоследствии Европа будет все более становиться скорее объектом, нежели субъектом глобальной державной политики.

Тем не менее этот краткий всплеск американского мирового лидерства не привел к постоянному участию Америки в мировых делах. Наоборот, Америка быстро отступила на позиции лестной для себя комбинации изоляционизма и идеализма. Хотя к середине 20-х и в начале 30-х годов на Европейском континенте набирал силу тоталитаризм, американская держава, к тому времени имевшая мощный флот на двух океанах, явно превосходивший британские военноморские силы, по-прежнему не принимала участия в международных делах. Американцы предпочитали оставаться в стороне от мировой политики.

С такой позицией согласовывалась американская концепция безопасности, базировавшаяся на взгляде на Америку как на континентальный остров. Американская стратегия была направлена на защиту своих берегов и, следовательно, была узконациональной по своему характеру, причем международным или глобальным соображениям уделялось мало внимания. Основными международными игроками по-прежнему были европейские державы, и все более возрастала роль Японии.

Европейская эра в мировой политике пришла к окончательному завершению в ходе второй мировой войны, первой подлинно глобальной войны. Боевые действия велись на трех континентах одновременно, за Атлантический и Тихий океаны шла также ожесточенная борьба, и глобальный характер войны был символично продемонстрирован, когда британские и японские солдаты, бывшие представителями соответственно отдаленного западноевропейского острова и столь же отдаленного восточноазиатского острова, со-

шлись в битве за тысячи миль от своих родных берегов на индийско-бирманской границе. Европа и Азия стали единым полем битвы.

Если бы война закончилась явной победой нацистской Германии, единая европейская держава могла бы стать господствующей в глобальном масштабе. (Победа Японии на Тихом океане позволила бы ей играть ведущую роль на Дальнем Востоке, однако, по всей вероятности, Япония по-прежнему оставалась бы гегемоном регионального масштаба.) Вместо этого поражение Германии было завершено главным образом двумя внеевропейскими победителями — Соединенными Штатами и Советским Союзом, ставшими преемниками незавершенного в Европе спора за мировое господство.

Следующие 50 лет ознаменовались преобладанием двухполюсной американско-советской борьбы за мировое господство. В некоторых аспектах соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом представляло собой осуществление излюбленных теорий геополитиков: оно противопоставляло ведущую в мире военно-морскую державу, имевшую господство как над Атлантическим океаном, так и над Тихим, крупнейшей в мире сухопутной державе, занимавшей большую часть евразийских земель (причем китайско-советский блок охватывал пространство, отчетливо напоминавшее масштабы Монгольской империи). Геополитический расклад не мог быть яснее: Северная Америка против Евразии в споре за весь мир. Победитель добивался бы подлинного господства на земном шаре. Как только победа была бы окончательно достигнута, никто не смог бы помешать этому.

Каждый из противников распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом, оправдывавшим в глазах каждого из них необходимые шаги и укрепившим их убежденность в неизбежной победе. Каждый из соперников явно господствовал внутри своего собственного пространства, в отличие от имперских европейских претендентов на мировую гегемонию, ни одному из которых так и не удалось когда-либо установить решающее господство на территории самой Европы. И каждый использовал свою идеологию для упрочения власти над своими вассалами и зависимыми государствами, что в определенной степени напоминало времена религиозных войн.

Комбинация глобального геополитического размаха и провозглашаемая универсальность соревнующихся между собой догм придавали соперничеству беспрецедентную мощь. Однако дополнительный фактор, также наполненный глобальной подоплекой, делал соперничество действительно уникальным. Появление ядерного оружия означало, что грядущая война классического типа между двумя главными соперниками не только приведет к их взаимному уничтожению, но и может иметь губительные последствия для значительной части человечества. Интенсивность конфликта, таким образом, сдерживалась проявляемой со стороны обоих противников чрезвычайной выдержкой.

В геополитическом плане конфликт протекал главным образом на периферии самой Евразии. Китайско-советский блок господствовал в большей части Евразии, однако он не контролировал ее периферию. Северной Америке удалось закрепиться как на крайнем западном, так и на крайнем восточном побережье великого Евразийского континента. Оборона этих континентальных плацдармов (выражавшаяся на Западном “фронте” в блокаде Берлина, а на Восточном — в Корейской войне) явилась, таким образом, первым стратегическим испытанием того, что потом стало известно как холодная война.

На заключительной стадии холодной войны на карте Евразии появился третий оборонительный “фронт” — Южный (см. карту I). Советское вторжение в Афганистан ускорило обоюдоострую ответную реакцию Америки: прямую помощь со стороны США национальному движению сопротивления в Афганистане в целях срыва планов Советской Армии и широкомасштабное наращивание американского военного присутствия в районе Персидского залива в качестве сдерживающего средства, упреждающего любое дальнейшее продвижение на Юг советской политической или военной силы. Соединенные Штаты занялись обороной района Персидского залива в равной степени с обеспечением своих интересов безопасности в Западной и Восточной Евразии.

Успешное сдерживание Северной Америкой усилий евразийского блока, направленных на установление прочного господства над всей Евразией, причем обе стороны до конца воздерживались от прямого военного столкновения из-за боязни ядерной войны, привело к тому, что исход соперничества был решен невоенными средствами. Политическая

Карта I

жизнеспособность, идеологическая гибкость, динамичность экономики и привлекательность культурных ценностей стали решающими факторами.

Ведомая Америкой коалиция сохранила свое единство, в то время как китайско-советский блок развалился в течение менее чем двух десятилетий. Отчасти такое положение дел стало возможным в силу большей гибкости демократической коалиции по сравнению с иерархическим и догматичным и в то же время хрупким характером коммунистического лагеря. Первый блок имел общие ценности, но без формальной доктрины. Второй же делал упор на догматичный ортодоксальный подход, имея только один веский центр для интерпретации своей позиции. Главные союзники Америки были значительно слабее, чем сама Америка, в то время как Советский Союз определенно не мог обращаться с Китаем как с подчиненным себе государством. Исход событий стал таковым также благодаря тому факту, что американская сторона оказалась гораздо более динамичной в экономическом и технологическом отношении, в то время как Советский Союз постепенно вступал в стадию стагнации и не мог эффективно вести соперничество как в плане экономического роста, так и в сфере военных техно-

логий. Экономический упадок, в свою очередь, усиливал идеологическую деморализацию.

Фактически советская военная мощь и страх, который она внушала представителям Запада, в течение длительного времени скрывали существенную асимметрию между соперниками. Америка была гораздо богаче, гораздо дальше ушла в области развития технологий, была более гибкой и передовой в военной области и более созидательной и привлекательной в социальном отношении. Ограничения идеологического характера также подрывали созидательный потенциал Советского Союза, делая его систему все более косной, а его экономику все более расточительной и менее конкурентоспособной в научно-техническом плане. В ходе мирного соревнования чаша весов должна была склониться в пользу Америки.

На конечный результат существенное влияние оказали также явления культурного порядка. Возглавляемая Америкой коалиция в массе своей воспринимала в качестве положительных многие атрибуты американской политической и социальной культуры. Два наиболее важных союзника Америки на западной и восточной периферии Евразийского континента — Германия и Япония — восстановили свои экономики в контексте почти необузданного восхищения всем американским. Америка широко воспринималась как представитель будущего, как общество, заслуживающее восхищения и достойное подражания.

И наоборот, Россия в культурном отношении вызывала презрение со стороны большинства своих вассалов в Центральной Европе и еще большее презрение со стороны своего главного и все более несговорчивого восточного союзника — Китая. Для представителей Центральной Европы российское господство означало изоляцию от того, что они считали своим домом с точки зрения философии и культуры: от Западной Европы и ее христианских религиозных традиций. Хуже того, это означало господство народа, который жители Центральной Европы, часто несправедливо, считали ниже себя в культурном развитии.

Китайцы, для которых слово “Россия” означало “голодная земля”, выказывали еще более открытое презрение. Хотя первоначально китайцы лишь тихо оспаривали притязания Москвы на универсальность советской модели, в течение десятилетия, последовавшего за китайской коммунистической революцией, они поднялись на уровень на-

стойчивого вызова идеологическому главенству Москвы и даже начали открыто демонстрировать свое традиционное презрение к северным соседям-варварам.

Наконец, внутри самого Советского Союза 50% его населения, не принадлежавшего к русской нации, также отвергло господство Москвы. Постепенное политическое пробуждение нерусского населения означало, что украинцы, грузины, армяне и азербайджанцы стали считать советскую власть формой чуждого имперского господства со стороны народа, который они не считали выше себя в культурном отношении. В Средней Азии национальные устремления, возможно, были слабее, но там настроения народов разжигались постепенно возрастающим осознанием принадлежности к исламскому миру, что подкреплялось сведениями об осуществлявшейся повсюду деколонизации.

Подобно столь многим империям, существовавшим ранее, Советский Союз в конечном счете взорвался изнутри и раскололся на части, став жертвой не столько прямого военного поражения, сколько процесса дезинтеграции, ускоренного экономическими и социальными проблемами. Его судьба стала подтверждением меткого замечания ученого о том, что

“империи являются в основе своей нестабильными, потому что подчиненные элементы почти всегда предпочитают большую степень автономии, и контрэлиты в таких элементах почти всегда при возникновении возможности предпринимают шаги для достижения большей автономии. В этом смысле империи не **рушатся**; они скорее **разрушаются на части**, обычно очень медленно, хотя иногда и необыкновенно быстро”¹.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ДЕРЖАВА

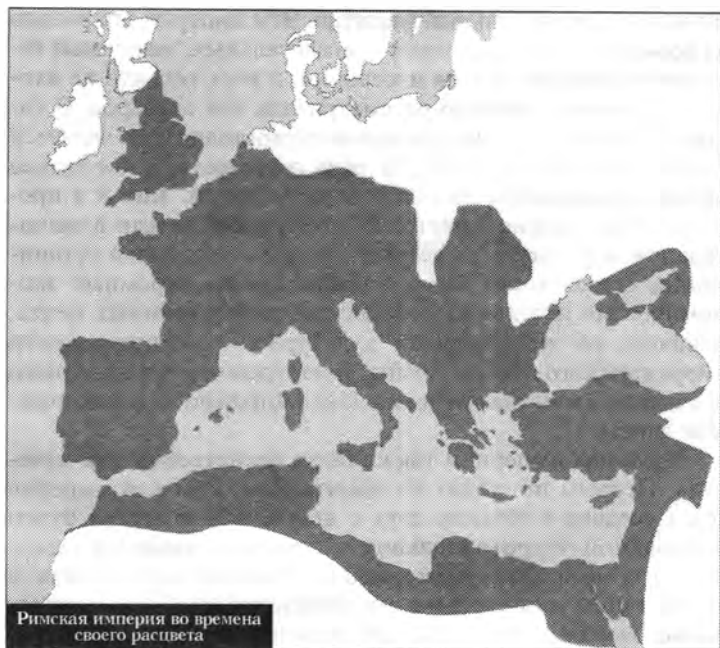
В результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной действительно мировой державой. И все же глобальное господство Америки в некотором отношении напоминает прежние империи, несмотря на их более огра-

¹ Donald Puchala. The History of the Future of International Relations // Ethics and International Affairce. — 1994. — No 8. — P. 183.

ниченный, региональный масштаб. Эти империи опирались в своем могуществе на иерархию вассальных, зависимых государств, протекторатов и колоний, и всех тех, кто не входил в империю, обычно рассматривали как варваров. В какой-то степени эта анахроничная терминология не является такой уж неподходящей для ряда государств, в настоящее время находящихся под влиянием Америки. Как и в прошлом, применение Америкой “имперской” власти в значительной мере является результатом превосходящей организации, способности быстро мобилизовать огромные экономические и технологические ресурсы в военных целях, неявной, но значительной культурной притягательности американского образа жизни, динамизма и прирожденного духа соперничества американской социальной и политической элиты.

Прежним империям также были свойственны эти качества. Первым приходит на память Рим. Римская империя была создана в течение двух с половиной столетий путем постоянной территориальной экспансии вначале в северном, а затем и в западном и юго-восточном направлениях, а также путем установления эффективного морского контроля над всей береговой линией Средиземного моря. В географическом отношении она достигла своего максимального развития приблизительно в 211 году н.э. (см. карту II). Римская империя представляла собой централизованное государство с единой самостоятельной экономикой. Ее имперская власть осуществлялась осмотрительно и целенаправленно посредством сложной политической и экономической структуры. Стратегически задуманная система дорог и морских путей, которые брали начало в столице, обеспечивала возможность быстрой перегруппировки и концентрации (в случае серьезной угрозы безопасности) римских легионов, базировавшихся в различных вассальных государствах и подчиненных провинциях.

Во времена расцвета империи римские легионы, развернутые за границей, насчитывали не менее 300 тыс. человек: это была огромная сила, становившаяся еще более смертоносной благодаря превосходству римлян в тактике и вооружениях, а также благодаря способности центра обеспечить относительно быструю перегруппировку сил. (Удивительно, что в 1996 г. гораздо более густонаселенная сверхдержава Америка защищала внешние границы своих владений, разместив за границей 296 тыс. солдат-профессионалов.)

Карта II

Имперская власть Рима, однако, также опиралась на важную психологическую реальность. Слова “Civis Romanus sum” (“Я есть римский гражданин”) были наивысшей самооценкой, источником гордости и тем, к чему стремились многие. Высокий статус римского гражданина, в итоге предоставлявшийся и лицам неримского происхождения, был выражением культурного превосходства, которое оправдывало чувство “особой миссии” империи. Эта реальность не только узаконивала римское правление, но и склоняла тех, кто подчинялся Риму, к ассимиляции и включению в имперскую структуру. Таким образом культурное превосходство, которое воспринималось правителями как нечто само собой разумеющееся и которое признавалось поработенными, укрепляло имперскую власть.

Эта высшая и в значительной степени неоспаривавшаяся имперская власть просуществовала около трех столетий. За исключением вызова, брошенного на определенном этапе соседним Карфагеном и на восточных границах Парфянс-

кой империей, внешний мир, в основном варварский, плохо организованный и в культурном отношении явно уступающий Риму, большей частью был способен лишь к отдельным нападениям. До тех пор пока империя могла поддерживать внутреннюю жизнеспособность и единство, внешний мир не мог с ней конкурировать.

Три основные причины привели в конечном счете к краху Римской империи. Во-первых, империя стала слишком большой для управления из единого центра, однако ее раздел на Западную и Восточную автоматически уничтожил монополистический характер ее власти. Во-вторых, продолжительный период имперского высокомерия породил культурный гедонизм, который постепенно подорвал стремление политической элиты к величию. В-третьих, длительная инфляция также подорвала способность системы поддерживать себя без принесения социальных жертв, к которым граждане больше не были готовы. Культурная деградация, политический раздел и финансовая инфляция в совокупности сделали Рим уязвимым даже для варваров из прилегающих к границам империи районов.

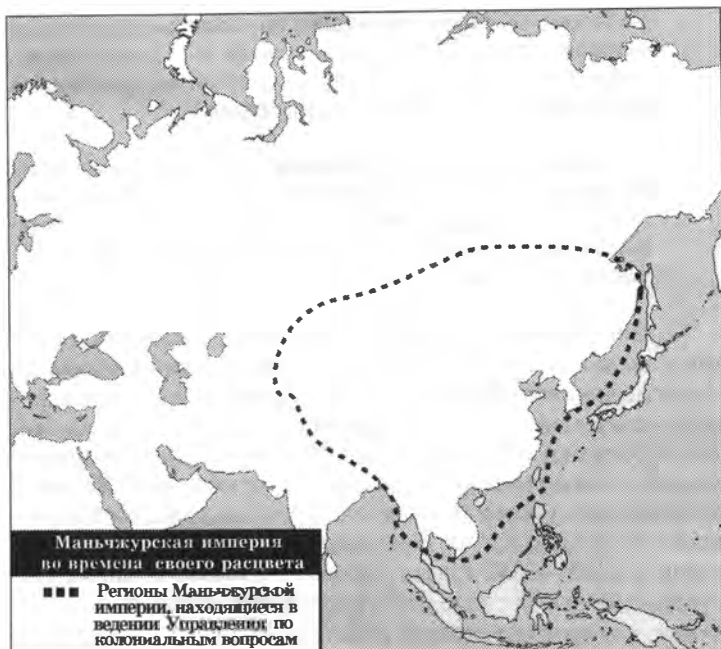
По современным стандартам Рим не был действительно мировой державой, он был державой региональной. Но учитывая существовавшую в то время изолированность континентов, при отсутствии непосредственных или хотя бы отдаленных соперников, его региональная власть была полной. Таким образом, Римская империя была сама по себе целым миром, ее превосходящая политическая организация и культура сделали ее предшественницей более поздних имперских систем, еще более грандиозных по географическим масштабам.

Однако даже с учетом вышесказанного Римская империя не была единственной. Римская и Китайская империи возникли почти одновременно, хотя и не знали друг о друге. К 221 году до н.э. (период Пунических войн между Римом и Карфагеном) объединение Цинем существовавших семи государств в первую Китайскую империю послужило толчком для строительства Великой китайской стены в Северном Китае, с тем чтобы оградить внутреннее королевство от внешнего варварского мира. Более поздняя империя Хань, которая начала формироваться примерно в 140 году до н.э., стала еще более впечатляющей как по масштабам, так и по организации. К наступлению христианской эры под ее властью находилось не менее 57 млн. человек. Это огромное

число, само по себе беспрецедентное, свидетельствовало о чрезвычайно эффективном центральном управлении, которое осуществлялось через централизованный и репрессивный бюрократический аппарат. Власть империи простиралась на территорию современной Кореи, отдельные районы Монголии и большую часть нынешнего прибрежного Китая. Однако, подобно Риму, империя Хань также была подвержена внутренним болезням, и ее крах был ускорен разделом на три независимых государства в 220 году н.э.

Дальнейшая история Китая состояла из циклов воссоединения и расширения, за которыми следовали упадок и раскол. Не один раз Китаю удавалось создавать имперские системы, которые были автономными, изолированными, которым с внешней стороны не угрожали никакие организованные соперники. Разделу государства Хань на три части был положен конец в 589 году н.э., в результате чего возникло образование, схожее с имперской системой. Однако момент наиболее успешного самоутверждения Китая как империи пришелся на период правления маньчжуров, особенно в начальный период династии Цзинь. К началу XVIII века Китай вновь стал полноценной империей, в которой имперский центр был окружен вассальными и зависимыми государствами, включая сегодняшние Корею, Индокитай, Таиланд, Бирму и Непал. Таким образом, влияние Китая распространялось от территории современного российского Дальнего Востока через Южную Сибирь до озера Байкал и на территорию современного Казахстана, затем в южном направлении в сторону Индийского океана и на восток через Лаос и Северный Вьетнам (см. карту III).

Как и в случае с Римом, империя представляла собой сложную систему в области финансов, экономики, образования и безопасности. Контроль над большой территорией и более чем 300 млн. людей, проживающими на ней, осуществлялся с помощью всех этих средств при сильном упоре на централизованную политическую власть при поддержке замечательно эффективной курьерской службы. Вся империя была разделена на четыре зоны, расходящиеся лучами от Пекина и определявшие границы районов, до которых курьер мог добраться в течение одной, двух, трех или четырех недель соответственно. Централизованный бюрократический аппарат, профессионально подготовленный и подобранный на конкурентной основе, обеспечивал опору единства.

Карта III

Единство укреплялось, узаконивалось и поддерживалось — как и в случае с Римом — сильным и глубоко укоренившимся чувством культурного превосходства, которое усиливалось конфуцианством, целесообразным с точки зрения существования империи философским учением с его упором на гармонию, иерархию и дисциплину. Китай — Небесная империя — рассматривался как центр Вселенной, за пределами которого жили только варвары. Быть китайцем означало быть культурным, и по этой причине остальной мир должен был относиться к Китаю с должным почтением. Это особое чувство превосходства пронизывало ответ китайского императора — даже в период усиливающегося упадка Китая в конце XVIII века — королю Великобритании Георгу III, посланцы которого пытались вовлечь Китай в торговые отношения, предложив кое-какие британские промышленные товары в качестве даров:

“Мы, волею небес император, предлагаем королю Англии принять во внимание наше предписание:

Небесная империя, правящая на пространстве между четырьмя морями... не ценит редкие и дорогие вещи... точно так же мы ни в малейшей степени не нуждаемся в промышленных товарах вашей страны...

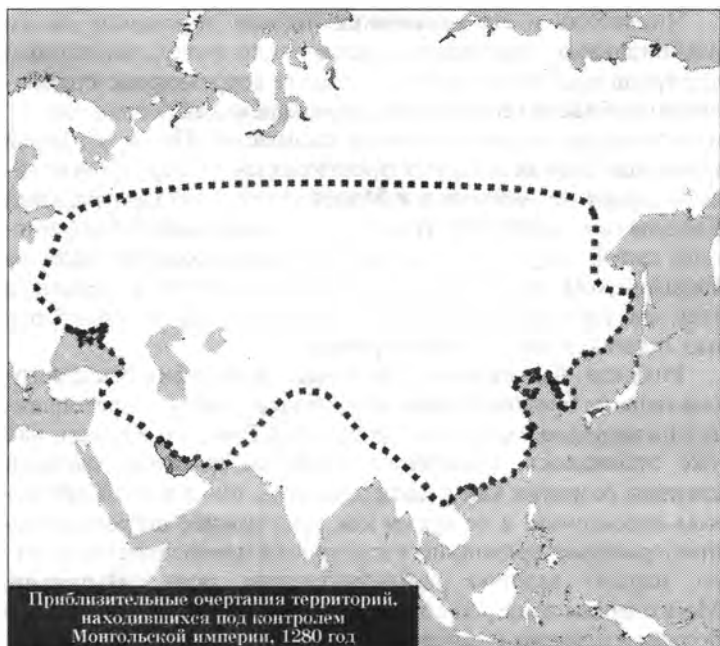
Соответственно мы... приказали находящимся в вашем услужении посланникам благополучно возвращаться домой. Вы, о Король, просто должны действовать в соответствии с нашими пожеланиями, укрепляя вашу преданность и присягая в вечной покорности”.

Упадок и гибель нескольких китайских империй также объяснялись в первую очередь внутренними факторами. Монгольские и позднее восточные “варвары” восторжествовали вследствие того, что внутренняя усталость, разложение, гедонизм и утрата способности к созиданию в экономической, а также военной областях подорвали волю Китая, а впоследствии ускорили его крах. Внешние силы воспользовались болезнью Китая: Британия — во время “опиумной” войны в 1839—1842 годах*, Япония — веком позднее, что, в свою очередь, вызвало глубокое чувство культурного унижения, которое определяло действия Китая на протяжении XX столетия, унижения тем более сильного из-за противоречия между врожденным чувством культурного превосходства и унижительной политической действительностью постимперского Китая.

В значительной степени, как и в случае с Римом, имперский Китай сегодня можно было бы классифицировать как региональную державу. Однако в эпоху своего расцвета Китай не имел себе равных в мире в том смысле, что ни одна другая страна не была бы в состоянии бросить вызов его имперскому статусу или хотя бы оказать сопротивление его дальнейшей экспансии, если бы у Китая было такое намерение. Китайская система была автономной и самоподдерживающейся, основанной прежде всего на общей этнической принадлежности при относительно ограниченной проекции центральной власти на этнически чуждые и географически периферийные покоренные государства.

Многочисленная и доминирующая этническая сердцевина позволяла Китаю периодически восстанавливать свою

* Англо-китайская “опиумная” война происходила в 1840—1842 годах. — *Прим. ред.*

Приблизительные очертания территорий,
находившихся под контролем
Монгольской империи, 1280 год

Карта IV

империю. В этом отношении Китай отличается от других империй, в которых небольшим по численности, но руководствующимся гегемонистскими устремлениями народам удавалось на время устанавливать и поддерживать свое господство над гораздо более многочисленными этнически чуждыми народами. Однако если доминирующее положение таких империй с немногочисленной этнической сердцевиной подрывалось, о реставрации империи не могло быть и речи.

Для того чтобы найти в какой-то степени более близкую аналогию сегодняшнему определению мировой державы, мы должны обратиться к примечательному явлению Монгольской империи. Она возникла в результате ожесточенной борьбы с сильными и хорошо организованными противниками. Среди потерпевших поражение были королевства Польши и Венгрии, силы Святой Римской империи, несколько русских княжеств, Багдадский халифат и, позднее, даже китайская династия Сунь.

Чингисхан и его преемники, нанеся поражение своим региональным противникам, установили централизованный контроль над территорией, которую современные специалисты в области геополитики определили как “сердце мира” или точку опоры для мирового господства. Их евразийская континентальная империя простиралась от берегов Китайского моря до Анатолии в Малой Азии и до Центральной Европы (см. карту IV). И лишь в период расцвета сталинского китайско-советского блока Монгольской империи на Евразийском континенте нашелся достойный соперник в том, что касалось масштабов централизованного контроля над прилегающими территориями.

Римская, Китайская и Монгольская империи были региональными предшественниками более поздних претендентов на мировое господство. В случае с Римом и Китаем, как уже отмечалось, имперская структура достигла высокой степени развития как в политическом, так и в экономическом отношении, в то время как получившее широкое распространение признание культурного превосходства центра играло важную цементирующую роль. Напротив, Монгольская империя сохраняла политический контроль, в большей степени опираясь на военные завоевания, за которыми следовала адаптация (и даже ассимиляция) к местным условиям.

Имперская власть Монголии в основном опиралась на военное господство. Достигнутое благодаря применению блестящей и жестокой превосходящей военной тактики, сочетавшейся с замечательными возможностями быстрой переброски сил и их своевременным сосредоточением, монгольское господство не несло с собой организованной экономической или финансовой системы, и власть монголов не опиралась на чувство культурного превосходства. Монгольские правители были слишком немногочисленны, чтобы представлять самовозрождающийся правящий класс, и, в любом случае, отсутствие четко сформированного, укоренившегося в сознании чувства культурного или хотя бы этнического превосходства лишало имперскую элиту столь необходимой личной уверенности.

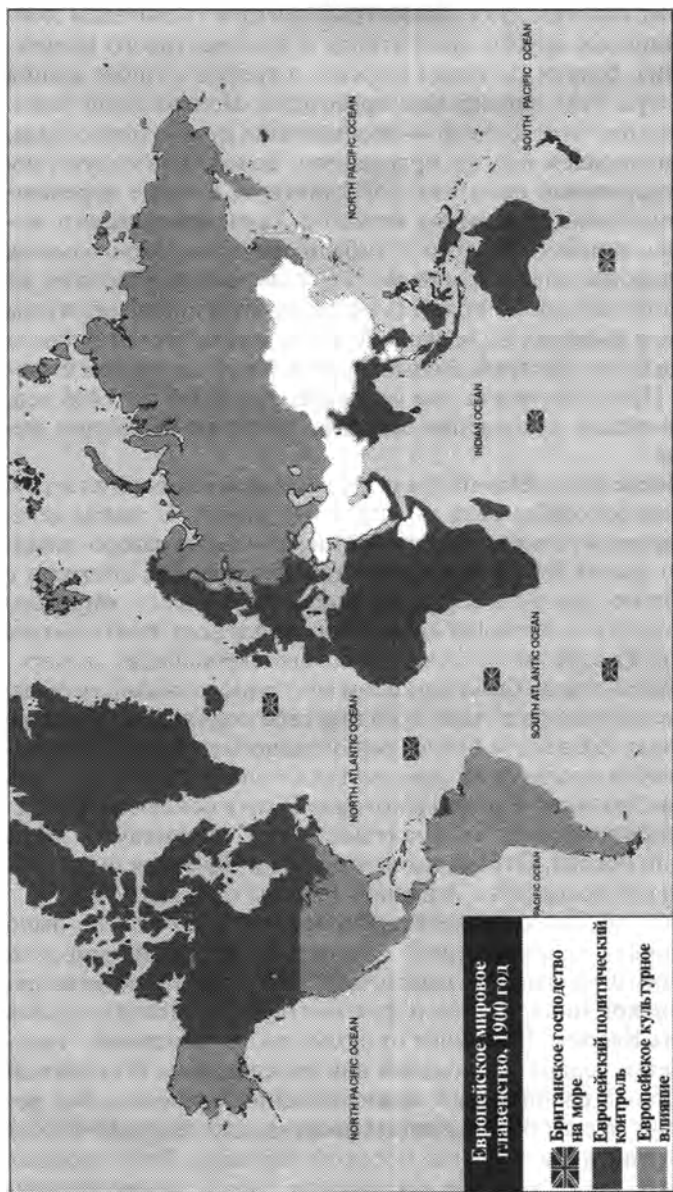
В действительности монгольские правители показали себя довольно восприимчивыми к постепенной ассимиляции с часто более развитыми в культурном отношении народами, которых они поработили. Так, один из внуков Чингисхана, который был императором китайской части ве-

ликого ханства, стал ревностным распространителем конфуцианства; другой превратился в благочестивого мусульманина, будучи султаном Персии; а третий с точки зрения культуры стал персидским правителем Центральной Азии.

Именно этот фактор — ассимиляция правителей с теми, кто находился под их правлением, вследствие отсутствия доминирующей политической культуры, а также нерешенная проблема преемника великого Хана, основавшего империю, привели в итоге к гибели империи. Монгольское государство стало слишком большим для управления из единого центра, но попытка решения этой проблемы путем раздела империи на несколько автономных частей привела к еще более быстрой ассимиляции и ускорила распад империи. Просуществовав два столетия — с 1206 по 1405 год, крупнейшая сухопутная мировая империя бесследно исчезла.

После этого Европа стала средоточием мировой власти и ареной основных битв за власть над миром. В самом деле, примерно в течение трех столетий небольшая северо-западная окраина Евразийского континента впервые достигла с помощью преимущества на морях настоящего мирового господства и отстояла свои позиции на всех континентах земли. Следует отметить, что западноевропейские имперские гегемоны не были слишком многочисленными, особенно по сравнению с теми, кого они себе подчинили. И все же к началу XX века за пределами Западного полушария (которое двумя столетиями раньше также находилось под контролем Западной Европы и которое было в основном населено европейскими эмигрантами и их потомками) лишь Китай, Россия, Оттоманская империя и Эфиопия были свободны от господства Западной Европы (см. карту V).

Тем не менее западноевропейское господство не было равноценно достижению Западной Европой мировой власти. В реальности имели место мировое господство европейской цивилизации и фрагментарная континентальная власть Европы. В отличие от сухопутного завоевания “евразийского сердца” монголами или впоследствии Российской империей, европейский заокеанский империализм был достигнут за счет непрерывных заокеанских географических открытий и расширения морской торговли. Этот процесс, однако, также включал постоянную борьбу между ведущими европейскими государствами не только за заокеанские доминионы, но и за господство в самой Европе. Геополити-

Карта V

ческим следствием этого обстоятельства было то, что мировое господство Европы не являлось результатом господства в Европе какой-либо одной европейской державы.

В целом до середины XVII века первостепенной европейской державой была Испания. К концу XV столетия она стала крупной имперской державой с заокеанскими владениями и претензиями на мировое господство. Объединяющей доктриной и источником имперского миссионерского рвения была религия. И в самом деле, потребовалось посредничество папы между Испанией и Португалией, ее морским соперником, для утверждения формального раздела мира на испанскую и португальскую колониальные сферы в Тордесильясском (1494 г.) и Сарагосском (1529 г.) договорах. Тем не менее, столкнувшись с Англией, Францией и Голландией, Испания не смогла отстоять свое господство ни в самой Западной Европе, ни за океаном.

Испания постепенно уступила свое преимущество Франции. До 1815 года Франция была доминирующей европейской державой, хотя ее постоянно сдерживали европейские соперники как на континенте, так и за океаном. Во времена правления Наполеона Франция вплотную приблизилась к установлению своей реальной гегемонии над Европой. Если бы ей это удалось, она также смогла бы получить статус господствующей мировой державы. Однако ее поражение в борьбе с европейской коалицией восстановило относительное равновесие сил на континенте.

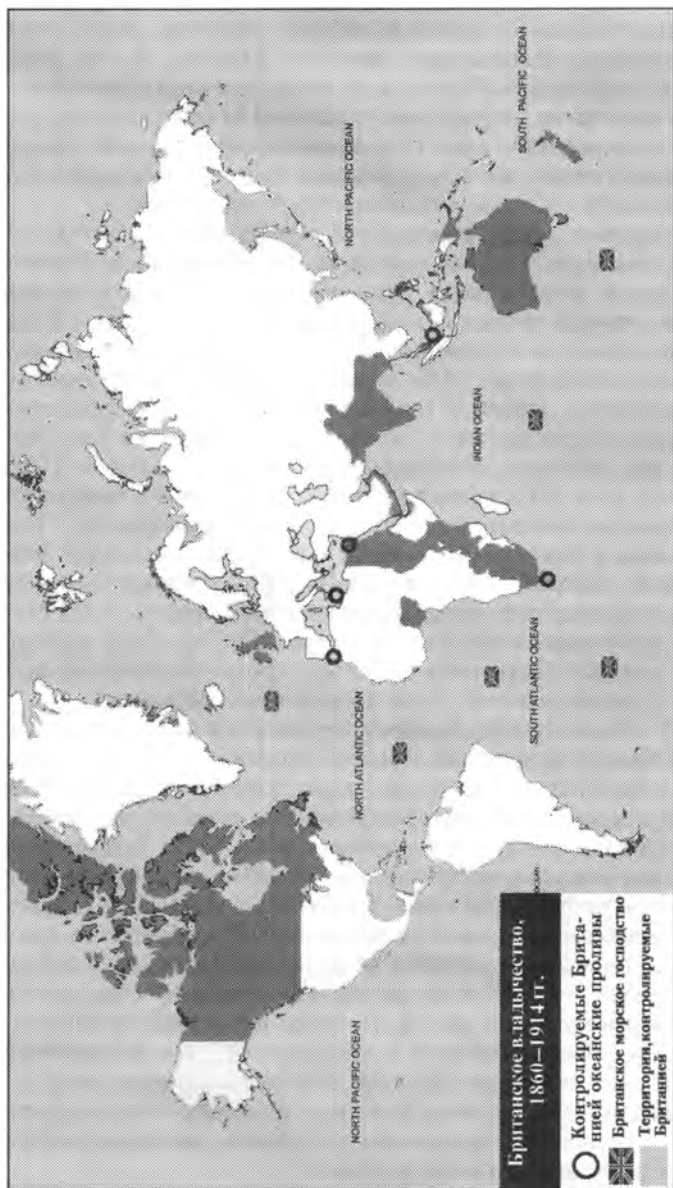
В течение следующего столетия до первой мировой войны мировым морским господством обладала Великобритания, в то время как Лондон стал главным финансовым и торговым центром мира, а британский флот “властвовал на волнах”. Великобритания явно была всесильной за океаном, но, как и более ранние европейские претенденты на мировое господство, Британская империя не могла в одиночку доминировать в Европе. Вместо этого Британия полагалась на хитроумную дипломатию равновесия сил и в конечном счете на англо-французское согласие для того, чтобы помешать континентальному господству России или Германии.

Заокеанская Британская империя была первоначально создана благодаря сложной комбинации из географических открытий, торговли и завоеваний. Однако в значительной мере, подобно своим предшественникам Риму и Китаю или своим французским и испанским соперникам, она черпала

стойкость в концепции культурного превосходства. Это превосходство было не только вопросом высокомерия со стороны имперского правящего класса, но и точкой зрения, которую разделяли многие подданные небританского происхождения. Как сказал первый чернокожий президент ЮАР Нельсон Мандела, “я был воспитан в британской школе, а в то время Британия была домом всего лучшего в мире. Я не отвергаю влияния, которое Британия и британская история и культура оказали на нас”. Культурное превосходство, которое успешно отстояли и которое легко признали, сыграло свою роль в уменьшении необходимости опоры на крупные воинские формирования для сохранения власти имперского центра. К 1914 году лишь несколько тысяч британских военнослужащих и гражданских служащих контролировали около 11 млн. квадратных миль и почти 400 млн. небританцев (см. карту VI).

Короче говоря, Рим обеспечивал свое господство в основном с помощью более совершенной военной структуры и культурной притягательности. Китай в значительной степени опирался на эффективный бюрократический аппарат, управляя империей, построенной на общей этнической принадлежности, и укрепляя свой контроль за счет сильно развитого чувства культурного превосходства. Монгольская империя в качестве основы своего правления сочетала применение в ходе завоеваний передовой военной тактики и склонность к ассимиляции. Британцы (так же как испанцы, голландцы и французы) обеспечивали себе превосходство по мере того, как их флаг следовал за развитием их торговли; их контроль также поддерживался более совершенной военной структурой и культурным самоутверждением. Однако ни одна из этих империй не была действительно мировой. Даже Великобритания не была настоящей мировой державой. Она не контролировала Европу, а лишь поддерживала в ней равновесие сил. Стабильная Европа имела решающее значение для международного господства Британии, и самоуничтожение Европы неизбежно означало конец главенствующей роли Британии.

Напротив, масштабы и влияние Соединенных Штатов Америки как мировой державы сегодня уникальны. Они не только контролируют все мировые океаны и моря, но и создали убедительные военные возможности для берегового контроля силами морского десанта, что позволяет им осуществлять свою власть на суше с большими политическими

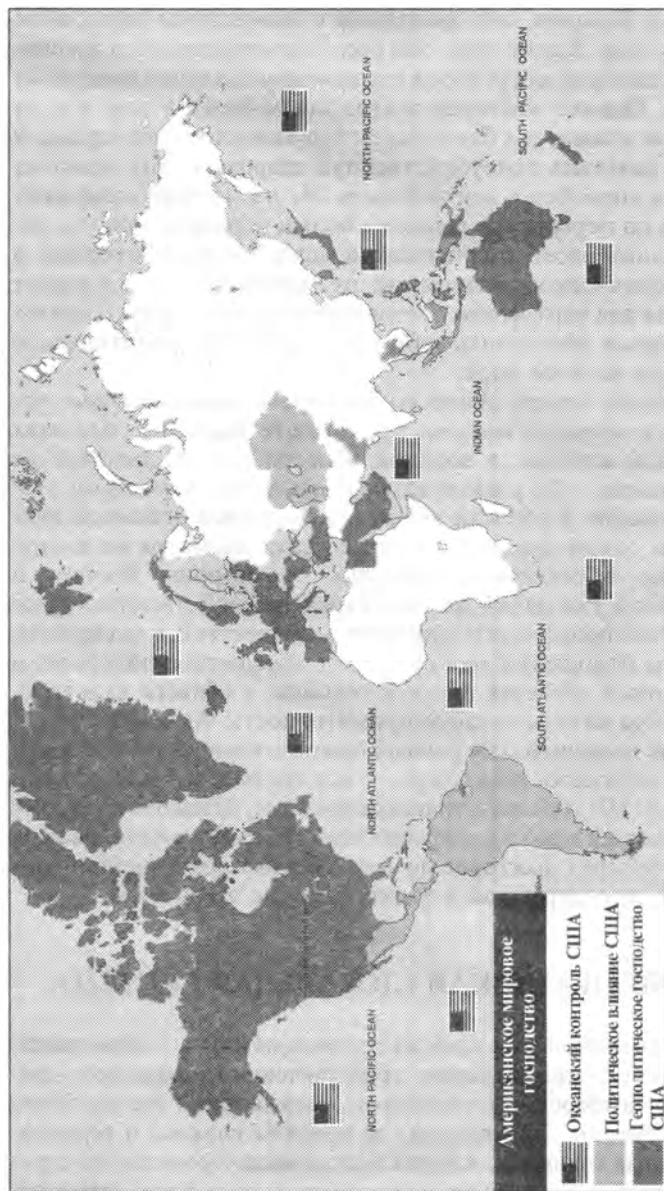
Карта VI

последствиями. Их военные легионы надежно закрепились на западных и восточных окраинах Евразии. Кроме того, они контролируют Персидский залив. Американские вассалы и зависимые государства, отдельные из которых стремятся к установлению еще более прочных официальных связей с Вашингтоном, распространились по всему Евразийскому континенту (об этом свидетельствует карта VII).

Экономический динамизм Америки служит необходимым предварительным условием для обеспечения главенствующей роли в мире. Первоначально, непосредственно после второй мировой войны, экономика Америки была независимой от экономики всех других стран и в одиночку обеспечивала более 50% мирового ВВП. Экономическое возрождение Западной Европы и Японии, за которым последовало более широкое явление экономического динамизма Азии, означало, что американская доля от мирового ВВП в итоге должна была сократиться по сравнению с непропорционально высоким уровнем послевоенного периода. Тем не менее к тому времени, когда закончилась холодная война, доля Америки в мировом ВВП, а более конкретно — ее доля в объеме мирового промышленного производства стабилизировалась примерно на уровне 30%, что было нормой для большей части этого столетия, кроме исключительных лет непосредственно после второй мировой войны.

Что более важно, Америка сохранила и даже расширила свое лидерство в использовании новейших научных открытий в военных целях, создав таким образом несравнимые в техническом отношении вооруженные силы с действительно глобальным охватом, единственные в мире. Все это время Америка сохраняла свое значительное преимущество в области информационных технологий, имеющих решающее значение для развития экономики. Преимущество Америки в передовых секторах сегодняшней экономики свидетельствует о том, что ее технологическое господство, по-видимому, будет не так-то легко преодолеть в ближайшем будущем, особенно с учетом того, что в имеющих решающее значение областях экономики американцы сохраняют и даже увеличивают свое преимущество по производительности по сравнению со своими западноевропейскими и японскими конкурентами.

Несомненно, Россия и Китай относятся к числу держав, болезненно воспринимающих гегемонию Америки. В начале 1996 года, в ходе визита в Пекин президента России

Карта VII

Бориса Ельцина, они выступили с совместным заявлением на эту тему. Кроме того, они располагают ядерными арсеналами, которые могут угрожать жизненно важным интересам США. Однако жестокая правда заключается в том, что на данный момент и в ближайшем будущем, хотя эти страны и могут развязать самоубийственную ядерную войну, никто из них не способен в ней победить. Не располагая возможностями по переброске войск на большие расстояния для навязывания своей политической воли и сильно отставая в технологическом отношении от Америки, они не имеют средств для того, чтобы постоянно оказывать (или в ближайшее время обеспечить себе такие средства) политическое влияние во всем мире.

Короче говоря, *Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти*: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии (ни одной из этих стран не свойственны другие отличительные черты мирового могущества); в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, — все это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова.

АМЕРИКАНСКАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Хотя американское превосходство в международном масштабе неизбежно вызывает представление о сходстве с прежними имперскими системами, расхождения все же более существенны. Они выходят за пределы вопроса о территориальных границах. Американская мощь проявляется через глобальную систему явно американского покроя, отражающую внутренний американский опыт. Центральное место в этом внутреннем опыте занимает плюралистический харак-

тер как американского общества, так и его политической системы.

Прежние империи были созданы аристократическими политическими элитами и в большинстве случаев управлялись по сути авторитарными или абсолютистскими режимами. Основная часть населения имперских государств была либо политически индифферентна, либо, как совсем недавно, заражена имперскими эмоциями и символами. Стремление к национальной славе, “бремя белого человека”, “цивилизаторская миссия”, не говоря уж о возможностях персонального обогащения, — все это служило для мобилизации поддержки имперских авантюр и сохранения иерархических имперских пирамид власти.

Отношение американской общественности к внешней демонстрации американской силы было в значительной мере двойственным. Общественность поддерживала участие Америки во второй мировой войне в основном по причине шока, вызванного нападением Японии на Пёрл-Харбор. Участие Соединенных Штатов в холодной войне первоначально, до блокады Берлина и последующей войны в Корее, поддерживалось очень вяло. После окончания холодной войны статус Соединенных Штатов как единственной глобальной силы не вызвал широкого торжества общественности, а скорее выявил тенденцию к более ограниченному толкованию американских задач за рубежом. Опросы общественного мнения, проведенные в 1995 и 1996 годах, свидетельствовали о том, что в целом общественность предпочитает скорее “разделить” глобальную власть с другими, чем использовать ее монопольно.

В силу этих внутренних факторов американская глобальная система уделяет гораздо больше особого внимания методам кооптации (как в случае с поверженными противниками — Германией, Японией и затем даже Россией), чем это делали прежние имперские системы. Она, вероятно, широко полагается на косвенное использование влияния на зависимые иностранные элиты, одновременно извлекая значительную выгоду из притягательности своих демократических принципов и институтов. Все вышеупомянутое подкрепляется широким, но неосязаемым влиянием американского господства в области глобальных коммуникаций, народных развлечений и массовой культуры, а также потенциально весьма ощутимым влиянием американского технологического превосходства и глобального военного присутствия.

Культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее притягательность во всем мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире. Язык Internet — английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной “болтовни” — также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование; приблизительно полмиллиона иностранных студентов стекаются в Соединенные Штаты, причем многие из самых способных так и не возвращаются домой. Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте.

Стиль многих зарубежных демократических политиков все больше походит на американский. Не только Джон Ф. Кеннеди нашел страстных почитателей за рубежом, но даже совсем недавние (и менее прославленные) американские политические лидеры стали объектами тщательного изучения и политического подражания. Политики таких различных культур, как японская и английская (например, японский премьер-министр середины 90-х годов Р. Хасимото и британский премьер-министр Тони Блэр — и отметьте: “Тони” — подражали “Джимми” Картеру, “Биллу” Клинтону или “Бобу” Доулу), находили весьма уместным копировать домашнюю манеру, популистское чувство локтя и тактику отношений с общественностью Билла Клинтона.

Демократические идеалы, связанные с американскими политическими традициями, еще больше укрепляют то, что некоторые воспринимают как американский “культурный империализм”. В век самого широкого распространения демократических форм правления американский политический опыт все больше служит стандартом для подражания. Распространяющийся во всем мире акцент на центральное положение написанной конституции и на главен-

ство закона над политической беспринципностью, неважно, насколько преуменьшенное на практике, использует силу американского конституционного образа правления. В последнее время на признание бывшими коммунистическими странами главенства гражданских над военными (особенно как предварительное условие для членства в НАТО) также оказывала сильное влияние американская система отношений между гражданскими и военными.

Популярность и влияние демократической американской политической системы также сопровождаются ростом привлекательности американской предпринимательской экономической модели, которая уделяет особое внимание мировой свободной торговле и беспрепятственной конкуренции. По мере того как западное государство всеобщего благосостояния, включая его германский акцент на "право участия в решении вопросов" между предпринимателями и профсоюзами, начинает терять свой экономический динамизм, все больше европейцев высказывают мнение о том, что необходимо последовать примеру более конкурентоспособной и даже жестокой американской экономической культуры, если не хотят, чтобы Европа откатилась еще больше назад. Даже в Японии большой индивидуализм в экономическом поведении признается как необходимое сопутствующее обстоятельство экономического успеха.

Американский акцент на политическую демократию и экономическое развитие, таким образом, сочетает простое идеологическое откровение, применимое во многих случаях: стремление к личному успеху укрепляет свободу, создавая богатство. Конечная смесь идеализма и эгоизма является сильной комбинацией. Индивидуальное самовыражение, как говорят, это Богом данное право, которое одновременно может принести пользу остальным, подавая пример и создавая богатство. Это доктрина, которая притягивает энергетикой, амбициями и высокой конкурентоспособностью.

Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия для установления косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимозависимых институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере власти и влияния.

Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир.

Организация Североатлантического договора (НАТО) связывает наиболее развитые и влиятельные государства Европы с Америкой, превращая Соединенные Штаты в главное действующее лицо даже во внутриевропейских делах. Двусторонние политические и военные связи с Японией привязывают самую мощную азиатскую экономику к Соединенным Штатам, причем Япония остается (по крайней мере, в настоящее время) в сущности американским протекторатом. Америка принимает также участие в деятельности таких зарождающихся транстихоокеанских многосторонних организаций, как Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества (АРЕС), становясь главным действующим лицом в делах региона. Западное полушарие в основном защищено от внешнего влияния, позволяя Америке играть главную роль в существующих многосторонних организациях полушария. Специальные меры безопасности в Персидском заливе, особенно после краткой карательной операции против Ирака в 1991 году, превратили этот экономически важный регион в американскую военную заповедную зону. Даже на бывших советских просторах нашли распространение различные поддерживаемые материально американцами схемы более тесного сотрудничества с НАТО, такие как программа “Партнерство во имя мира”.

Кроме того, следует считать частью американской системы глобальную сеть специализированных организаций, особенно “международные” финансовые институты. Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, можно сказать, представляют глобальные интересы, и их клиентами можно назвать весь мир. В действительности, однако, в них доминируют американцы, и в их создании прослеживаются американские инициативы, в частности на конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 году.

В отличие от прежних империй, эта обширная и сложная глобальная система не является иерархической пирамидой. Напротив, Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон,

округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки. Возможно, наивысшим комплиментом, которым мир удостаивает центральное положение демократического процесса в американской глобальной гегемонии, является степень участия самих зарубежных стран во внутриамериканских политических сделках. Насколько это возможно, правительства зарубежных стран стремятся привлечь к сотрудничеству тех американцев, с которыми у них имеются общие этнические или религиозные корни. Большинство иностранных правительств также нанимают американских лоббистов, чтобы продвинуть свои вопросы, особенно в конгрессе, в дополнение к приблизительно тысяче иностранных “групп интересов”, зарегистрированных и действующих в американской столице. Американские этнические общины также стремятся оказывать влияние на американскую внешнюю политику, причем еврейское, греческое и армянское лобби выступают как наиболее эффективно организованные.

Американское превосходство, таким образом, породило новый международный порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы. Ее основные моменты включают:

- систему коллективной безопасности, в том числе объединенное командование и вооруженные силы, например НАТО, Американско-японский договор о безопасности и т.д.;
- региональное экономическое сотрудничество, например АРЕС, НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле), и специализированные глобальные организации сотрудничества, например Всемирный банк, МВФ, ВТО (Всемирная организация труда);
- процедуры, которые уделяют особое внимание совместному принятию решений, даже при доминировании Соединенных Штатов;
- предпочтение демократическому членству в ключевых союзах;
- рудиментарную глобальную конституционную и юридическую структуру (от Международного Суда до специального трибунала по рассмотрению военных преступлений в Боснии).

Большая часть этой системы возникла в период холодной войны как часть усилий Соединенных Штатов, направленных на сдерживание своего глобального соперника — Советского Союза. Таким образом, она уже была готова к глобальному применению, как только этот соперник дрогнул и Америка стала первой и единственной глобальной державой. Ее суть хорошо изложена политологом Дж. Джоном Айкенберри:

“Она была гегемонистской в том смысле, что была сконцентрирована вокруг Соединенных Штатов и отражала политические механизмы и организационные принципы американского образца. Это был либеральный порядок в том, что он был законен и характеризовался обоюдным взаимодействием. Европейцы (можно добавить, и японцы) смогли перестроить и объединить свои общества и экономики таким образом, чтобы они соответствовали американской гегемонии, но также и оставили место для эксперимента со своими собственными автономными и полунезависимыми политическими системами... Эволюция этой комплексной системы служила для “одомашнивания” отношений среди ведущих западных стран. Время от времени между этими странами возникали напряженные конфликты, но суть в том, что конфликт вмещался в рамки незыблемого, стабильного и все более красноречивого политического порядка... Угрозы войны больше не существует”².

В настоящее время эта беспрецедентная американская глобальная гегемония не имеет соперников. Но останется ли она неизменной в ближайшие годы?

² **John Ikenberry.** *Creating Liberal Order: The Origins and Persistence of the Postwar Western Settlement.* — Philadelphia: University of Pennsylvania. — 1995.

**Евразий-
ская шах-
матная
доска**

ГЛАВНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРИЗ ДЛЯ АМЕРИКИ — Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте.

Очевидно, что это условие временное. Но его продолжительность и то, что за ним последует, имеют особое значение не только для благополучия Америки, но и в общем плане для мира во всем мире. Внезапное возникновение первой и единственной глобальной державы создало ситуацию, при которой одинаково быстрое достижение своего превосходства — либо из-за ухода Америки из мира, либо из-за внезапного появления успешного соперника — создало бы общую международную нестабильность. В действительности это вызвало бы глобальную анархию. Гарвардский политолог Сэмюэль П. Хантингтон прав в своем смелом утверждении:

“В мире, где не будет главенства Соединенных Штатов, будет больше насилия и беспорядка и меньше демократии и экономического роста, чем в мире, где Соединенные Штаты продолжают больше влиять на решение глобальных вопросов, чем какая-либо другая страна.

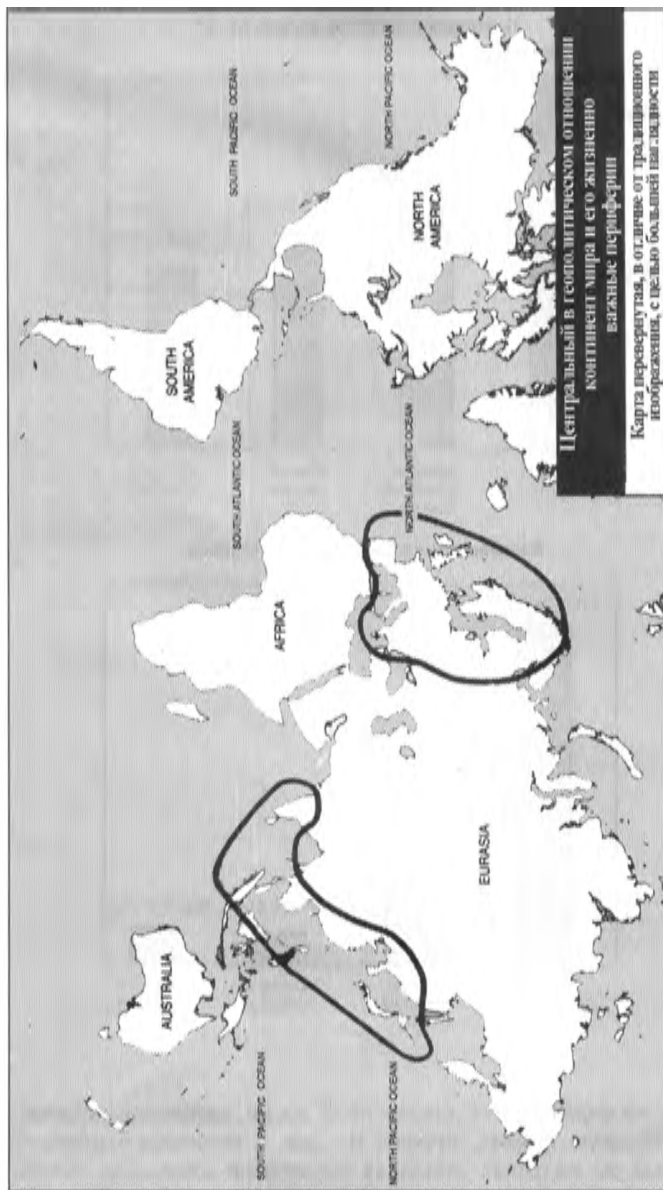
Постоянное международное главенство Соединенных Штатов является самым важным для благосостояния и безопасности американцев и для будущего свободы, демократии, открытых экономик и международного порядка на земле”¹.

В связи с этим критически важным является то, как Америка “управляет” Евразией. Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении. Государство, которое господствует в Евразии, контролировало бы два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов. Один взгляд на карту позволяет предположить, что контроль над Евразией почти автоматически повлечет за собой подчинение Африки, превратив Западное полушарие и Океанию в геополитическую периферию центрального континента мира (см. карту VIII). Около 75% мирового населения живет в Евразии, и большая часть мирового физического богатства также находится там как в ее предприятиях, так и под землей. На долю Евразии приходится около 60% мирового ВВП и около трех четвертей известных мировых энергетических запасов (см. таблицы на стр. 46 и 47).

В Евразии также находятся самые политически активные и динамичные государства мира. После Соединенных Штатов следующие шесть крупнейших экономик и шесть стран, имеющих самые большие затраты на вооружения, находятся в Евразии. Все, кроме одной, легальные ядерные державы и все, кроме одной, нелегальные находятся в Евразии. Два претендента на региональную гегемонию и глобальное влияние, имеющие самую высокую численность населения, находятся в Евразии. Все потенциальные политические и/или экономические вызовы американскому преобладанию исходят из Евразии. В совокупности евразийское могущество значительно перекрывает американское. К счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы быть единой в политическом отношении (см. карту IX).

Евразия, таким образом, представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство. Хотя геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами — можно сравнить с шахма-

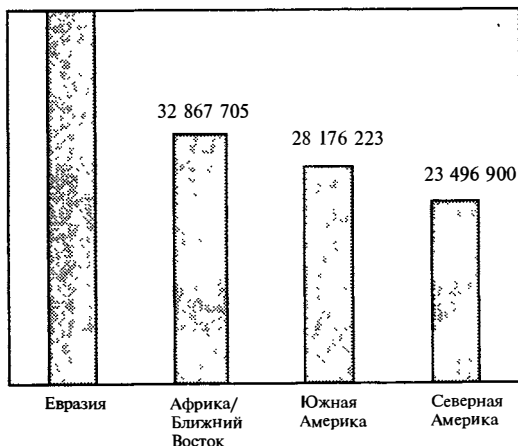
¹ Samuel P. Huntington. Who International Primacy Matters // International Security. — Spring 1993. — P. 83.

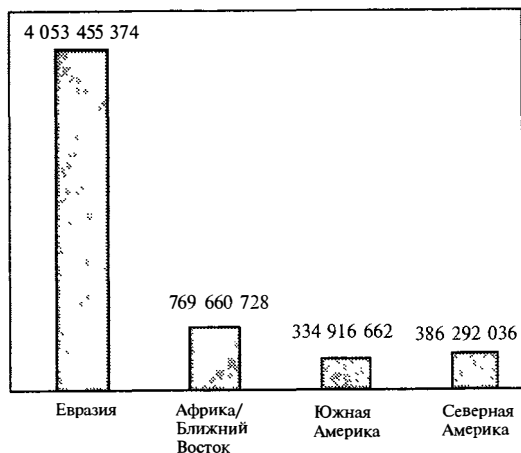
Карта VIII

Континенты: площадь (в млн. кв. м)

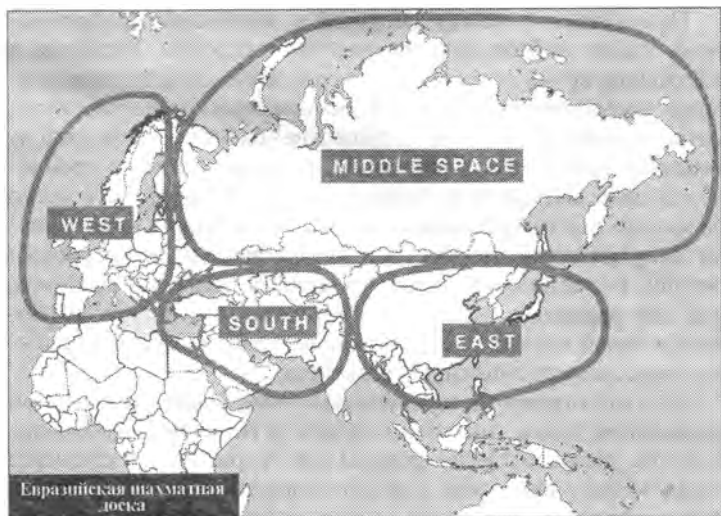
48 894 337

Континенты: население (в млн. человек)

тами, на евразийской шахматной доске, имеющей несколько овальную форму, играют не два, а несколько игроков, каждый из которых обладает различной степенью власти. Ведущие игроки находятся в западной, восточной, центральной и южной частях шахматной доски. Как в западной, так и в восточной части шахматной доски имеются густона-

Карта IX

селенные регионы, образующие на относительно перенаселенном пространстве несколько могущественных государств. Что касается небольшой западной периферии Евразии, то американская мощь развернута непосредственно на ней. Дальневосточный материк — местонахождение становящегося все более могущественным и независимым игрока, контролирующего огромное население, хотя территория его энергичного соперника — заточенного на нескольких близлежащих островах — и половина небольшого дальневосточного полуострова открывают дорогу для проникновения американского господства.

Континенты: ВВП (в млрд. долл.)

Пространство между западной и восточной оконечностями имеет небольшую плотность населения, является в настоящее время политически неустойчивым и организационно расчлененным обширным средним пространством, которое прежде занимал могущественный соперник американского главенства — соперник, который когда-то преследовал цель вытолкнуть Америку из Евразии. На юге этого большого центральноевразийского плато лежит политически анархический, но богатый энергетическими ресурсами регион, потенциально представляющий большую важность как для западных, так и для восточных государств, имеющий в своей южной части густонаселенную страну, претендующую на региональную гегемонию.

На этой огромной, причудливых очертаний евразийской шахматной доске, простирающейся от Лиссабона до Владивостока, располагаются фигуры для “игры”. Если среднюю часть можно включить в расширяющуюся орбиту Запада (где доминирует Америка), если в южном регионе не возобладает господство одного игрока и если Восток не объединится таким образом, что вынудит Америку покинуть свои заморские базы, то тогда, можно сказать, Америка одержит победу. Но если средняя часть даст отпор Западу, станет активным единым целым и либо возьмет контроль над Югом, либо образует союз с участием крупной восточной державы, то американское главенство в Евразии резко сузится. То же самое произойдет, если два крупных восточных игрока каким-то образом объединятся. Наконец, если западные партнеры сгонят Америку с ее насеста на западной периферии, это будет автоматически означать конец участия Америки в игре на евразийской шахматной доске, даже если это, вероятно, будет также означать в конечном счете подчинение западной оконечности ожившему игроку, занимающему среднюю часть.

Масштабы американской глобальной гегемонии, по общему признанию, велики, но неглубоки, сдерживаются как внутренними, так и внешними ограничениями. Американская гегемония подразумевает оказание решающего влияния, но, в отличие от империй прошлого, не осуществление непосредственного управления. Именно размеры и многообразие Евразии, а также могущество некоторых из ее государств ограничивают глубину американского влияния и масштабы контроля над ходом событий. Этот мегаконтинент просто слишком велик, слишком густо населен, разно-

образен в культурном отношении и включает слишком много исторически амбициозных и политически энергичных государств, чтобы подчиниться даже самой успешной в экономическом и выдающейся в политическом отношении мировой державе. Это обуславливает большое значение геостратегического мастерства, тщательно избранного и очень взвешенного размещения американских ресурсов на огромной евразийской шахматной доске.

Фактом является также то, что Америка слишком демократична дома, чтобы быть диктатором за границей. Это ограничивает применение американской мощи, особенно ее возможность военного устрашения. Никогда прежде популистская демократия не достигала международного господства. Но стремление к могуществу не является целью, которая направляет народный энтузиазм, за исключением тех ситуаций, когда возникает неожиданная угроза или вызов общественному ощущению внутреннего благосостояния. Экономическое самоотречение (т.е. военные расходы) и человеческое самопожертвование (жертвы даже среди профессиональных военнослужащих), требующиеся в ходе борьбы, несовместимы с демократическими инстинктами. Демократия враждебна имперской мобилизации.

Более того, большинство американцев в целом не получают никакого особого удовлетворения от нового статуса их страны как единственной мировой сверхдержавы. Политический “триумфализм”, связанный с победой Америки в холодной войне, встретил, в общем, холодный прием и стал объектом некоторого рода насмешек со стороны части наиболее либерально настроенных комментаторов. Пожалуй, два довольно различных взгляда на последствия для Америки ее исторической победы в соревновании с бывшим Советским Союзом являются наиболее привлекательными с политической точки зрения: с одной стороны, существует мнение, что окончание холодной войны оправдывает значительное снижение американской активности в мире, независимо от последствий для репутации Америки на земном шаре; с другой — существует точка зрения, что пришло время для подлинно интернациональной многосторонней деятельности, ради которой Америка должна даже уступить часть своего суверенитета. Обе идейные школы имеют своих убежденных сторонников.

Дилеммы, стоящие перед американским руководством, усложняются изменениями в характере самой мировой си-

туации: прямое применение силы становится теперь не таким легким делом, как в прошлом. Ядерные вооружения существенно ослабили полезность войны как инструмента политики или даже угрозы. Растущая экономическая взаимозависимость государств делает политическое использование экономического шантажа менее успешным. Таким образом, маневрирование, дипломатия, создание коалиций, кооптация и очень взвешенное применение политических козырей стали основными составными частями успешного осуществления геостратегической власти на евразийской шахматной доске.

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОСТРАТЕГИЯ

Использование американского глобального главенства должно тонко реагировать на тот факт, что в международных отношениях политическая география остается принципиально важным соображением. Говорят, Наполеон как-то заявил, что знание своей географии есть знание своей внешней политики. Однако наше понимание значения политической географии должно адаптироваться к новым реалиям власти.

Для большей части истории международных отношений фокусом политических конфликтов являлся территориальный контроль. Причиной большинства кровопролитных войн с момента возникновения национализма было либо удовлетворение своих национальных устремлений, направленных на получение больших территорий, либо чувство национальной утраты в связи с потерей “священной” земли. И не будет преувеличением сказать, что территориальный императив был основным импульсом, управляющим поведением государства-нации. Империи также строились путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний, таких как Гибралтар, Суэцкий канал или Сингапур, которые служили в качестве ключевых заслонок или замков в системе имперского контроля.

Наиболее экстремальное проявление связи между национализмом и территориальным владением было продемонстрировано нацистской Германией и императорской Японией. Попытка построить “тысячелетний рейх” выходила далеко за рамки задачи по воссоединению всех немецкого-

ворящих народов под одной политической крышей и фокусировалась также на желании контролировать житницы Украины, равно как и другие славянские земли, чье население должно было предоставлять дешевый рабский труд имперским владениям. Японцы также страдали навязчивой идеей, заключающейся в том, что прямое территориальное владение Маньчжурией, а позднее важной нефтедобывающей Голландской Ост-Индией было существенно важно для удовлетворения японских устремлений к национальной мощи и глобальному статусу. В аналогичном русле веками толкование российского национального величия отождествлялось с приобретением территорий, и даже в конце XX века российское настойчивое требование сохранить контроль над таким нерусским народом, как чеченцы, которые живут вокруг жизненно важного нефтепровода, оправдывалось заявлениями о том, что такой контроль принципиально важен для статуса России как великой державы.

Государства-нации продолжают оставаться основными звеньями мировой системы. Хотя упадок великодержавного национализма и угасание идеологического компонента снизили эмоциональное содержание глобальной политики, в то время как ядерное оружие привнесло серьезные сдерживающие моменты в плане использования силы, конкуренция, основанная на владении территорией, все еще доминирует в международных отношениях, даже если ее формы в настоящее время и имеют тенденцию к приобретению более цивилизованного вида. В этой конкуренции географическое положение все еще остается отправной точкой для определения внешнеполитических приоритетов государства-нации, а размеры национальной территории по-прежнему сохраняют за собой значение важнейшего критерия статуса и силы.

Однако для большинства государств-наций вопрос территориальных владений позднее стал терять свою значимость. В той мере, в какой территориальные споры остаются важным моментом в формировании внешней политики некоторых государств, они скорее являются не стремлением к укреплению национального статуса путем увеличения территорий, а вопросом обиды в связи с отказом в самоопределении этническим братьям, которые, как они утверждают, лишены права присоединиться к "родине-матери", или проблемой недовольства в связи с так называемым дурным обращением соседа с этническими меньшинствами.

Правящие национальные элиты все ближе подходят к признанию того, что не территориальный, а другие факторы представляются более принципиальными в определении национального статуса государства или степени международного влияния этого государства. Экономическая доблесть и ее воплощение в технологических инновациях также могут быть ключевым критерием силы. Первейшим примером тому служит Япония. Тем не менее все еще существует тенденция, при которой географическое положение определяет непосредственные приоритеты государства: чем больше его военная, экономическая и политическая мощь, тем больше радиус, помимо непосредственных его соседей, жизненных геополитических интересов, влияния и вовлеченности этого государства.

До недавнего времени ведущие аналитики в области геополитики дебатировали о том, имеет ли власть на суше большее значение, чем мощь на море, и какой конкретно регион Евразии представляет собой жизненно важное значение в плане контроля над всем континентом. Харольд МакКиндер, один из наиболее выдающихся геополитиков, в начале этого века стал инициатором дискуссии, после которой появилась его концепция евразийской “опорной территории” (которая, как утверждалось, должна была включать всю Сибирь и большую часть Средней Азии), а позднее — концепция “сердца” Центральной и Восточной Европы как жизненно важного плацдарма для обретения доминирования над континентом. Он популяризировал свою концепцию “сердцевины земли” знаменитым афоризмом:

Тот, кто правит Восточной Европой, владеет
Сердцем земли;

Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым
Островом

(Евразией);

Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром.

Некоторые ведущие германские политические географы прибегли к геополитике, чтобы обосновать “*Drang nach Osten*” (стремление на Восток) своей страны, в частности адаптацию концепции МакКиндера Карлом Хаусхофером применительно к германским стратегическим потребностям. Более вульгаризированный отголосок этой концепции можно уловить в подчеркивании Адольфом Гитлером по-

требности немецкого народа в “Lebensraum” (жизненном пространстве). Некоторые европейские мыслители первой половины этого века предвидели сдвиг геополитического баланса в восточном направлении, при этом регион Тихого океана, в частности Америка и Япония, должен был превратиться в преемника Европы, вступившей в пору упадка. Чтобы предупредить подобный сдвиг, французский политический географ Поль Деманжон, как и прочие французские геополитики, еще перед второй мировой войной выступал за более тесное единство европейских государств.

Сегодня геополитический вопрос более не сводится к тому, какая географическая часть Евразии является отправной точкой для господства над континентом, или к тому, что важнее: власть на суше или на море. Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства. В настоящее время Соединенные Штаты, неевропейская держава, главенствуют в международном масштабе, при этом их власть непосредственно распространена на три периферических региона Евразийского континента, с позиций которых они и осуществляют свое мощное влияние на государства, занимающие его внутренние районы. Но именно на самом важном театре военных действий земного шара — в Евразии — в какой-то момент может зародиться потенциальное соперничество с Америкой. Таким образом, концентрация внимания на ключевых действующих лицах и правильная оценка театра действий должны явиться отправной точкой для формулирования геостратегии Соединенных Штатов в аспекте перспективного руководства геополитическими интересами США в Евразии.

А поэтому требуются два основных шага:

- первый: выявить динамичные с геостратегической точки зрения евразийские государства, которые обладают силой, способной вызвать потенциально важный сдвиг в международном распределении сил и разгадать центральные внешнеполитические цели их политических элит, а также возможные последствия их стремления добиться реализации поставленных целей; точно указать принципиально важные с географической точки зрения евразийские государства, чье расположение и/или существование имеют эффект катализатора либо для более

активных геостратегических действующих лиц, либо для формирования соответствующих условий в регионе;

- второй: сформулировать конкретную политику США для того, чтобы компенсировать, подключить и/или контролировать вышесказанное в целях сохранения и продвижения жизненных интересов США, а также составить концепцию более всеобъемлющей геостратегии, которая устанавливает взаимосвязь между конкретными политическими курсами США в глобальных масштабах.

Короче говоря, для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе — сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе — ее трансформацию во все более институционализирующееся глобальное сотрудничество. Употребляя терминологию более жестоких времен древних империй, три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

Активными геостратегическими действующими лицами являются государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ, с тем чтобы изменить — до степени, когда это отражается на интересах Америки, — существующее геополитическое положение. Они имеют потенциал и/или склонность к непостоянству с геополитической точки зрения. По какой бы то ни было причине — стремления к национальному величию, идеологической реализованности, религиозному мессианству или экономическому возвышению — некоторые государства действительно стремятся заполучить региональное господство или позиции в масштабах всего мира. Ими движут глу-

боко укоренившиеся, сложные мотивации, которые лучше всего объясняются фразой Роберта Браунинга: "... возможность человека дотянуться до чего-либо должна превосходить его возможность это что-то схватить, иначе для чего же существуют небеса?" Таким образом, они тщательнейшим образом критически оценивают американскую мощь, определяют пределы, в рамках которых их интересы совпадают или за которыми вступают в противоречие с американскими, и после этого формируют свои собственные более ограниченные евразийские задачи, иногда согласующиеся, а иногда и противоречащие американской политике. Соединенные Штаты должны уделять особое внимание евразийским государствам, движимым такими мотивами.

Геополитические центры — это государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Чаще всего геополитические центры обуславливаются своим географическим положением, которое в ряде случаев придает им особую роль в плане либо контроля доступа к важным районам, либо возможности отказа важным геополитическим действующим лицам в получении ресурсов. В других случаях геополитический центр может действовать как щит для государства или даже региона, имеющего жизненно важное значение на геополитической арене. Иногда само существование геополитического центра, можно сказать, имеет очень серьезные политические и культурные последствия для более активных соседствующих геостратегических действующих лиц. Идентификация ключевых евразийских геополитических центров периода после холодной войны, а также их защита являются, таким образом, принципиальным аспектом глобальной геостратегии Америки.

С самого начала следует также отметить, что, хотя все геостратегические действующие лица чаще являются важными и мощными странами, далеко не все важные и мощные страны автоматически становятся геостратегическими действующими лицами. Так, в то время как идентификация геостратегических действующих лиц представляется относительно легкой, отсутствие в таком перечне некоторых очевидно важных стран может потребовать обоснования.

В текущих условиях в масштабе всего мира по крайней мере пять ключевых геостратегических действующих лиц и

пять геополитических центров (при этом два последних, возможно, также частично квалифицируются как действующие лица) могут идентифицироваться на новой евразийской политической карте. Франция, Германия, Россия, Китай и Индия являются крупными и активными фигурами, в то время как Великобритания, Япония и Индонезия (по общему признанию, очень важные страны) не подпадают под эту квалификацию. Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран играют роль принципиально важных геополитических центров, хотя и Турция, и Иран являются в какой-то мере — в пределах своих более лимитированных возможностей — также геостратегически активными странами. О каждой из них будет сказано подробнее в последующих главах.

На данной стадии достаточно сказать, что на западной оконечности Евразии ключевыми и динамичными геостратегическими действующими лицами являются Франция и Германия. Для них обеих мотивацией является образ объединенной Европы, хотя они расходятся во мнениях относительно того, насколько и каким образом такая Европа должна оставаться увязанной с Америкой. Но обе хотят сложить в Европе нечто амбициозно новое, изменив таким образом статус-кво. Франция, в частности, имеет свою собственную геостратегическую концепцию Европы, такую, которая в некоторых существенных моментах отличается от концепции Соединенных Штатов, и она склонна участвовать в тактических маневрах, направленных на то, чтобы заставить Россию проявить себя с невыгодной стороны перед Америкой, а Великобританию — перед Германией, даже полагаясь при этом на франко-германский альянс, чтобы компенсировать свою собственную относительную слабость.

Более того, и Франция, и Германия достаточно сильны и напористы, чтобы оказывать влияние в масштабах более широкого радиуса действия. Франция не только стремится к центральной политической роли в объединяющейся Европе, но и рассматривает себя как ядро средиземноморско-североафриканской группы стран, имеющей единые интересы. Германия все более и более осознает свой особый статус как наиболее значимое государство Европы — экономический "тягач" региона и формирующийся лидер Европейского Союза (ЕС). Германия чувствует, что несет особую ответственность за вновь эмансипированную Центральную Европу, что в какой-то мере туманно напоминает

о прежних представлениях о ведомой Германией Центральной Европе. Кроме того, и Франция, и Германия считают, что на них возложена обязанность представлять интересы Европы при ведении дел с Россией, а Германия в связи с географическим положением, по крайней мере теоретически, даже придерживается великой концепции особых двусторонних договоренностей с Россией.

Великобритания по контрасту не является геостратегической фигурой. Она придерживается меньшего количества значимых концепций, не тешит себя амбициозным видением будущего Европы, и ее относительный упадок также снизил ее возможности играть традиционную роль государства, удерживающего баланс сил в Европе. Двойственность в отношении вопроса об объединении Европы, а также преданность угасающим особым взаимоотношениям с Америкой превратили Великобританию в никому не интересное государство в плане серьезных вариантов выбора будущего Европы. Лондон в значительной степени сам исключил себя из европейской игры.

Бывший высокопоставленный британский деятель в Европейской комиссии сэр Рой Денман в своих мемуарах вспоминает, что еще на конференции в Мессине в 1955 году, где в предварительном порядке рассматривался вопрос о создании Европейского Союза, официальный представитель Великобритании категорически заявил собравшимся архитекторам Европы:

“Будущий договор, который вы обсуждаете, не имеет шанса получить общее одобрение; если согласование по нему будет достигнуто, то у него не окажется шанса быть реализованным. А если он будет реализован, то окажется совершенно неприемлемым для Великобритании... До свидания, господа! Успеха”².

Более 40 лет спустя вышеупомянутая фраза в значительной степени остается определением принципиального отношения Великобритании к созданию истинно объединенной Европы. Нежелание Великобритании участвовать в Экономическом и Монетарном союзе, который начнет, как намечено, функционировать с января 1999 года, отражает нерасположенность этой страны идентифицировать свою

² Roy Denman. *Missed Chances*. — London: Cassel, 1996.

судьбу с Европой. Суть этого отношения была блестяще суммирована в начале 90-х годов:

- Великобритания отвергает цель политического объединения;
- Великобритания отдает предпочтение модели экономической интеграции на основе свободной торговли;
- Великобритания предпочитает координацию внешней политики, безопасности и обороны вне структурных рамок ЕС (Европейского сообщества);
- Великобритания редко полностью использует свой авторитет в ЕС³.

Великобритания, будьте уверены, все еще сохраняет свое значение для Америки. Она продолжает оказывать определенное глобальное влияние через Сообщество, но уже не является неугомонной крупной державой, равно как и ее действия не мотивируются амбициозными мечтами. Она является основным сторонником Америки, очень лояльным союзником, жизненно важной военной базой и тесным партнером в принципиально важной разведывательной деятельности. Ее дружбу нужно подпитывать, но ее политический курс не требует неусыпного внимания. Она — ушедшая на покой геостратегическая фигура, почивающая на роскошных лаврах, в значительной степени устранившаяся от авантур великой Европы, в которых Франция и Германия являются основными действующими лицами.

Прочие средние по своим масштабам европейские государства, большинство из которых являются членами НАТО и/или Европейского Союза, либо следуют ведущей роли Америки, либо потихоньку выстраиваются за Германией или Францией. Их политика не имеет особо широкого регионального влияния, и они не в том положении, чтобы менять свою основную ориентацию. На этой стадии они не являются ни геостратегическими действующими лицами, ни геополитическими центрами. Это же правомерно и в отношении наиболее важного потенциального центральноевропейского члена НАТО и ЕС — Польши. Польша слишком

³ См. **Robert Skidelsky**. *Great Britain and the New Europe // From the Atlantic to the Urals* / Ed. David P. Calleo and Philip H. Gordon. — Arlington, 1992. — P. 145.

слаба, чтобы быть геостратегическим действующим лицом, и у нее есть только один путь: интегрироваться с Западом. Более того, исчезновение старой Российской империи и укрепляющиеся связи Польши как с Атлантическим альянсом, так и с нарождающейся Европой все более и более наделяют Польшу исторически беспрецедентной безопасностью, одновременно ограничивая ее стратегический выбор.

Россия, что едва ли требует напоминания, остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само ее присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей. Кроме того, России еще предстоит сделать свой основополагающий геостратегический выбор в плане взаимоотношений с Америкой: друг это или враг? Она, возможно, прекрасно чувствует, что в этом отношении имеет серьезные варианты выбора на Евразийском континенте. Многое зависит от развития внутривнутриполитического положения и особенно от того, станет Россия европейской демократией или — опять — евразийской империей. В любом случае она, несомненно, остается действующим лицом, даже несмотря на то, что потеряла несколько своих “кусков”, равно как и некоторые из ключевых позиций на евразийской шахматной доске.

Аналогичным образом едва ли стоит доказывать, что Китай является крупным действующим лицом на политической арене. Китай уже является важной региональной державой и, похоже, лелеет более широкие надежды, имея историю великой державы и сохраняя представление о китайском государстве как центре мира. Те варианты выбора, которым следует Китай, уже начинают влиять на геополитическое соотношение сил в Азии, в то время как его экономический движущий момент несомненно придаст ему как большую физическую мощь, так и растущие амбиции. С воскрешением “Великого Китая” не останется без внимания и проблема Тайваня, а это неизбежно повлияет на американские позиции на Дальнем Востоке. Распад Советско-

го Союза привел к созданию на западных окраинах Китая ряда государств, в отношении которых китайские лидеры не могут оставаться безразличными. Таким образом, на Россию также в значительной степени повлияет более активная роль Китая на мировой арене.

В восточной периферии Евразии заключен парадокс. Япония явно представляет собой крупную державу в мировых отношениях, и американо-японский альянс часто — и правильно — определяется как наиболее важные двусторонние отношения. Как одна из самых значительных экономических держав мира Япония, очевидно, обладает потенциалом политической державы первого класса. Тем не менее она его не использует, тщательно избегая любых стремлений к региональному доминированию и предпочитая вместо этого действовать под протекцией Америки. Япония, как и Великобритания в случае Европы, предпочитает не вступать в политические перипетии материковой Азии, хотя причиной тому, по крайней мере частичной, является давняя враждебность многих собратьев-азиатов в отношении любой претензии Японии на ведущую политическую роль в регионе.

В свою очередь, такая сдержанная политическая позиция Японии позволяет Соединенным Штатам играть центральную роль по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке. Таким образом, Япония не является геостратегическим действующим лицом, хотя очевидный потенциал, способный быстро превратить ее в таковую, особенно если Китай или Америка неожиданно изменят свою нынешнюю политику, возлагает на Соединенные Штаты особое обязательство тщательно пестовать американо-японские отношения. И это вовсе не японская внешняя политика, за которой Америке следует тщательно наблюдать, а японская сдержанность, которую Америка должна очень бережно культивировать. Любое существенное ослабление американо-японских политических связей непосредственно повлияло бы на стабильность в регионе.

Легче обосновать отсутствие Индонезии в перечне динамичных геостратегических действующих лиц. В Юго-Восточной Азии Индонезия является наиболее важной страной, но ее возможности оказывать влияние даже в самом регионе ограничены относительной неразвитостью экономики, продолжающейся внутривнутриполитической нестабильностью, рассредоточенностью входящих в архипелаг островов и под-

верженностью этническим конфликтам, которые усугубляются центральной ролью китайского меньшинства во внутренних финансах страны. В чем-то Индонезия могла бы стать серьезным препятствием для китайских южных устремлений. В конце концов Австралия признала это. Она какое-то время опасалась индонезийского экспансионизма, но позднее начала приветствовать более тесное австралийско-индонезийское сотрудничество в области безопасности. Но потребуются период консолидации и устойчивого экономического успеха, прежде чем Индонезию можно будет рассматривать как доминирующее в регионе действующее лицо.

Индия, наоборот, находится в процессе своего становления как региональной державы и рассматривает себя как потенциально крупное действующее лицо в мировом масштабе. Она видит в себе и соперника Китаю. Возможно, это переоценка своих стародавних возможностей, но Индия, несомненно, является наиболее сильным государством Южной Азии, и стала она таковой не столько для того, чтобы запугать или шантажировать Пакистан, сколько чтобы сбалансировать наличие у Китая ядерного арсенала. Индия обладает геостратегическим видением своей региональной роли как в отношении своих соседей, так и в Индийском океане. Однако ее амбиции на данном этапе лишь периферически вторгаются в евразийские интересы Америки, и, таким образом, как геостратегическое действующее лицо Индия не представляет собой, по крайней мере не в такой степени, как Россия или Китай, источник геополитического беспокойства.

Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и скорее всего была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией, которая, произойди такое, была бы обижена в связи с утратой недавней независимости и получила бы поддержку со стороны дружественных ей исламских государств Юга. Китай, похоже, также воспротивился бы любого рода реставрации российского доминирования над Средней Азией, учитывая его

возрастающий интерес к недавно получившим независимость государствам этого региона. Однако если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединенной Европы.

Несмотря на ограниченные территориальные масштабы и незначительное по численности население, Азербайджан с его огромными энергетическими ресурсами также в геополитическом плане имеет ключевое значение. Это пробка в сосуде, содержащем богатства бассейна Каспийского моря и Средней Азии. Независимость государств Средней Азии можно рассматривать как практически бессмысленное понятие, если Азербайджан будет полностью подчинен московскому контролю. Собственные и весьма значительные нефтяные ресурсы Азербайджана могут также быть подчинены контролю России, если независимость этой страны окажется аннулированной. Независимый Азербайджан, соединенный с рынками Запада нефтепроводами, которые не проходят через контролируемую Россией территорию, также становится крупной магистралью для доступа передовых и энергопотребляющих экономик к энергетически богатым республикам Средней Азии. Будущее Азербайджана и Средней Азии почти в такой же степени, как и в случае Украины, принципиально зависит от того, кем может стать или не стать Россия.

Турция и Иран заняты установлением некоторой степени влияния в каспийско-среднеазиатском регионе, используя потерю Россией своей власти. По этой причине их можно было бы считать геостратегическими действующими лицами. Однако оба эти государства сталкиваются с серьезными внутренними проблемами и их возможности осуществлять значительные региональные подвижки в расстановке сил власти ограничены. Кроме того, они являются соперниками и, таким образом, сводят на нет влияние друг друга. Например, в Азербайджане, где Турция добилась влиятельной роли, позиция Ирана (вытекающая из обеспокоенности возможными национальными волнениями азербайджанцев на собственной территории) для России оказалась более полезной.

Однако и Турция, и Иран являются в первую очередь важными геополитическими центрами. Турция стабилизирует регион Черного моря, контролирует доступ из него в Средиземное море, уравнивает Россию на Кавказе, все еще остается противоядием от мусульманского фундаментализма и служит южным якорем НАТО. Дестабилизированная Турция, похоже, дала бы большую свободу насилию на южных Балканах, одновременно обеспечив России восстановление контроля над недавно получившими независимость государствами Кавказа. Иран, несмотря на свое двойственное отношение к Азербайджану, аналогичным образом обеспечивает стабилизирующую поддержку новому политическому разнообразию Средней Азии. Он доминирует над восточным побережьем Персидского залива, а его независимость, несмотря на сегодняшнюю враждебность к Соединенным Штатам, играет роль барьера для любой перспективной российской угрозы американским интересам в этом регионе.

И наконец, Южная Корея — геополитический центр Дальнего Востока. Ее тесные связи с Соединенными Штатами позволяют Америке играть роль щита для Японии и с помощью этого не давать последней превратиться в независимую и мощную военную державу без подавляющего американского присутствия в самой Японии. Любая существенная перемена в статусе Южной Кореи либо в связи с объединением, либо из-за перехода в расширяющуюся сферу влияния Китая непременно коренным образом изменила бы роль Америки на Дальнем Востоке, изменив, таким образом, и роль Японии. Кроме того, растущая экономическая мощь Южной Кореи также превращает ее в более важное “пространство” само по себе, контроль над которым приобретает все большую ценность.

Вышеприведенный перечень геостратегических действующих лиц и геополитических центров не является ни постоянным, ни неизменным. Временами некоторые государства могут быть внесены или исключены из него. Безусловно, с какой-то точки зрения могло бы так сложиться, что Тайвань или Таиланд, Пакистан, или, возможно, Казахстан или Узбекистан нужно было бы также внести в последнюю категорию. Однако на данном этапе ситуация вокруг каждой из вышеупомянутых стран не принуждает нас к этому. Изменения в статусе любой из них представляли бы значительные события и повлекли за собой некоторые сдвиги в расстановке сил,

но сомнительно, чтобы их последствия оказались далеко идущими. Единственным исключением мог бы стать Тайвань, если кто-нибудь предпочтет рассматривать его отдельно от Китая. Но даже тогда этот вопрос встал бы лишь в том случае, если Китай вознамерился бы использовать значительную силу для завоевания острова, бросая вызов Соединенным Штатам и таким образом в более широком плане угрожая политической репутации Америки на Дальнем Востоке. Вероятность такого хода событий представляется небольшой, но эти соображения все же стоит иметь в виду при формировании политики США в отношении Китая.

ВАЖНЫЙ ВЫБОР И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Выявление центральных действующих лиц и ключевых центров помогает определить дилеммы общей американской политики и предвосхитить возникновение крупных проблем на Евразийском суперконтиненте. До всестороннего обсуждения в последующих главах все эти моменты можно свести к пяти основным вопросам:

- Какая Европа предпочтительнее для Америки и, следовательно, созданию какой Европы она должна способствовать?
- Какой должна быть Россия, чтобы соответствовать интересам Америки, и что и как должна Америка для этого делать?
- Каковы перспективы возникновения в Центральной Европе новых “Балкан” и что должна сделать Америка, чтобы свести до минимума опасность, которая может в результате возникнуть?
- На какую роль на Дальнем Востоке следует поощрять Китай и каковы могут быть последствия вышеупомянутого не только для Соединенных Штатов, но также и для Японии?
- Каковы возможные евразийские коалиции, которые в наибольшей степени могут быть опасными для интересов Соединенных Штатов, и что необходимо сделать, чтобы предотвратить их возникновение?

США всегда заявляли о своей приверженности делу создания единой Европы. Еще со времен правления администрации Кеннеди обычным призывом является призыв к “равному партнерству”. Официальный Вашингтон постоянно заявляет о своем желании видеть Европу единым образованием, достаточно мощным, чтобы разделить с Америкой ответственность и бремя мирового лидерства.

Это обычная риторика. Однако на практике Соединенные Штаты не так определены и не так настойчивы. Действительно ли Вашингтон искренне хочет видеть в Европе настоящего равного партнера в мировых делах или же он предпочитает неравный альянс? Например, готовы ли Соединенные Штаты поделить лидерством с Европой на Ближнем Востоке, в регионе, который не только в географическом плане расположен ближе к Европе, чем к Америке, и в котором несколько европейских стран имеют свои давние интересы? Сразу же приходят на ум вопросы, связанные с Израилем. Разногласия между США и европейскими странами по поводу Ирана и Ирака рассматриваются Соединенными Штатами не как вопрос между равными партнерами, а как вопрос неподчинения.

Двусмысленность относительно степени американской поддержки процесса объединения Европы также распространяется на вопрос о том, как должно определяться европейское единство, и особенно на вопрос о том, какая страна должна возглавить объединенную Европу (и вообще должна ли быть такая страна). Вашингтон не имеет ничего против разъединяющей позиции Лондона по поводу интеграции Европы, хотя Вашингтон отдает явное предпочтение скорее германскому, чем французскому, лидерству в Европе. Это понятно, учитывая традиционное направление французской политики, однако этот выбор имеет также определенные последствия, которые выражаются в содействии появлению время от времени тактических франко-британских договоренностей с целью противодействовать Германии, равно как и в периодическом заигрывании Франции с Москвой с целью противостоять американо-германской коалиции.

Появление по-настоящему единой Европы — особенно, если это должно произойти с конструктивной американской помощью, — потребует значительных изменений в структуре и процессах блока НАТО, основного связующего звена между Америкой и Европой. НАТО не только обеспе-

чивает основной механизм осуществления американского влияния в европейских делах, но и является основой для критически важного с точки зрения политики американского военного присутствия в Западной Европе. Однако европейское единство потребует приспособления этой структуры к новой реальности альянса, основанного на двух более или менее равных партнерах, вместо альянса, который, если пользоваться традиционной терминологией, предполагал наличие гегемона и его вассалов. Этот вопрос до сих пор большей частью не затрагивается, несмотря на принятые в 1996 году крайне скромные меры, направленные на повышение роли в рамках НАТО Западноевропейского союза (ЗЕС), военной коалиции стран Западной Европы. Таким образом, реальный выбор в пользу объединенной Европы потребует осуществления далеко идущей реорганизации НАТО, что неизбежно приведет к уменьшению главенствующей роли Америки в рамках альянса.

Короче говоря, в своей долгосрочной стратегии в отношении Европы американская сторона должна четко определиться в вопросах европейского единства и реального партнерства с Европой. Америка, которая по-настоящему хочет, чтобы Европа была единой и, следовательно, более независимой, должна будет всем своим авторитетом поддержать те европейские силы, которые действительно выступают за политическую и экономическую интеграцию Европы. Такая стратегия также должна означать отказ от последних признаков однажды освященных особых отношений между США и Великобританией.

Политика в отношении создания объединенной Европы должна также обратиться — хотя бы и совместно с европейцами — к крайне важному вопросу о географических границах Европы. Как далеко на восток должен расширяться Европейский Союз? И должны ли восточные пределы ЕС совпадать с восточной границей НАТО? Первый из этих двух вопросов — это скорее вопрос, по которому решение должно приниматься в Европе, однако мнение европейских стран по этому вопросу окажет прямое воздействие на решение НАТО. Принятие решения по второму вопросу, однако, предполагает участие Соединенных Штатов, и голос США в НАТО по-прежнему решающий. Учитывая растущее согласие относительно желательности принятия стран Центральной Европы как в ЕС, так и в НАТО, практическое значение этого вопроса вынуждает фокусировать внимание

на будущем статусе Балтийских республик и, возможно, на статусе Украины.

Таким образом, существует важное частичное совпадение между европейской дилеммой, которая обсуждалась выше, и второй, которая касается России. Легко ответить на вопрос относительно будущего России, заявив о том, что предпочтение отдается демократической России, тесно связанной с Европой. Возможно, демократическая Россия с большим одобрением относилась бы к ценностям, которые разделяют Америка и Европа, и, следовательно, также весьма вероятно, стала бы младшим партнером в создании более стабильной и основанной на сотрудничестве Евразии. Однако амбиции России могут пойти дальше простого достижения признания и уважения ее как демократического государства. В рамках российского внешнеполитического истеблишмента (состоящего главным образом из бывших советских чиновников) до сих пор живет глубоко укоренившееся желание играть особую евразийскую роль, такую роль, которая может привести к тому, что вновь созданные независимые постсоветские государства будут подчиняться Москве.

В этом контексте даже дружественная политика Запада рассматривается некоторыми влиятельными членами российского сообщества, определяющего политику, как направленная на то, чтобы лишить Россию ее законного права на статус мировой державы. Вот как это сформулировали два российских геополитика:

“Соединенные Штаты и страны НАТО — хотя и уважают чувство самоуважения России в разумных пределах, но, тем не менее, неуклонно и последовательно уничтожают геополитические основы, которые могли, по крайней мере теоретически, позволить России надеяться на получение статуса державы номер два в мировой политике, который принадлежал Советскому Союзу”.

Более того, считается, что Америка проводит политику, в рамках которой

“новая организация европейского пространства, которое создается в настоящее время Западом, по существу строится на идее оказания помощи в этой части мира новым, относительно небольшим и слабым нацио-

нальным государствам через их более или менее тесное сближение с НАТО, ЕС и т.д.”⁴.

Приведенные выше цитаты хорошо определяют — хотя и с некоторым предубеждением — ту дилемму, перед которой стоят США. До какой степени следует оказывать России экономическую помощь, которая неизбежно приведет к усилению России как в политическом, так и в военном аспекте, и до какой степени следует одновременно помогать новым независимым государствам в их усилиях по защите и укреплению своей независимости? Может ли Россия быть мощным и одновременно демократическим государством? Если она вновь обретет мощь, не захочет ли она вернуть свои утерянные имперские владения и сможет ли она тогда быть и империей, и демократией?

Политика США по отношению к важным геополитическим центрам, таким как Украина и Азербайджан, не позволяет обойти этот вопрос, и Америка, таким образом, стоит перед трудной дилеммой относительно тактической расстановки сил и стратегической цели. Внутреннее оздоровление России необходимо для демократизации России и в конечном счете для европеизации. Однако любое восстановление ее имперской мощи может нанести вред обоим этим целям. Более того, именно по поводу этого вопроса могут возникнуть разногласия между Америкой и некоторыми европейскими государствами, особенно в случае расширения ЕС и НАТО. Следует ли считать Россию кандидатом в возможные члены в обе эти структуры? И что тогда предпринимать в отношении Украины? Издержки, связанные с недопущением России в эти структуры, могут быть крайне высокими — в российском сознании будет реализовываться идея собственного особого предназначения России, — однако последствия ослабления ЕС и НАТО также могут оказаться дестабилизирующими.

Еще одна большая неопределенность проявляется в крупном и геополитически неустойчивом пространстве Центральной Евразии; эта неопределенность доведена до

⁴ Богатуров А. и Кременюк В. Современные отношения и перспективы взаимодействия между Россией и Соединенными Штатами Америки // Независимая газета. — 1996. — 28 июня. (Оба автора являются ведущими учеными, работающими в Институте США и Канады.)

предела возможной уязвимостью турецкого и иранского центров. В районе, граница которого показана на карте X, она проходит через Крым в Черном море прямо на восток вдоль новых южных границ России, идет по границе с китайской провинцией Синьцзян, затем спускается вниз к Индийскому океану, оттуда идет на запад к Красному морю, затем поднимается на север к восточной части Средиземного моря и вновь возвращается к Крыму, там проживает около 400 млн. человек приблизительно в 25 странах, почти все из них как в этническом плане, так и в религиозном являются разнородными, и практически ни одна из этих стран не является политически стабильной. Некоторые из этих стран могут находиться в процессе приобретения ядерного оружия.

Этот огромный регион, раздираемый ненавистью, которую легко разжечь, и окруженный конкурирующими между собой могущественными соседями, вероятно, является и огромным полем битвы, на котором происходят войны между национальными государствами, и зоной (это скорее всего), где царит затянувшееся этническое и религиозное насилие. Будет ли Индия выступать в качестве сдерживающего фактора или же воспользуется некоторыми возможностями, чтобы навязывать свою волю Пакистану, в большой степени скажется на региональных рамках возможных конфликтов. Внутренняя напряженность в Турции и Иране, вероятно, не только усилится, но значительно снизит стабилизирующую роль, которую эти государства могут играть во взрывоопасном регионе. Такие события, в свою очередь, возможно, затруднят процесс ассимиляции международным сообществом новых государств Центральной Азии, а также отрицательно повлияют на безопасность в Персидском заливе, в обеспечении которой доминирующую роль играет Америка. В любом случае и Америка, и международное сообщество могут столкнуться здесь с проблемой, по сравнению с которой недавний кризис в бывшей Югославии покажется незначительным. (См. карту на стр. 70.)

Частью проблемы этого нестабильного региона может стать вызов главенствующей роли Америки со стороны исламского фундаментализма. Эксплуатируя религиозную враждебность к американскому образу жизни и извлекая выгоду из арабо-израильского конфликта, исламский фундаментализм может подорвать позиции нескольких прозападных ближневосточных правительств и в итоге поставить

Карта X

под угрозу американские региональные интересы, особенно в районе Персидского залива. Однако без политической сплоченности и при отсутствии единого по-настоящему мощного исламского государства вызову со стороны исламского фундаментализма будет не хватать геополитического ядра и, следовательно, он будет выражаться скорее всего через насилие.

Появление Китая как крупной державы ставит геостратегический вопрос крайней важности. Наиболее привлекательным результатом было бы кооптирование идущего по пути демократии и развивающегося свободный рынок Китая в более крупную азиатскую региональную структуру сотрудничества. А если Китай не станет проводить демократических преобразований, но продолжит наращивать свою экономическую и военную мощь? Может появиться Великий Китай, какими бы ни были желания и расчеты его соседей, и любые попытки помешать этому могут привести к обострению конфликта с Китаем. Такой конфликт может

внести напряженность в американо-японские отношения, поскольку совсем необязательно, что Япония захочет следовать американскому примеру в сдерживании Китая, и, следовательно, может иметь революционные последствия для определения роли Японии на региональном уровне, что, возможно, даже приведет к прекращению американского присутствия на Дальнем Востоке.

Однако достижение договоренностей с Китаем потребует своей собственной цены. Признать Китай в качестве региональной державы не означает простого одобрения одного лишь лозунга. Такое превосходство на региональном уровне должно иметь и сущностное содержание. Откровенно говоря, в каком объеме и где готова Америка признать китайскую сферу влияния, что необходимо сделать в качестве составной части политики, направленной на успешное вовлечение Китая в мировые дела? Какие районы, находящиеся в настоящее время за пределами политического радиуса действия Китая, можно уступить в сферу влияния вновь появляющейся Поднебесной империи?

В этом контексте сохранение американского присутствия в Южной Корее становится особенно важным. Трудно представить себе, что без него американо-японское соглашение в оборонной области будет существовать в нынешней форме, поскольку Япония вынуждена будет стать более независимой в военном плане. Однако любое движение в сторону корейского воссоединения, вероятно, разрушит основу для продолжения американского военного присутствия в Южной Корее. Воссоединенная Корея может счесть необходимым отказаться от американской военной защиты; это фактически может стать ценой, которую требует Китай за то, что он всем своим авторитетом поддерживает объединение полуострова. Короче говоря, урегулирование США своих отношений с Китаем неизбежно непосредственным образом скажется на стабильности отношений в области безопасности в рамках американо-японо-корейского “треугольника”.

И в заключение следует кратко остановиться на некоторых возможных обстоятельствах, которые могут привести к созданию будущих политических союзов; более полно этот вопрос будет рассмотрен в соответствующих главах. В прошлом на международные дела оказывала влияние борьба между отдельными государствами за господство на региональном уровне. Впредь Соединенные Штаты, вероятно,

должны будут решать, как справляться с региональными коалициями, стремящимися вытолкнуть Америку из Евразии, тем самым создавая угрозу статусу Америки как мировой державы. Однако будут или не будут такие коалиции бросать вызов американскому господству, фактически зависит в очень большой степени от того, насколько эффективно Соединенные Штаты смогут решить основные дилеммы, обозначенные здесь.

Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание “антигегемонистской” коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия — ведомым. Чтобы предотвратить создание этого блока, как бы маловероятно это ни выглядело, США потребуются проявить геостратегическое мастерство одновременно на западной, восточной и южной границах Евразии.

Географически более ограниченную, но потенциально даже более важную проблему может представлять собой китайско-японская “ось”, которая может возникнуть вслед за крушением американских позиций на Дальнем Востоке и революционными изменениями во взглядах Японии на мировые проблемы. Такой блок может объединить мощь двух чрезвычайно продуктивных народов и использовать в качестве объединяющей антиамериканской доктрины некую форму “азиатчины” (“asianism”). Однако представляется маловероятным, что в обозримом будущем Китай и Япония образуют такой альянс, учитывая их прошлый исторический опыт; а дальновидная американская политика на Дальнем Востоке, конечно же, должна суметь предотвратить реализацию подобных изменений.

Существует также возможность — хотя и маловероятная, но которую нельзя полностью исключить — серьезной перегруппировки сил в Европе, заключающейся или в тайном германо-российском сговоре, или в образовании франко-российского союза. В истории есть подобные прецеденты, и каждая из этих двух возможностей может реализоваться в случае, если остановится процесс европейского объединения и произойдет серьезное ухудшение отношений между Европой и Америкой. Фактически в случае

реализации последней из упомянутых возможностей можно представить, что произойдет налаживание взаимопонимания между Европой и Россией с целью выдавливания Америки с континента. На данной стадии все эти варианты представляются невероятными. Для их осуществления понадобились бы не только проведение Америкой крайне неправильной европейской политики, но и резкая переориентация основных европейских государств.

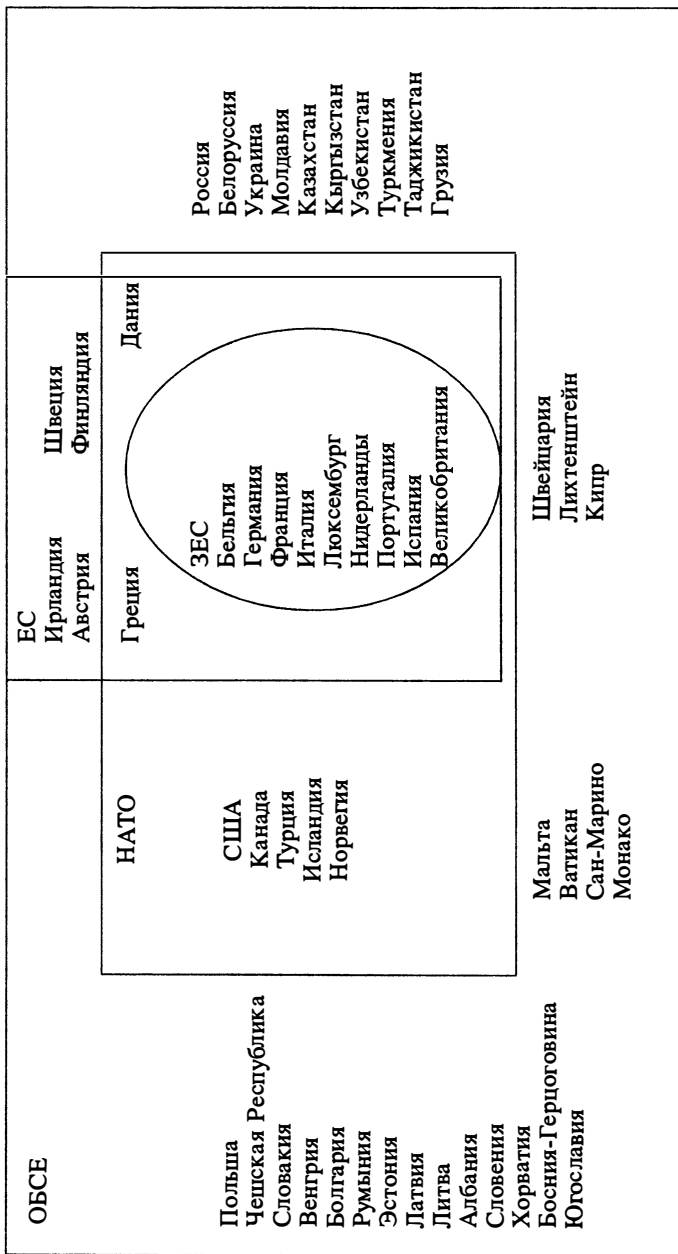
Каким бы ни было будущее, разумно сделать вывод о том, что американское главенство на Евразийском континенте столкнется с различного рода волнениями и, возможно, с отдельными случаями насилия. Ведущая роль Америки потенциально не защищена от новых проблем, которые могут создать как региональные соперники, так и новая расстановка сил. Нынешняя мировая система с преобладанием Америки, снятием “угрозы войны с повестки дня” стабильна, вероятно, только в тех частях мира, в которых американское главенство, определяемое долгосрочной геостратегией, опирается на совместимые и родственные общественно-политические системы, связанные многосторонними рамками.

Демократи-
ческий
плацдарм

ЕВРОПА ЯВЛЯЕТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫМ СОЮЗНИКОМ АМЕРИКИ. Она разделяет те же самые ценности; разделяет главным образом те же самые религиозные взгляды; проводит ту же самую демократическую политику и является исторической родиной большинства американцев. Прокладывая путь к интеграции государств-наций в коллективный надгосударственный экономический и в конечном счете политический союз, Европа указывает также направление к образованию более крупных форм постнациональной организации, выходящей за узкие представления и деструктивные эмоции, характерные для эпохи национализма. Это уже самый многосторонне организованный регион мира (см. схему на стр. 75). Достижение успеха в области политического объединения этого региона может привести к созданию единой структуры, объединяющей 400 млн. человек, которые будут жить в условиях демократии и иметь уровень жизни, сравнимый с тем, который существует в Соединенных Штатах. Такая Европа неизбежно станет мировой державой.

Европа также служит трамплином для дальнейшего продвижения демократии в глубь Евразии. Расширение Европы на восток может закрепить демократическую победу 90-х годов. На политическом и экономическом уровне расширение соответствует тем по своему существу цивилизаторским целям Европы, именовавшейся Европой Петра, которые определялись древним и общим религиозным наследием, оставленным Европе западной ветвью христианства. Такая Европа некогда существовала, задолго до эпохи национа-

Европейские организации

лизма и даже задолго до последнего раздела Европы на две части, в одной из которых господствовало американское влияние, в другой — советское. Такая большая Европа смогла бы обладать магнетической привлекательностью для государств, расположенных даже далеко на востоке, устанавливая систему связей с Украиной, Белоруссией и Россией, вовлекая их во все более крепнущий процесс сотрудничества с одновременным внедрением в сознание общих демократических принципов. В итоге такая Европа могла бы стать одной из важнейших опор поддерживаемой Америкой крупной евразийской структуры по обеспечению безопасности и сотрудничества.

Однако прежде всего Европа является важнейшим геополитическим плацдармом Америки на Европейском континенте. Геостратегическая заинтересованность Америки в Европе огромна. В отличие от связей Америки с Японией, Атлантический альянс укрепляет американское политическое влияние и военную мощь на Евразийском континенте. На этой стадии американо-европейских отношений, когда союзные европейские государства все еще в значительной степени зависят от обеспечиваемой американцами безопасности, любое расширение пределов Европы автоматически становится также расширением границ прямого американского влияния. И наоборот, без тесных трансатлантических связей главенство Америки в Евразии сразу исчезнет. Контроль США над Атлантическим океаном и возможности распространять влияние и силу в глубь Евразии могут быть значительно ограничены.

Проблема, однако, заключается в том, что истинной европейской “Европы” как таковой не существует. Это образ, концепция и цель, но еще не реальность. Западная Европа уже является общим рынком, но она еще далека от того, чтобы стать единым политическим образованием. Политическая Европа еще не появилась. Кризис в Боснии стал неприятным доказательством — если доказательства все еще требуются — продолжающегося отсутствия Европы как единого организма. Горький факт заключается в том, что Западная Европа, а также все больше и больше и Центральная Европа остаются в значительной степени американским протекторатом, при этом союзные государства напоминают древних вассалов и подчиненных. Такое положение не является нормальным как для Америки, так и для европейских государств.

Положение дел ухудшается за счет снижения внутренней жизнеспособности Европы. И легитимность существующей социоэкономической системы, и даже внешне проявляемое чувство европейской идентичности оказываются уязвимыми. В ряде европейских стран можно обнаружить кризис доверия и утрату созидательного импульса, а также существование внутренних перспектив, которые являются как изоляционистскими, так и эскапистскими, уводящими от решения крупных мировых проблем. Не ясно, хочет ли даже большинство европейцев видеть Европу крупной державой и готовы ли они сделать все необходимое, чтобы она такой стала. Даже остаточный европейский антиамериканизм, в настоящее время очень слабый, является удивительно циничным: европейцы сетуют по поводу американской “гегемонии”, но в то же время чувствуют себя комфортно под ее защитой.

Три основных момента явились когда-то политическим толчком к объединению Европы, а именно: память о двух разрушительных мировых войнах, желание экономического оздоровления и отсутствие чувства безопасности, порожденное советской угрозой. К середине 90-х годов, однако, эти моменты исчезли. Экономическое оздоровление в целом было достигнуто; скорее проблема, с которой все в большей степени сталкивается Европа, заключается в существовании чрезмерно обременительной системы социального обеспечения, которая подрывает ее экономическую жизнеспособность, в то время как неистовое сопротивление любой реформе со стороны особых заинтересованных кругов отвлекает европейское политическое внимание на внутренние проблемы. Советская угроза исчезла, тем не менее желание некоторых европейцев освободиться от американской опеки не воплотилось в непреодолимый импульс к объединению континента.

Дело объединения Европы все в большей мере поддерживается бюрократической энергией, порождаемой большим организационным аппаратом, созданным Европейским сообществом и его преемником — Европейским Союзом. Идея объединения все еще пользуется значительной народной поддержкой, но ее популярность падает; в этой идее отсутствуют энтузиазм и понимание важности цели. Вообще, современная Западная Европа производит впечатление попавшей в затруднительное положение, не имеющей цели, хотя и благополучной, но беспокойной в социальном плане

группы обществ, не принимающих участия в реализации каких-либо более крупных идей. Европейское объединение все больше представляет собой процесс, а не цель.

И все же политические элиты двух ведущих европейских стран — Франции и Германии — остаются в основном преданными делу создания и определения такой Европы, которая может стать действительно Европой. Таким образом, именно они являются главными архитекторами Европы. Работая вместе, они смогут создать Европу, достойную ее прошлого и ее потенциала. Однако у каждой стороны существуют свои собственные, в чем-то отличные от других представления и планы, и ни одна из сторон не является настолько сильной, чтобы добиться своего.

Это положение предоставляет Соединенным Штатам особую возможность для решительного вмешательства. Оно делает необходимым американское участие в деле объединения Европы, поскольку в противном случае процесс объединения может приостановиться и постепенно даже пойти вспять. Однако любое эффективное американское участие в строительстве Европы должно определяться четкими представлениями со стороны Америки относительно того, какая Европа для нее предпочтительнее и какую она готова поддерживать — Европу в качестве равного партнера или младшего союзника, а также определиться относительно возможных размеров как Европейского Союза, так и НАТО. Это также потребует осторожного регулирования деятельности этих двух основных архитекторов Европы.

ВЕЛИЧИЕ И ИСКУПЛЕНИЕ

Франция стремится вновь олицетворять собой Европу; Германия надеется на искупление с помощью Европы. Эти различные мотивировки играют важную роль в объяснении и определении сущности альтернативных проектов Франции и Германии для Европы.

Для Франции Европа является способом вернуть былое величие. Еще до начала второй мировой войны серьезные французские исследователи международных отношений были обеспокоены постепенным снижением центральной роли Европы в мировых делах. За несколько десятилетий холодной войны эта обеспокоенность превратилась в недовольство “англосаксонским” господством над Западом, не

говоря уже о презрении к связанной с этим “американизации” западной культуры. Создание подлинной Европы, по словам Шарля де Голля, “от Атлантики до Урала” должно было исправить это прискорбное положение вещей. И поскольку во главе такой Европы стоял бы Париж, это в то же время вернуло бы Франции величие, которое, с точки зрения французов, по-прежнему является особым предназначением их нации.

Для Германии приверженность Европе является основой национального искупления, в то время как тесная связь с Америкой необходима для ее безопасности. Следовательно, вариант более независимой от Америки Европы не может быть осуществлен. Германия придерживается формулы: “искупление + безопасность = Европа + Америка”. Этой формулой определяются позиция и политика Германии; при этом Германия одновременно становится истинно добропорядочным гражданином Европы и основным европейским сторонником Америки.

В своей горячей приверженности единой Европе Германия видит историческое очищение, возрождение морального и политического доверия к себе. Искупая свои грехи с помощью Европы, Германия восстанавливает свое величие, беря на себя миссию, которая не вызовет в Европе произвольного возмущения и страха. Если немцы будут стремиться к осуществлению национальных интересов Германии, они рискуют отдалиться от остальных европейцев; если немцы будут добиваться осуществления общеевропейских интересов, они заслужат поддержку и уважение Европы.

Франция была верным, преданным и решительным союзником в отношении ключевых вопросов холодной войны. В решающие моменты она стояла плечом к плечу с Америкой. И во время двух блокад Берлина, и во время кубинского ракетного кризиса * не было никаких сомнений в непоколебимости Франции. Но поддержка, оказываемая Францией НАТО, в некоторой степени умерялась из-за желания Франции одновременно утвердить свою политическую самобытность и сохранить для себя существенную свободу действий, особенно в вопросах, относящихся к положению Франции в мире или к будущему Европы.

* В советской литературе это событие известно под названием карибского кризиса. — *Прим. ред.*

Есть элемент навязчивого заблуждения в том, что французская политическая элита все еще считает Францию мировой державой. Когда премьер-министр Ален Жюпе, вторя своим предшественникам, заявил в мае 1995 года в Национальном собрании, что “Франция может и должна доказать свое призвание быть мировой державой”, собравшиеся в невольном порыве разразились аплодисментами. Настойчивость Франции в отношении развития собственных средств ядерного устрашения в значительной степени мотивировалась точкой зрения, что таким образом Франция сможет расширить свободу действий и в то же время получить возможность влиять на жизненно важные решения Америки по вопросам безопасности западного альянса в целом. Франция стремилась повысить свой ядерный статус не в отношении Советского Союза, потому что французские средства ядерного устрашения оказывали в лучшем случае лишь незначительное влияние на советский военный потенциал. Вместо этого Париж считал, что свое собственное ядерное оружие позволит Франции сыграть роль в процессах принятия весьма опасных решений на высшем уровне во время холодной войны.

По мнению французов, обладание ядерным оружием укрепило претензии Франции на статус мировой державы и на то, чтобы к ее голосу прислушивались во всем мире. Оно ощутимо усилило позицию Франции в качестве одного из пяти членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето и являющихся ядерными державами. В представлении Франции британские средства ядерного устрашения были просто продолжением американских, особенно если учесть приверженность Великобритании к особым отношениям и ее отстраненность от усилий по созданию независимой Европы. (То, что ядерная программа Франции получила значительную тайную помощь США, не влечет за собой, как полагают французы, никаких последствий для стратегических расчетов Франции.) Французские средства ядерного устрашения также укрепили в представлении французов положение Франции как ведущей континентальной державы, единственного подлинно европейского государства, обладающего такими средствами.

Честолюбивые замыслы Франции на мировой арене также проявились в ее решительных усилиях продолжать играть особую роль в области безопасности в большинстве франкоязычных стран Африки. Несмотря на потерю после долгой борьбы Вьетнама и Алжира и отказ от обширной

территории, эта миссия по поддержанию безопасности, а также сохраняющийся контроль Франции над разбросанными тихоокеанскими островами (которые стали местом проведения Францией вызвавших много споров испытаний атомного оружия) укрепили убеждение французской элиты в том, что Франция действительно продолжает играть роль в мировых делах, хотя на самом деле после распада колониальной империи она по сути является европейской державой среднего ранга.

Все вышесказанное подкрепляет и мотивирует претензии Франции на лидерство в Европе. Учитывая, что Великобритания самоустранилась и, в сущности, является придатком США, а Германия была разделенной на протяжении большей части холодной войны и еще полностью не оправилась от произошедших с ней в XX веке событий, Франция могла бы ухватиться за идею единой Европы, отождествить себя с ней и единолично использовать ее как совпадающую с представлением Франции о самой себе. Страна, которая первой изобрела идею суверенного государства-нации и возвела национализм в статус гражданской религии, тем самым совершенно естественно увидела в себе — с тем же эмоциональным пафосом, который когда-то вкладывался в понятие “*la patrie*” (Родина), — воплощение независимой, но единой Европы. Величие Европы во главе с Францией было бы тогда величием и самой Франции.

Это особое призвание, порожденное глубоко укоренившимся чувством исторического предназначения и подкрепленное исключительной гордостью за свою культуру, имеет большой политический смысл. Главное геополитическое пространство, на котором Франция должна была поддерживать свое влияние — или, по крайней мере, не допускать господства более сильного государства, — может быть изображено на карте в форме полукруга. Оно включает в себя Иберийский полуостров, северное побережье Западного Средиземноморья и Германию до Центрально-Восточной Европы (см. карту XI). Это не только минимальный радиус безопасности Франции, это также основная зона ее политических интересов. Только при гарантированной поддержке южных государств и Германии может эффективно выполняться задача построения единой и независимой Европы во главе с Францией. И очевидно, что в этом геополитическом пространстве труднее всего будет управляться с набирающей силу Германией.

Карта XI

С точки зрения Франции, главная задача по созданию единой и независимой Европы может быть решена путем объединения Европы под руководством Франции одновременно с постепенным сокращением главенства Америки на Европейском континенте. Но если Франция хочет формировать будущее Европы, ей нужно и привлекать, и сдерживать Германию, стараясь в то же время постепенно ограничивать политическое лидерство Вашингтона в европейских делах. В результате перед Францией стоят две главные политические дилеммы двойного содержания: как сохранить участие Америки — которое Франция все еще считает необходимым — в поддержании безопасности в Европе, при этом неуклонно сокращая американское присутствие, и как сохранить франко-германское сотрудничество в качестве политико-экономического механизма объединения Европы, не допуская при этом занятия Германией лидирующей позиции в Европе.

Если бы Франция действительно была мировой державой, ей было бы несложно разрешить эти дилеммы в ходе выполнения своей главной задачи. Ни одно из других европейских государств, кроме Германии, не обладает такими амбициями и таким сознанием своего предназначения. Возможно, даже Германия согласилась бы с ведущей ролью Франции в объединенной, но независимой (от Америки) Европе, но только в том случае, если бы она чувствовала, что Франция на самом деле является мировой державой и может тем самым обеспечить для Европы безопасность, которую не может дать Германия, зато дает Америка.

Однако Германия знает реальные пределы французской мощи. Франция намного слабее Германии в экономическом плане, тогда как ее военная машина (как показала война в Персидском заливе в 1991 г.) не отличается высокой компетентностью. Она вполне годится для подавления внутренних переворотов в африканских государствах-сателлитах, но не способна ни защитить Европу, ни распространить свое влияние далеко за пределы Европы. Франция — европейская держава среднего ранга, не более и не менее. Поэтому для построения единой Европы Германия готова поддерживать самолюбие Франции, но для обеспечения подлинной безопасности в Европе Германия не хочет слепо следовать за Францией. Германия продолжает настаивать на том, что центральную роль в европейской безопасности должна играть Америка.

Эта реальность, крайне неприятная для самоуважения Франции, проявилась более четко после объединения Германии. До этого франко-германское примирение выглядело как политическое лидерство Франции с удобной опорой на динамичную экономику Германии. Такое понимание устраивало обе стороны. Оно приглушало традиционные для Европы опасения в отношении Германии, а также укрепляло и удовлетворяло иллюзии Франции, создавая впечатление, что во главе европейского строительства стоит Франция, которую поддерживает динамичная в экономическом плане Западная Германия.

Франко-германское примирение, даже несмотря на неправильное его истолкование, стало, тем не менее, положительным событием в жизни Европы, и его значение трудно переоценить. Оно обеспечило создание прочной основы для успехов, достигнутых на настоящий момент в трудном процессе объединения Европы. Таким образом, оно также пол-

ностью совпало с американскими интересами и соответствовало давнишней приверженности Америки продвижению многостороннего сотрудничества в Европе. Прекращение франко-германского сотрудничества было бы роковой неудачей для Европы и катастрофой для позиций Америки в Европе.

Молчаливая поддержка Америки позволила Франции и Германии продвигать вперед процесс объединения Европы. Воссоединение Германии, кроме того, усилило стремление Франции заключить Германию в жесткие европейские рамки. Таким образом, 6 декабря 1990 г. французский президент и немецкий канцлер объявили о своей приверженности созданию федеральной Европы, а десять дней спустя Римская межправительственная конференция по политическому союзу дала — несмотря на оговорки Великобритании — четкое указание 12 министрам иностранных дел стран Европейского сообщества подготовить проект договора о политическом союзе.

Однако объединение Германии также резко изменило характер европейской политики. Оно стало геополитическим поражением одновременно и для России, и для Франции. Объединенная Германия не только перестала быть младшим политическим партнером Франции, но и автоматически превратилась в бесспорно важнейшую державу в Западной Европе и даже в некотором отношении в мировую державу, особенно через крупные финансовые вклады в поддержку ключевых международных институтов¹. Новая реальность вызвала некоторое взаимное разочарование в отношениях Франции и Германии, потому что Германия получила возможность и проявила желание формулировать и открыто воплощать свое видение будущего Европы по-прежнему в качестве партнера Франции, но больше не в качестве ее протеза.

Для Франции сокращение политического влияния вызвало несколько политических последствий. Франции нужно было каким-то образом вновь добиться большего влияния в НАТО (от участия в которой она в значительной

¹ Например, в процентном отношении к общему бюджету на долю Германии приходится 28,5% бюджета Европейского Союза, 22,8% бюджета НАТО, 8,93% бюджета ООН; кроме того, Германия является крупнейшим акционером Мирового банка и ЕБРР (Европейского банка реконструкции и развития).

степени воздерживалась в знак протеста против господства США), в то же время компенсируя свою относительную слабость более масштабными дипломатическими маневрами. Возвращение в НАТО могло бы позволить Франции оказывать большее влияние на Америку; имеющие место время от времени заигрывания с Москвой или Лондоном могли бы вызвать давление извне как на Америку, так и на Германию.

В результате этого, следуя скорее своей политике маневра, а не вызова, Франция вернулась в командную структуру НАТО. К 1994 году Франция снова стала фактическим активным участником процессов принятия решений в политической и военной сфере; к концу 1995 года министры иностранных дел и обороны Франции вновь стали регулярно присутствовать на заседаниях НАТО. Но небескорыстно: став полноправными членами альянса, они вновь заявили о своей решимости реформировать его структуру, чтобы добиться большего равновесия между его американским руководством и европейскими участниками. Они хотели, чтобы коллективный европейский элемент занимал более активную позицию и играл более значительную роль. Как заявил министр иностранных дел Франции Эрве де Шаретт в своей речи от 8 апреля 1996 г., «для Франции главной целью (восстановления партнерских отношений) является заслуживающее доверия и очевидное в политическом плане самоутверждение в альянсе как европейского государства».

В то же время Париж был вполне готов тактически использовать свои традиционные связи с Россией, чтобы сдерживать европейскую политику Америки и возродить, когда это будет целесообразно, давнее согласие между Францией и Великобританией, чтобы компенсировать возрастание роли Германии в Европе. Министр иностранных дел Франции сказал об этом почти открытым текстом в августе 1996 года, заявив, что, «если Франция хочет играть роль на международном уровне, ей выгодно существование сильной России и оказание ей помощи в повторном самоутверждении в качестве сильной державы», и подтолкнув российского министра иностранных дел ответить, что «из всех мировых лидеров у французских руководителей самый конструктивный подход к взаимоотношениям с Россией»².

² Цит. по *Le Nouvel Observateur*. — 1996. — Aug. 12.

Изначально вялая поддержка Францией расширения НАТО на восток — по сути едва подавляемый скептицизм по поводу его желательности — таким образом явилась в некотором смысле тактикой, имеющей целью усилить влияние Франции в отношениях с Соединенными Штатами. Именно потому, что Америка и Германия были главными сторонниками расширения НАТО, Францию устраивало действовать осмотрительно, сдержанно, высказывать озабоченность возможным влиянием этой инициативы на Россию и выступать в качестве самого чуткого европейского собеседника в отношениях с Москвой. Некоторым представителям Центральной Европы даже показалось, что Франция дала понять, что она не возражает против российской сферы влияния в Восточной Европе. Таким образом, разыгрывание российской карты не только послужило противовесом Америке и явственно показало Германии намерения Франции, но и усилило необходимость положительного рассмотрения Соединенными Штатами предложений Франции по реформированию НАТО.

В конечном счете расширение НАТО потребует единогласия среди 16 членов альянса. Париж знал, что его молчаливое согласие было не только крайне необходимо для достижения этого единогласия, но и что от Франции требовалась реальная поддержка, чтобы избежать обструкции других членов альянса. Поэтому Франция не скрывала намерения сделать свою поддержку расширения НАТО залогом конечного удовлетворения Соединенными Штатами стремления Франции изменить как баланс сил внутри альянса, так и основы его организации.

Поначалу Франция неохотно поддерживала расширение Европейского Союза на восток. В этом вопросе в основном лидировала Германия при поддержке Америки, но при меньшей степени ее участия, чем в случае расширения НАТО. В НАТО Франция была склонна утверждать, что расширение Европейского Союза послужит более подходящим прибежищем для бывших коммунистических стран, но, несмотря на это, как только Германия стала настаивать на более быстром расширении Европейского Союза и включении в него стран Центральной Европы, Франция выразила беспокойство по поводу технических формальностей и потребовала, чтобы Европейский Союз уделял такое же внимание незащищенному южному флангу — европейскому Средиземноморью. (Эти разногласия возникли еще в

ноябре 1994 г. на франко-германской встрече в верхах.) Упор, который Франция делает на этом вопросе, завоевал ей поддержку южноевропейских стран — членов НАТО, таким образом максимально усиливая способность Франции к ведению переговоров. Однако в результате увеличился разрыв между геополитическими представлениями Франции и Германии о Европе, разрыв, который удалось лишь частично сократить благодаря запоздалому одобрению Францией во второй половине 1996 года вступления Польши в НАТО и Европейский Союз.

Этот разрыв был неизбежен, учитывая меняющийся исторический контекст. Еще со времени окончания второй мировой войны демократическая Германия признавала необходимость примирения Франции и Германии для создания европейского содружества в западной части разделенной Европы. Это примирение было крайне важным для исторической реабилитации Германии. Поэтому принятие лидерства Франции было справедливой ценой. В то же время из-за сохранявшейся советской угрозы по отношению к уязвимой Западной Германии преданность Америке стала важнейшим условием выживания, и это признавали даже французы. Но после развала Советского Союза подчинение Франции для создания расширенного и в большей степени объединенного Европейского сообщества не было ни необходимым, ни целесообразным. Равноправное франко-германское партнерство — при этом Германия стала теперь, в сущности, более сильным партнером — было более чем справедливой сделкой для Парижа; поэтому французам пришлось бы просто смириться с тем, что в сфере обеспечения безопасности Германия отдает предпочтение своему заокеанскому союзнику и защитнику.

После окончания холодной войны эта связь с Америкой стала для Германии еще важнее. В прошлом она защищала Германию от внешней, но непосредственной угрозы и была необходимым условием для конечного объединения страны. После развала Советского Союза и объединения Германии связь с Америкой стала “зонтиком”, под прикрытием которого Германия могла более открыто утверждаться в роли лидера Центральной Европы, не создавая при этом угрозы для своих соседей. Связь с Америкой стала не просто свидетельством добропорядочного поведения, она показала соседям Германии, что тесные отношения с Германией означают также более тесные отношения с Америкой. Все это

позволило Германии более открыто определять свои геополитические приоритеты.

Германия, которая прочно закрепилась в Европе и не представляла собой угрозы, оставаясь при этом в безопасности благодаря видимому американскому военному присутствию, могла теперь помогать освобожденным странам Центральной Европы влиться в структуру единой Европы. Это была бы не старая “Миттель-Европа”* времен германского империализма, а сообщество экономического возрождения с более дружественными отношениями между странами, стимулируемое капиталовложениями и торговлей Германии, при этом Германия выступала бы также в роли организатора в конечном счете формального включения новой “Миттель-Европы” в состав как Европейского Союза, так и НАТО. Поскольку союз Франции и Германии позволял Германии играть более значительную роль в регионах, ей больше не было необходимости осторожничать в самоутверждении в зоне своих особых интересов.

На карте Европы зона особых интересов Германии может быть изображена в виде овала, на западе включающего в себя, конечно, Францию, а на востоке охватывающего освобожденные посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы — республики Балтии, Украину и Беларусь, а также частично Россию (см. карту XI). Во многих отношениях в историческом плане эта зона совпадает с территорией созидательного культурного влияния Германии, оказываемого в донационалистическую эпоху на Центральную и Восточную Европу и Прибалтийские республики городскими и сельскими немецкими колонистами, которые все были уничтожены в ходе второй мировой войны. Еще важнее тот факт, что зоны особых интересов французов (о которых говорилось выше) и немцев, если их рассматривать вместе на карте, определяют, в сущности, западные и восточные границы Европы, тогда как частичное совпадение этих зон подчеркивает несомненную геополитическую значимость связи Франции и Германии как жизненной основы Европы.

Переломным моментом в вопросе более открытого самоутверждения Германии в Центральной Европе стало урегулирование германо-польских отношений в середине 90-х годов. Несмотря на первоначальное нежелание, объединен-

* Mitteleuropa — Центральная Европа (нем.). — Прим. пер.

ная Германия (при подталкивании со стороны США) все-таки официально признала постоянной границу с Польшей по Одеру—Нейсе, и этот шаг ликвидировал для Польши самую важную из всех помех на пути к более тесным взаимоотношениям с Германией. Благодаря некоторым последующим взаимным жестам доброй воли и прощения эти взаимоотношения претерпели заметные изменения. Объем торговли между Германией и Польшей резко возрос (в 1995 г. Польша заменила Россию в качестве самого крупного торгового партнера Германии на Востоке); кроме того, Германия приложила больше всего усилий для организации вступления Польши в Европейский Союз и (при поддержке Соединенных Штатов) в НАТО. Можно без преувеличения сказать, что к середине 90-х годов польско-германское сотрудничество стало приобретать значение для Центральной Европы, сравнимое со значением для Западной Европы произошедшего ранее франко-германского урегулирования.

Через Польшу влияние Германии может распространиться на север — на республики Балтии — и на восток — на Украину и Беларусь. Более того, рамки германо-польского сотрудничества в некоторой степени расширились благодаря тому, что Польша несколько раз принимала участие в важных франко-германских дискуссиях по вопросу будущей Европы. Так называемый «веймарский треугольник» (названный так в честь немецкого города, где были впервые проведены трехсторонние франко-германо-польские консультации на высоком уровне, ставшие впоследствии регулярными) создал на Европейском континенте потенциально имеющую большое значение геополитическую «ось», охватывающую около 180 млн. человек, принадлежащих к трем нациям с ярко выраженным чувством национальной самобытности. С одной стороны, это еще больше укрепило ведущую роль Германии в Центральной Европе, но, с другой стороны, эта роль несколько уравновешивалась участием Франции и Польши в трехстороннем диалоге.

Очевидная приверженность Германии продвижению ключевых европейских институтов на восток помогла странам Центральной Европы, особенно менее крупным, смириться с лидерством Германии. Взяв на себя такие обязательства, Германия предприняла историческую миссию, сильно отличающуюся от некоторых довольно прочно укоренившихся западноевропейских взглядов. Согласно таким взглядам, события, происходившие восточнее Германии и

Австрии, воспринимались как не имеющие отношения к настоящей Европе. Этот подход — сформулированный в начале XVIII века лордом Болингброком³, который утверждал, что политическое насилие на Востоке не имеет значения для Западной Европы, — проявился во время мюнхенского кризиса 1938 года; а также нашел трагическое отражение в отношении Великобритании и Франции к конфликту в Боснии в середине 90-х годов. Он может проявиться и в проходящих в настоящее время дискуссиях по поводу будущего Европы.

В противоположность этому в Германии единственным существенным дискуссионным вопросом был вопрос о том, следует ли сначала расширять НАТО или Европейский Союз. Министр обороны склонялся к первому, министр иностранных дел — ко второму, и в результате Германия стала считаться сторонницей расширенной и в большей степени объединенной Европы. Канцлер Германии говорил о том, что 2000 год должен стать годом начала расширения Европейского Союза на восток, а министр обороны Германии в числе первых отметил, что 50-я годовщина создания НАТО является подходящей символической датой для расширения альянса в этом направлении. Таким образом, германская концепция будущего Европы не совпала с представлениями главных союзников Германии: англичане высказались за расширение Европы, поскольку они видели в этом способ ослабить единство Европы; французы боялись, что расширение Европы усилит роль Германии, и поэтому предпочитали интеграцию на более узкой основе. Германия поддержала и тех и других и таким образом заняла в Центральной Европе свое особое положение.

ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ США

Центральный для Америки вопрос — как построить Европу, основанную на франко-германском объединении, Европу жизнестойкую, по-прежнему связанную с Соединенными Штатами, которая расширяет рамки международной демократической системы сотрудничества, отчего в столь большой мере зависит осуществление американского глобаль-

³ См. **History of Europe, from the Pyrenean Peace to the Death of Louis XIV.**

ного первенства. Следовательно, дело не в том, чтобы выбрать между Францией и Германией. Европа невозможна как без Франции, так и без Германии.

Из приведенного выше суждения следуют три основных вывода:

1. Вовлеченность США в дело европейского объединения необходима для того, чтобы компенсировать внутренний кризис морали или цели, подрывающий жизнеспособность Европы, преодолеть широко распространенное подозрение европейцев, что Соединенные Штаты в конечном счете не поддерживают истинное единство Европы, и вдохнуть в европейское предприятие необходимый заряд демократического пыла. *Это требует ясно выраженного заверения США в окончательном принятии Европы в качестве американского глобального партнера.*

2. В краткосрочной перспективе тактическое противостояние французской политике и поддержка лидерства Германии оправданны; в дальнейшем же, если подлинная Европа на самом деле должна стать реальностью, европейскому объединению потребуется воспринять более характерную политическую и военную идентичность. *Это требует постепенного приспособления к французскому видению вопроса о распределении полномочий в межатлантических органах.*

3. Ни Франция, ни Германия не сильны достаточно, чтобы построить Европу в одиночку или решить с Россией неясности в определении географического пространства Европы. *Это требует энергичного, сосредоточенного и решительного участия США, особенно совместно с немцами, в определении европейского пространства, а следовательно, и в преодолении таких чувствительных — особенно для России — вопросов, как возможный статус в европейской системе республик Балтии и Украины.*

Один лишь взгляд на карту грандиозных просторов Евразии подчеркивает геополитическое значение для США европейского плацдарма, равно как и его географическую скромность. Сохранение этого плацдарма и его расширение как трамплина для продвижения демократии имеет прямое отношение к безопасности Соединенных Штатов. Существующие расхождения между соображениями американс-

кой безопасности в глобальном масштабе и связанным с этим распространением демократии, с одной стороны, и кажущимся безразличием Европы к этим вопросам (несмотря на самопровозглашенный статус Франции как глобальной державы) — с другой, необходимо снять, а сближение позиций возможно лишь в том случае, если Европа примет более конфедеративный характер. Европа не может стать однонациональным государством из-за стойкости ее разнообразных национальных традиций, но она способна стать формированием, которое через общие политические органы совокупно выражает разделяемые им демократические ценности, определяет свои собственные, унифицированные интересы и является источником магнетического притяжения для своих соседей по евроазиатскому пространству.

Оставленные одни, европейцы рискуют оказаться поглощенными своими собственными социальными проблемами. Восстановление европейской экономики заслоняет долгосрочную цену его кажущегося успеха. Эта цена наносит экономический, а также политический ущерб. Кризис политической легитимности и экономической жизнеспособности, с которыми во все большей степени сталкивается — но которые неспособна преодолеть — Западная Европа, коренится глубоко в повсеместном распространении поддерживаемого государством общественного устройства, поощряющего патернализм, протекционизм и местничество. В результате — состояние культуры, сочетающее эскапистский гедонизм* с духовной пустотой, состояние, которое может быть использовано в своих интересах националистически настроенными экстремистами или идеологами-догматиками.

Такое положение, если оно примет характер эпидемии, окажется смертельным для демократии и европейской идеи. Две последние в действительности связаны с новыми проблемами Европы — будь то иммиграция или экономикотехнологическое соперничество с Америкой или Азией, не говоря уже о необходимости политически стабильного реформирования существующих социально-экономических структур, — и эффективно заниматься ими можно только в расширяющемся континентальном контексте. Европа большая, чем сумма ее частей — то есть видящая свою гло-

* Бегство от действительности через получение эгоистического удовольствия и наслаждения. — *Прим. пер.*

бальную роль в продвижении демократии и более широкой проповеди гуманитарных ценностей, — с большей вероятностью будет Европой, твердо невосприимчивой к политическому экстремизму, узкому национализму или социальному гедонизму.

Не стоит ни пробуждать старые опасения о германо-российском сближении, ни преувеличивать последствия тактического флирта французов с Москвой, испытывая озабоченность геополитической стабильностью в Европе — и местом Америки в ней — из-за возможной неудачи предпринимаемых в настоящее время усилий европейцев по объединению. Любая подобная неудача на самом деле, возможно, повлекла бы за собой возобновление некоторых традиционных для Европы маневров. Это, несомненно, создало бы возможность для геополитического самоутверждения как России, так и Германии, несмотря на то что, если европейская история чему-нибудь учит, ни та ни другая, вероятно, не достигли бы длительного успеха в этом отношении. Однако, по крайней мере, Германия, возможно, стала бы более напористо и недвусмысленно определять свои *национальные* интересы.

В настоящее время интересы Германии совпадают с интересами ЕС и НАТО и облагораживаются ими. Даже представители левого “Альянса-90/зеленые” защищали расширение и НАТО, и ЕС. Но если объединение и расширение Европы застопорится, есть некоторые причины полагать, что всплывет более националистическое толкование немецкой концепции европейского “порядка” и станет тогда потенциальным источником ущерба для европейской стабильности. Вольфганг Шойбле, лидер христианских демократов в бундестаге и возможный преемник канцлера Коля, выразил этот подход, когда заявил, что Германия не является больше “западным бастионом против Востока; мы стали центром Европы”, многозначительно добавив, что “на протяжении долгого времени в средние века... Германия была вовлечена *в создание порядка в Европе* (курсив мой. — З. Б.)”⁴. Согласно этим представлениям, “Миттель-Европа” вместо того, чтобы быть регионом Европы, в котором Германия имеет экономический перевес, стала бы зоной явного немецкого превосходства, а равно и основой для более односторонней политики Германии по отношению к Востоку и Западу.

⁴ *Politiken Sondag*. — 1996. — Aug. 2.

Европа тогда перестала бы быть евразийским плацдармом для американского могущества и потенциальным трамплином для расширения глобальной демократической системы в Евразию. Поэтому совершенно необходимо подтвердить недвусмысленную и осязаемую поддержку объединению Европы. Хотя как в течение европейского экономического восстановления, так и в Атлантическом оборонительном альянсе США, часто провозглашая свою поддержку объединению Европы и поддерживая международное сотрудничество в Европе, действовали так, как если бы предпочитали по затруднительным экономическим и политическим вопросам иметь дело с отдельными европейскими государствами, а не с Европейским Союзом как таковым. Выдвигавшиеся время от времени Соединенными Штатами претензии на право голоса в процессе принятия решений вели к усилению подозрений европейцев, что США поощряют сотрудничество между ними только тогда, когда они следуют американским указаниям, а не тогда, когда они вырабатывают европейскую политику. Создавать такое впечатление неверно и вредно.

Американская приверженность европейскому единству — вновь убедительно заявленная в совместной американско-европейской Мадридской декларации в декабре 1995 года — будет выглядеть неискренней до тех пор, пока США не согласятся не только недвусмысленно провозгласить, что они готовы принять результаты превращения Европы в подлинную Европу, но и действовать соответственно. Для последней же крайне важно было бы истинное партнерство с Соединенными Штатами вместо статуса привилегированного, но все же младшего союзника. А истинное партнерство означает разделение принятия решений, равно как и ответственности. Американская поддержка этих побуждений помогла бы придать импульс межатлантическому диалогу и поощрила бы европейцев к более серьезной сосредоточенности на той роли, которую поистине значительная Европа могла бы играть в мире.

Возможно, в определенный момент действительно единый и мощный Европейский Союз мог бы стать глобальным политическим соперником для Соединенных Штатов. Он, несомненно, мог бы оказаться экономико-технологическим конкурентом, интересы которого на Ближнем Востоке и где-либо еще расходятся с американскими. Но на самом деле такая мощная и политически единодушная Европа

невозможна в обозримом будущем. В отличие от условий, господствовавших в Америке во время образования Соединенных Штатов, существуют глубокие исторические корни жизнеспособности европейских государств-наций, а энтузиазм по поводу многонациональной Европы, несомненно, идет на убыль.

Реальными альтернативами на ближайшие одно-два десятилетия являются либо расширяющаяся и объединяющаяся Европа, которая преследует — хотя и нерешительно, рывками — цель континентального единства, либо Европа в состоянии пата, которая не пойдет много дальше своего нынешнего состояния интеграции и пределов географического пространства, и, как вероятное продолжение пата, постепенно дробящаяся Европа, где возобновится старое соперничество держав. В ситуации пата самоотжествление Германии с Европой почти неизбежно ослабнет, вызвав более националистическое толкование немецких государственных интересов. Для Соединенных Штатов первый вариант, очевидно, наилучший, но чтобы он был реализован, требуется стимулирующая поддержка.

На данном этапе нерешительного строительства Европы Соединенным Штатам необязательно прямо вмешиваться в запутанные дискуссии относительно таких вопросов: следует ли Европе принимать внешнеполитические решения большинством голосов (эту позицию поддерживает в особенности Германия); стоит ли Европарламенту взять на себя функции верховной законодательной власти, а Еврокомиссии в Брюсселе стать, в сущности, исполнительной властью Европы; необходимо ли смягчить график выполнения соглашения по европейскому экономическому и валютному союзу; наконец, должна ли Европа быть широкой конфедерацией или многоуровневым образованием с федеративным внутренним ядром и до некоторой степени более расплывчатым внешним краем? Это вопросы, с которыми европейцам нужно совладать в своем кругу, и более чем вероятно, что продвижение по всем этим проблемам будет неравномерным, станет прерываться паузами и в конечном счете продвигаться вперед только за счет сложных компромиссов.

Тем не менее есть основания полагать, что экономический и валютный союз возникнет к 2000 году, может быть первоначально в составе 7—10 из нынешних 15 членов ЕС. Это ускорит экономическую интеграцию Европы и за пределами валютного измерения, стимулируя в дальнейшем

ее политическую интеграцию. Таким образом, мало-помалу единая Европа с внутренним более интегрированным ядром, а также более расплывчатым внешним слоем будет все в большей степени становиться важным политическим действующим лицом на евразийской шахматной доске.

Во всяком случае, Соединенным Штатам не следует создавать впечатление, что они предпочитают более рыхлое, пусть даже и более широкое, европейское объединение. Напротив, они должны словом и делом постоянно подтверждать свою готовность в конечном счете иметь дело с ЕС как глобальным партнером Америки в сфере *политики и безопасности*, а не просто как с региональным общим рынком, состоящим из стран — союзниц США по НАТО. Чтобы сделать эти обязательства более заслуживающими доверия и таким образом подняться в партнерстве выше риторики, можно было бы предложить и начать совместное с ЕС планирование относительно новых двусторонних межатлантических механизмов принятия решений.

Этот же принцип в равной мере относится к НАТО. Его сохранение жизненно важно для межатлантических связей. По этому вопросу существует единодушное американо-европейское согласие. Без НАТО Европа стала бы не только уязвимой, но и почти немедленно политически расколотой. НАТО гарантирует ей безопасность и обеспечивает прочный каркас для достижения европейского единства. Вот что делает НАТО исторически столь жизненно необходимой для Европы.

Однако в то время, как Европа будет постепенно и нерешительно объединяться, необходимо урегулирование внутренних процессов и устройства НАТО. По этому вопросу французы имеют особое мнение. Невозможно однажды получить действительно единую Европу и при этом иметь альянс, остающийся объединенным на основе одной сверхдержавы плюс 15 зависимых государств. Раз Европа начинает обретать собственную подлинную политическую идентичность с ЕС, во все большей степени берущим на себя функции наднационального правительства, НАТО придется измениться на основе формулы 1+1 (США+ЕС).

Это произойдет не скоро и не вдруг. Продвижение в этом направлении, повторим, будет нерешительным. Но такое продвижение необходимо будет отразить в существующей организации альянса, дабы отсутствие подобной корректив-

ровки само по себе не стало препятствием для дальнейшего продвижения. Значительным шагом в этом направлении было принятое в 1996 году решение НАТО об образовании Объединенной совместной оперативной группы, что предусматривает, таким образом, возможность неких чисто европейских военных инициатив, основанных на натовском обеспечении, а также на системе командования, контроля, связи и разведки альянса. Бóльшая готовность США учесть требования Франции об увеличении роли Западноевропейского союза в НАТО, особенно в отношении командования и принятия решений, также явилась бы знаком более подлинной поддержки Соединенными Штатами европейского единства и помогла бы до некоторой степени сгладить расхождения между США и Францией относительно будущего европейского самоопределения.

В дальнейшем ЗЕС может включить в себя некоторые страны — члены ЕС, которые по различным геополитическим или историческим причинам могут не стремиться к членству в НАТО. Это могло бы коснуться Финляндии, Швеции или, возможно, даже Австрии, каждая из которых уже получила статус наблюдателя в ЗЕС⁵. Другие государства могут также преследовать цель подключения к ЗЕС в качестве предварительного этапа перед возможным членством в НАТО. ЗЕС мог бы также в определенный момент принять решение создать нечто подобное натовской программе “Партнерство ради мира” с прицелом на потенциальных членов ЕС. Все это помогло бы сплести более широкую сеть сотрудничества в области безопасности в Европе, простирающуюся за формальные границы Североатлантического альянса.

Между тем, пока возникает более обширная и единая Европа — а это даже при самых благоприятных условиях

⁵ Примечательно, что и в Финляндии, и в Швеции влиятельные деятели стали обсуждать возможность сотрудничества с НАТО. В мае 1996 года командующий финскими вооруженными силами, по сообщениям шведских СМИ, поднял вопрос о возможности определенного базирования НАТО на норвежской земле, а в августе 1996 года Комитет по обороне шведского парламента совершил действие, симптоматичное для постепенного дрейфа к более тесному сотрудничеству с НАТО в сфере безопасности, выдвинув рекомендацию о присоединении Швеции к Западноевропейской группе по вооружениям (ЗЕГВ), к которой принадлежат только члены НАТО.

произойдет не скоро, — Соединенным Штатам придется тесно сотрудничать и с Францией, и с Германией, с тем чтобы помочь возникновению более единой и обширной Европы. Таким образом, в отношении Франции главной дилеммой американской политики и далее будет вопрос: как вовлечь Францию в более тесную атлантическую политическую и военную интеграцию, не подвергнув риску американо-германские связи? А в отношении Германии: как использовать доверие США германскому лидерству в атлантической Европе, не вызвав тревоги во Франции и Великобритании, так же как и в других европейских странах?

Более доказуемая гибкость Соединенных Штатов относительно будущей модели альянса была бы в конечном счете полезна для поддержки Францией его расширения в восточном направлении. В конце концов, зона объединенной военной ответственности по обе стороны Германии более жестко закрепила бы последнюю в многостороннем каркасе, а это имело бы значение для Франции. Кроме того, расширение альянса увеличило бы возможность того, что «веймарский треугольник» (в составе Германии, Франции и Польши) мог бы стать изящным средством для того, чтобы уравновесить лидерство Германии в Европе. Несмотря на то что Польша полагается на германскую поддержку в своем стремлении вступить в НАТО (и несмотря на недавние и продолжающиеся колебания Франции относительно подобного расширения), будь она внутри альянса, общая франко-польская геополитическая перспектива имела бы большие шансы на возникновение.

В любом случае Вашингтону не следует упускать из виду тот факт, что Франция является единственным оппонентом в краткосрочной перспективе по вопросам, имеющим отношение к европейской идентичности или к внутренней деятельности НАТО. Более важно держать в уме тот факт, что Франция — необходимый партнер в важном деле, и постоянно приковывать демократическую Германию к Европе. Такова историческая роль франко-германских взаимоотношений, и расширение на восток как ЕС, так и НАТО увеличило бы важность этой взаимосвязи как внутреннего ядра Европы. Наконец, Франция недостаточно сильна, чтобы препятствовать Соединенным Штатам по геостратегическим принципам их европейской политики и чтобы самостоятельно стать лидером Европы как таковой. Поэтому можно терпеть ее странности и даже приступы раздражительности.

Также уместно отметить, что Франция играет поистине конструктивную роль в Северной Африке и франкоговорящих африканских странах. Она является необходимым партнером Марокко и Туниса, одновременно выполняя стабилизирующие функции в Алжире. Для такой вовлеченности французов существует значительная внутренняя причина: в настоящее время во Франции проживает около 5 млн. мусульман. Таким образом, Франция сделала крайне важную ставку на стабильность и спокойное развитие Северной Африки. Но эта заинтересованность полезна и в более широком плане — для европейской безопасности. Без ощущения Францией своей миссии южный фланг Европы был бы гораздо более нестабильным и угрожаемым. Весь Юг Европы становится все более озабоченным социально-политической угрозой, исходящей от нестабильности на всем протяжении южного берега Средиземноморья. Значительная обеспокоенность Франции тем, что творится по ту сторону Средиземного моря, имеет, таким образом, непосредственное отношение к вопросам безопасности НАТО, и это соображение должно приниматься в расчет, когда Соединенным Штатам порой приходится справляться с преувеличенными претензиями Франции на особый статус лидера.

Иное дело Германия. Ее доминирующая роль неоспорима, но необходимо соблюдать осторожность при любой публичной поддержке германского лидерства в Европе. Это лидерство может быть выгодно некоторым государствам в Центральной Европе, которые ценят германскую предприимчивость в интересах расширения Европы на восток, и оно может удовлетворять западноевропейцев до тех пор, пока следует в русле первенства США, однако в долгосрочной перспективе строительство Европы не может на нем основываться. Слишком много воспоминаний еще живо, слишком многие страхи могут выйти на поверхность. Европа, сконструированная и возглавляемая Берлином, — просто неосуществимая идея. Вот почему Германии нужна Франция, Европе нужна франко-германская взаимосвязь, а США не могут выбирать между Германией и Францией.

Существенным моментом в отношении расширения НАТО является то, что это процесс, неразрывно связанный с расширением самой Европы. Если Европейский Союз должен стать географически более широким сообществом — с более интегрированным франко-германским ведущим ядром и менее интегрированными внешними слоями — и если

такая Европа должна основывать свою безопасность на продолжении альянса с США, то отсюда следует, что ее геополитически наиболее уязвимую часть, Центральную Европу, нельзя демонстративно лишить ощущения безопасности, которое присуще остальной Европе благодаря наличию Североатлантического альянса. В этом Америка и Германия согласны. Для них импульс к расширению — политический, исторический и созидательный. Этим импульсом не руководят ни враждебность к России, ни страх перед нею, ни желание ее изолировать.

Следовательно, Соединенные Штаты должны особенно тесно работать с Германией, содействуя расширению Европы на восток. Американско-германское сотрудничество и совместное лидерство в этом вопросе необходимы. Расширение произойдет, если Соединенные Штаты и Германия будут совместно побуждать других союзников по НАТО сделать шаг и либо эффективно находить определенные договоренности с Россией, если она желает пойти на компромисс (см. главу 4), либо действовать напористо, в твердой уверенности, что задача построения Европы не может зависеть от возражений Москвы. Совместное американско-германское давление будет особенно необходимо для того, чтобы добиться обязательного единодушного согласия всех членов НАТО, и ни один из последних не сможет отказать, если США и Германия вместе будут этого добиваться.

В конечном счете в процессе этих усилий на карту поставлена долгосрочная роль США в Европе. Новая Европа еще только оформляется, и если эта новая Европа должна геополитически остаться частью “евроатлантического” пространства, то расширение НАТО необходимо. В самом деле, всеобъемлющая политика США для Евразии в целом будет невозможна, если усилия по расширению НАТО, до сих пор предпринимавшиеся Соединенными Штатами, потеряют темп и целеустремленность. Эта неудача дискредитировала бы американское лидерство, разрушила бы идею расширяющейся Европы, деморализовала бы центральноевропейцев, и могла бы вновь разжечь ныне спящие или умирающие геополитические устремления России в Центральной Европе. Для Запада это был бы тяжелый удар по самим себе, который причинил бы смертельный ущерб перспективам истинно европейской опоры любого возможного здания евразийской безопасности, а для США, таким образом, это было бы не только региональным, но и глобальным поражением.

Основным моментом, направляющим поступательное расширение Европы, должно быть утверждение о том, что ни одна сила вне существующей межатлантической системы безопасности не имеет права вето на участие любого отвечающего требованиям государства Европы в европейской системе — а отсюда также в ее межатлантической системе безопасности — и что ни одно отвечающее требованиям европейское государство не должно быть заведомо исключено из возможного членства или в ЕС, или в НАТО. В особенности сильно уязвимые и все более удовлетворяющие требованиям государства Балтии имеют право знать, что со временем они также могут стать полноправными членами обеих организаций и что тем временем не возникнет угрозы их суверенитету без того, чтобы были затронуты интересы расширяющейся Европы и ее американского партнера.

По существу, Запад — в особенности США и их западноевропейские союзники — должен дать ответ на вопрос, красноречиво поставленный Вацлавом Гавелом в Аахене 15 мая 1996 г.:

“Я знаю, что ни Европейский Союз, ни Североатлантический альянс не могут вдруг открыть свои двери всем тем, кто жаждет вступить в их ряды. Что оба они, несомненно, могут сделать и что им следует сделать, пока еще не слишком поздно, — это дать всей Европе, воспринимаемой как сфера общих интересов, ясную уверенность в том, что они не являются закрытыми клубами. Им следует сформулировать ясную и обстоятельную политику постепенного расширения, которая бы не только содержала временной график, но также и объясняла логику этого графика”.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАСПИСАНИЕ ЕВРОПЫ

Хотя на данном этапе окончательные восточные границы Европы не могут быть ни твердо определены, ни окончательно установлены, в широком смысле слова Европа представляет собой цивилизацию, ведущую свое происхождение от единых христианских традиций. Западное, более узкое, определение Европы ассоциируется с Римом и его историческим наследием. Однако к христианской традиции Евро-

Карта XII

пы принадлежат также Византия и ее русское ортодоксальное ответвление. Таким образом, в плане культуры “Европа” вмещает в себя более весомое понятие, нежели просто Европа Петра, а Европа Петра, в свою очередь, является более объемным определением, нежели просто Западная Европа, хотя в последние годы она узурпировала название “Европа”. Даже беглый взгляд на карту XII подтверждает тот факт, что существующая ныне Европа просто не является целиком и полностью Европой. Хуже того, это Европа, на территории которой находится нестабильная в плане безопасности зона между Европой и Россией, которая может иметь негативный эффект для обеих, неизбежно являясь ареной напряженности и соперничества.

Европа Карла Великого (ограниченная пределами Западной Европы) в силу необходимости имела значение в период холодной войны, однако в настоящее время такая Европа является аномалией. Это так, потому что, будучи

определенным типом цивилизации, образовавшаяся объединенная Европа, кроме того, представляет собой определенный уклад и норму жизни, государственное устройство по принципу совместного демократического правления, не обремененного ни этническими, ни территориальными конфликтами. Эта Европа в рамках своих официально установленных территориальных границ в настоящее время в значительной степени меньше своего фактического потенциала. Некоторые из наиболее прогрессивных и политически стабильных государств Центральной Европы, приверженцы западных традиций Петра, такие как Республика Чехия, Польша, Венгрия и, возможно, также Словения, несомненно соответствуют европейским требованиям и готовы к членству в “Европе” и ее трансатлантическом объединении по проблемам безопасности.

При нынешних обстоятельствах расширение блока НАТО на восток путем включения к 1999 году в его состав Польши, Республики Чехии и Венгрии представляется, по всей видимости, вероятным. По завершении этого начального, но очень важного шага любое последующее расширение союза скорее всего будет либо совпадать по времени, либо последует за расширением Европейского Союза, которое, однако, представляет собой более сложный процесс как по числу подготовительных этапов, так и в плане удовлетворения требований, необходимых для членства (см. схему на стр. 104). Таким образом, даже первый прием в Европейский Союз государств из Центральной Европы представляется маловероятным ранее 2002 года или, видимо, даже в более поздние сроки. Тем не менее только три первых новых члена НАТО присоединятся к Европейскому Союзу, так сразу как Европейский Союз, так и НАТО будут вынуждены заняться вопросом о членстве республик Балтии, Словении, Румынии, Болгарии, Словакии и, в конце концов, вероятно, и Украины.

Следует особо отметить, что перспектива возможного членства уже оказывает конструктивное влияние на положение дел и поведение стран-претендентов. Понимание того, что ни Европейский Союз, ни НАТО не желают обременять себя дополнительными конфликтами по поводу либо прав меньшинств, либо территориальных притязаний стран — членов Союза друг к другу (противостояния Турции и Греции вполне достаточно), уже означает для Словакии, Венгрии и Румынии необходимый стимул для достиже-

**Членство в Европейском Союзе:
заявление страны о вступлении в Союз***

* Схема подготовлена Центром стратегических и международных исследований Трехсторонней комиссии США—ЕС—Польша.

ния между собой компромиссных решений, отвечающих нормам, установленным Советом Европы. Это же положение верно и для более общего принципа, заключающегося в том, что только демократические государства могут удовлетворять критериям членства. Желание “не остаться за бортом” оказывает важное положительное влияние на новые демократии.

В любом случае должно быть аксиомой, что политическое единство и безопасность Европы — понятия неделимые. В практическом плане фактически трудно представить себе по-настоящему единую Европу без общих мер по обеспечению безопасности совместно с Америкой. Из этого следует, что страны, готовые и приглашенные к началу переговоров о вступлении в Европейский Союз, автоматически должны начиная с этого времени рассматриваться в качестве субъектов вероятной защиты со стороны НАТО.

В соответствии с этим процесс расширения Европы и распространение трансатлантической системы безопасности будут, по всей видимости, носить продуманный поэтапный характер. При условии продолжения Америкой и Западной Европой предпринимаемых усилий умоглядный, но вместе с тем осторожно-реалистический график этих этапов мог бы быть следующим:

1. К 1999 году первые новые члены — страны Центральной Европы будут приняты в НАТО, хотя их вступление в Европейский Союз произойдет, вероятно, не ранее 2002 — 2003 годов.

2. Тем временем Европейский Союз начнет переговоры с Балтийскими республиками об их вступлении в блок, а НАТО подобным же образом начнет продвигаться вперед в вопросе о членстве этих республик, а также Румынии, с тем чтобы завершить этот процесс к 2005 году. В это же время другие Балканские государства могут, по всей видимости, также получить право на допуск в блок.

3. Вступление в НАТО стран Балтии подтолкнет скорее всего Швецию и Финляндию также к рассмотрению вопроса о членстве в НАТО.

4. Где-то между 2005 и 2010 годами Украина, особенно тогда, когда она добьется значительного прогресса в проведении реформ внутри страны и тем самым более четко определится как страна Центральной Европы, должна быть

готова к серьезным переговорам как с Европейским Союзом, так и с НАТО.

Тем временем франко-германо-польское сотрудничество с ЕС и НАТО будет, вероятно, значительно расширено, особенно в области обороны. Это сотрудничество могло бы стать своего рода западной сердцевинкой любых более широких европейских мер по обеспечению безопасности, которые в конечном счете могут распространяться как на Россию, так и на Украину. Учитывая особую геополитическую заинтересованность Германии и Польши в независимости Украины, вполне возможной представляется такая ситуация, при которой Украина постепенно будет втянута в особые франко-германо-польские отношения. К 2010 году франко-германо-польско-украинское сотрудничество, которое будет охватывать примерно 230 млн. человек, может, видимо, превратиться в партнерство, углубляющее геостратегическое взаимодействие в Европе (см. карту XIII).

Вопрос о том, будет ли вышеизложенный сценарий развиваться в таком неопасном русле или в контексте нарастания напряженности с Россией, представляется чрезвычайно важным. Россию необходимо постоянно заверять в том, что двери в Европу открыты, как и двери для ее окончательного участия в расширяющейся трансатлантической системе безопасности и, вероятно в будущем, в новой трансевразийской системе безопасности. Для придания обоснованности таким заверениям следует обдуманно и взвешенно способствовать развитию связей между Россией и Европой в различных сферах. (О взаимоотношениях России с Европой и о роли Украины в этом аспекте более подробно мы поговорим в следующей главе.)

Если Европа преуспевает как в процессе объединения, так и в процессе расширения и если Россия тем временем успешно справится с процессом демократической консолидации и социальной модернизации, то в определенный момент Россия также может стать подходящей кандидатурой для установления более органичных взаимоотношений с Европой. Это, в свою очередь, может сделать возможным окончательное объединение трансатлантической системы безопасности с трансконтинентальной евразийской системой безопасности. Однако вопрос об официальном членстве России как о практической реальности до определенного времени не будет подниматься, и это, помимо прочего, еще одна причина для того, чтобы бессмысленно не захлопывать перед ней двери.

Карта XIII

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: с концом Европы ялтинского образца чрезвычайно важно, чтобы не было возврата к Европе образца Версаля. Конец раздела Европы не должен стать шагом назад, к Европе ссорящихся между собой государств-наций. Наоборот, этот процесс должен стать отправным моментом для формирования более обширной и все в большей мере объединяющейся Европы, усиленной благодаря расширенному блоку НАТО и представляющейся еще более защищенной за счет конструктивного сотрудничества с Россией в области безопасности. Следовательно, главная геостратегическая цель Америки в Европе может быть сформулирована весьма просто: путем более искреннего трансатлантического партнерства укреплять американский плацдарм на Евразийском континенте, с тем чтобы растущая Европа могла стать еще более реальным трамплином для продвижения в Евразию международного демократического порядка и сотрудничества.

“Черная дыра”

РАСПАД В КОНЦЕ 1991 ГОДА самого крупного по территории государства в мире способствовал образованию “черной дыры” в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли.

Для Америки эта новая и ставящая в тупик геополитическая ситуация представляет серьезный вызов. Понятно, что незамедлительная ответная задача заключалась в уменьшении возможности возникновения политической анархии либо возрождения враждебной диктатуры в распадающемся государстве, все еще обладающем мощным ядерным арсеналом. Долгосрочная же задача состоит в следующем: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и в то же время не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана.

НОВОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ

Крах Советского Союза стал заключительным этапом постепенного распада мощного китайско-советского коммунистического блока, который за короткий промежуток вре-

мени сравнился, а в некоторых зонах даже превзошел границы владений Чингисхана. Однако более современный трансконтинентальный евроазиатский блок просуществовал недолго; уже отпадение от него Югославии Тито и неповиновение Китая Мао свидетельствовали об уязвимости коммунистического лагеря перед лицом националистических устремлений, которые, как оказалось, сильнее идеологических уз. Китайско-советский блок просуществовал около десяти, Советский Союз — примерно 70 лет.

Однако в геополитическом плане еще более значительным событием явился развал многовековой, с центром правления в Москве, великой Российской державы. Распад этой империи был ускорен общим социально-экономическим и политическим крахом советской системы, хотя большая часть ее болезней оставалась затушеванной почти до самого конца благодаря системе секретности и самоизоляции. Поэтому мир был ошеломлен кажущейся быстротой саморазрушения Советского Союза. В течение всего лишь двух недель декабря 1991 года сначала о роспуске Советского Союза демонстративно заявили главы республик России, Украины и Белоруссии, затем официально он был заменен на более неопределенное образование, названное Содружеством Независимых Государств, объединившим все советские республики, кроме балтийских; далее советский президент неохотно ушел в отставку, а советский флаг был спущен с башни Кремля; и наконец, Российская Федерация — в настоящее время преимущественно русское национальное государство с общей численностью населения в 150 млн. человек — появилась на арене в качестве преемницы де-факто бывшего Советского Союза, в то время как остальные республики — насчитывающие еще 150 млн. человек — утверждали в разной степени свои права на независимость и суверенитет.

Крах Советского Союза вызвал колоссальное геополитическое замешательство. В течение 14 дней россияне, которые вообще-то даже меньше были осведомлены, чем внешний мир, о приближающемся распаде Советского Союза, неожиданно для себя обнаружили, что они более не являются хозяевами трансконтинентальной империи, а границы других республик с Россией стали теми, какими они были с Кавказом в начале 1800-х годов, со Средней Азией — в середине 1800-х и, что намного более драматично и болезненно, с Западом — приблизительно в 1600 году, сразу же пос-

ле царствования Ивана Грозного. Потеря Кавказа способствовала появлению стратегических опасений относительно возобновления влияния Турции; потеря Средней Азии породила чувство утраты значительных энергетических и минеральных ресурсов, равно как и чувство тревоги в связи с потенциальной мусульманской проблемой; независимость Украины бросила вызов притязаниям России на божественное предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества.

Пространство, веками принадлежавшее царской империи и в течение трех четвертей века Советскому Союзу под главенством русских, теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета; к тому же численность населения этих государств тоже разная: от довольно крупной Украины, имеющей 52 млн. человек, и до Армении, насчитывающей всего 3,5 млн. Их жизнеспособность представлялась сомнительной, в то время как готовность Москвы постоянно приспосабливаться к новой реальности также выглядела непредсказуемой. Исторический шок, который испытали русские, был усилен еще и тем, что примерно 20 млн. человек, говорящих по-русски, в настоящее время постоянно проживают на территории иностранных государств, где политическое господство находится в руках все более националистически настроенных элит, решивших утвердить свою национальную самобытность после десятилетий более или менее принудительной русификации.

Крах Российской империи создал вакуум силы в самом центре Евразии. Слабость и замешательство были присущи не только новым, получившим независимость государствам, но и самой России: потрясение породило серьезный кризис всей системы, особенно когда политический переворот дополнился попыткой разрушить старую социально-экономическую модель советского общества. Травма нации усугубилась военным вмешательством России в Таджикистане, обусловленным опасениями захвата мусульманами этого нового независимого государства, но в еще большей степени она была обострена трагическим, кровавым, невероятно дорогим как в политическом, так и в экономическом плане вторжением России в Чечню. Самым болезненным в этой ситуации является осознание того, что авторитет России на международной арене в значительной степени подорван; прежде одна из двух ведущих мировых сверхдержав в насто-

ящее время в политических кругах многими оценивается просто как региональная держава “третьего мира”, хотя по-прежнему и обладающая значительным, но все более и более устаревающим ядерным арсеналом.

Образовавшийся геополитический вакуум увеличивался в связи с размахом социального кризиса в России. Коммунистическое правление в течение трех четвертей века причинило беспрецедентный биологический ущерб российскому народу. Огромное число наиболее одаренных и предприимчивых людей были убиты или пропали без вести в лагерях ГУЛАГа, и таких людей насчитывается несколько миллионов. Кроме того, страна также несла потери во время первой мировой войны, имела многочисленные жертвы в ходе затяжной гражданской войны, терпела зверства и лишения во время второй мировой войны. Правящий коммунистический режим навязал удушающую ортодоксальную доктрину всей стране, одновременно изолировав ее от остального мира. Экономическая политика страны была абсолютно индифферентна к экологическим проблемам, в результате чего значительно пострадали как окружающая среда, так и здоровье людей. Согласно официальным статистическим данным России, к середине 90-х годов только примерно 40% от числа новорожденных появлялись на свет здоровыми, в то время как приблизительно пятая часть от числа всех российских первоклассников страдала задержкой умственного развития. Продолжительность жизни у мужчин сократилась до 57,3 года, и русских умирало больше, чем рождалось. Социальные условия в России фактически соответствовали условиям страны “третьего мира” средней категории.

Невозможно преувеличить ужасы и страдания, выпавшие на долю русских людей в течение этого столетия. Едва ли можно найти хоть одну русскую семью, которая имела бы возможность нормального цивилизованного существования. Рассмотрим социальные последствия следующих событий:

- русско-японская война 1905 года, окончившаяся унижительным поражением России;
- первая “пролетарская” революция 1905 года, породившая многочисленные акты городского насилия;
- первая мировая война 1914—1917 годов, явившаяся причиной миллионных жертв и многочисленных нарушений в экономике;

- гражданская война 1918—1921 годов, унесшая еще несколько миллионов человеческих жизней и опустошившая страну;
- русско-польская война 1919—1920 годов, закончившаяся поражением России;
- создание системы ГУЛАГа в начале 20-х годов, включая уничтожение представителей элиты предреволюционного периода и их массовое бегство из России;
- процессы индустриализации и коллективизации в начале и середине 30-х годов породили массовый голод и миллионы смертей на Украине и в Казахстане;
- “великая чистка и террор” в середине и конце 30-х годов, когда миллионы заключенных находились в трудовых лагерях, более миллиона человек были расстреляны, несколько миллионов умерли в результате безжалостного обращения;
- вторая мировая война 1941—1945 годов, принесшая многомиллионные военные и гражданские жертвы и сильные разрушения в экономике;
- возобновление сталинского террора в конце 40-х годов вновь повлекло за собой массовые аресты и казни;
- 44-летний период гонки вооружений с Соединенными Штатами, начавшийся в конце 40-х и продолжавшийся до конца 80-х годов, явился причиной разорения государства;
- попытки насаждения советской власти в зоне Карибского бассейна, на Ближнем Востоке и в Африке в течение 70 — 80-х годов подорвали экономику страны;
- затяжная война в Афганистане 1979—1989 годов сильно подорвала потенциал страны;
- неожиданный крах Советского Союза, сопровождавшийся гражданскими беспорядками в стране, болезненным экономическим кризисом, кровопролитной и унижительной войной в Чечне.

Не только кризис внутри страны и потеря международного статуса мучительно тревожат Россию, особенно представителей русской политической элиты, но и геополити-

Карта XIV

ческое положение России, также оказавшееся неблагоприятным. На Западе вследствие процесса распада Советского Союза границы России существенно изменились в неблагоприятную для нее сторону, а сфера ее геополитического влияния серьезно сократилась (см. карту XIV). Прибалтийские государства находились под контролем России с 1700-х годов, и потеря таких портов, как Рига и Таллинн, сделала доступ России к Балтийскому морю более ограниченным, причем в зонах, где оно зимой замерзает. Хотя Москва и сумела сохранить политическое главенствующее положение в новой, получившей официальный статус независимости, но в высшей степени русифицированной Беларуси, однако еще далеко не ясно, не одержит ли в конечном счете и здесь верх националистическая инфекция. А за границами бывшего Советского Союза крах Организации Варшавского договора означал, что бывшие сателлиты Центральной Европы, среди которых на первое место выдвинулась Польша, быстрыми темпами склоняются в сторону НАТО и Европейского Союза.

Самым беспокоящим моментом явилась потеря Украины. Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 млн. человек, этнически и религиозно наиболее тесно связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу. Независимость Украины также лишила Россию ее доминирующего положения на Черном море, где Одесса служила жизненно важным портом для торговли со странами Средиземноморья и всего мира в целом.

Потеря Украины явилась геополитически важным моментом по причине существенного ограничения геостратегического выбора России. Даже без Прибалтийских республик и Польши Россия, сохранив контроль над Украиной, могла бы все же попытаться не утратить место лидера в решительно действующей евразийской империи, внутри которой Москва смогла бы подчинить своей воле неславянские народы южного и юго-восточного регионов бывшего

Советского Союза. Однако без Украины с ее 52-миллионным славянским населением любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю способствовала бы, по всей видимости, тому, что в гордом одиночестве Россия оказывалась запутавшейся в затяжных конфликтах с поднявшимися на защиту своих национальных и религиозных интересов неславянскими народами; война с Чечней является, вероятно, просто первым тому примером. Более того, принимая во внимание снижение уровня рождаемости в России и буквально взрыв рождаемости в республиках Средней Азии, любое новое евразийское государство, базирующееся исключительно на власти России, без Украины неизбежно с каждым годом будет становиться все менее европейским и все более азиатским.

Потеря Украины явилась не только центральным геополитическим событием, она также стала геополитическим катализатором. Именно действия Украины — объявление ею независимости в декабре 1991 года, ее настойчивость в ходе важных переговоров в Беловежской пуще о том, что Советский Союз следует заменить более свободным Содружеством Независимых Государств, и особенно неожиданное навязывание, похожее на переворот, украинского командования над подразделениями Советской Армии, размещенными на украинской земле, — помешали СНГ стать просто новым наименованием более федерального СССР. Политическая самостоятельность Украины ошеломила Москву и явилась примером, которому, хотя вначале и не очень уверенно, затем последовали другие советские республики.

Потеря Россией своего главенствующего положения на Балтийском море повторилась и на Черном море не только из-за получения Украиной независимости, но также еще и потому, что новые независимые государства Кавказа — Грузия, Армения и Азербайджан — усилили возможности Турции по восстановлению однажды утраченного влияния в этом регионе. До 1991 года Черное море являлось отправной точкой России в плане проекции своей военно-морской мощи на район Средиземноморья. Однако к середине 90-х годов Россия осталась с небольшой береговой полосой Черного моря и с неразрешенным спорным вопросом с Украиной о правах на базирование в Крыму остатков советского Черноморского флота, наблюдая при этом с явным раздражением за проведением совместных, Украины с НАТО, во-

енно-морских и морских десантных маневров, а также за возрастанием роли Турции в регионе Черного моря. Россия также подозревала Турцию в оказании эффективной помощи силам сопротивления в Чечне.

Далее к юго-востоку геополитический переворот вызвал аналогичные существенные изменения статуса России в зоне Каспийского бассейна и в Средней Азии в целом. До краха Советского Союза Каспийское море фактически являлось российским озером, небольшой южный сектор которого находился на границе с Ираном. С появлением независимого и твердо националистического Азербайджана — позиции которого были усилены устремившимися в эту республику нетерпеливыми западными нефтяными инвесторами — и таких же независимых Казахстана и Туркменистана Россия стала только одним из пяти претендентов на богатства Каспийского моря. Россия более не могла уверенно полагать, что по собственному усмотрению может распоряжаться этими ресурсами.

Появление самостоятельных независимых государств Средней Азии означало, что в некоторых местах юго-восточная граница России была отеснена в северном направлении более чем на тысячу миль. Новые государства в настоящее время контролируют большую часть месторождений минеральных и энергетических ресурсов, которые обязательно станут привлекательными для иностранных государств. Неизбежным становится то, что не только представители элиты, но вскоре и простые люди в этих республиках будут становиться все более и более националистически настроенными и, по всей видимости, будут все в большей степени придерживаться мусульманской ориентации. В Казахстане, обширной стране, располагающей огромными запасами природных ресурсов, но с населением почти в 20 млн. человек, распределенным примерно поровну между казахами и славянами, лингвистические и национальные трения, по-видимому, имеют тенденцию к усилению. Узбекистан — при более однородном этническом составе населения, насчитывающего примерно 25 млн. человек, и лидерах, делающих акцент на историческом величии страны, — становится все более активным в утверждении нового постколониального статуса региона. Туркменистан, который географически защищен Казахстаном от какого-либо прямого контакта с Россией, активно налаживает и развивает новые связи с Ираном в целях ослабле-

ния своей прежней зависимости от российской системы для получения доступа на мировые рынки.

Республики Средней Азии, получающие поддержку Турции, Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии, не склонны торговать своим новым политическим суверенитетом даже ради выгодной экономической интеграции с Россией, на что многие русские все еще продолжают надеяться. По крайней мере, некоторая напряженность и враждебность в отношениях этих республик с Россией неизбежны, хотя на основании неприятных прецедентов с Чечней и Таджикистаном можно предположить, что нельзя полностью исключать и возможности развития событий в еще более худшую сторону. Для русских спектр потенциального конфликта с мусульманскими государствами по всему южному флангу России (общая численность населения которых, вместе с Турцией, Ираном и Пакистаном, составляет более 300 млн. человек) представляет собой источник серьезной обеспокоенности.

И наконец, в момент краха советской империи Россия столкнулась с новой угрожающей геополитической ситуацией также и на Дальнем Востоке, хотя ни территориальные, ни политические изменения не коснулись этого региона. В течение нескольких веков Китай представлял собой более слабое и более отсталое государство по сравнению с Россией, по крайней мере в политической и военной сферах. Никто из русских, обеспокоенных будущим страны и озадаченных драматическими изменениями этого десятилетия, не в состоянии проигнорировать тот факт, что Китай в настоящее время находится на пути становления и преобразования в более развитое, более динамичное и более благополучное государство, нежели Россия. Экономическая мощь Китая в совокупности с динамической энергией его 1,2-миллиардного населения существенно меняют историческое уравнение между двумя странами с учетом незаселенных территорий Сибири, почти призывающих китайское освоение.

Такая неустойчивая новая реальность не может не отразиться на чувстве безопасности России по поводу ее территорий на Дальнем Востоке, равно как и в отношении ее интересов в Средней Азии. В долгосрочной перспективе подобного рода перемены могут даже усугубить геополитическую важность потери Россией Украины. О стратегических последствиях такой ситуации для России очень хо-

рошо сказал Владимир Лукин, первый посол посткоммунистического периода России в Соединенных Штатах, а позднее председатель Комитета по иностранным делам в Госдуме:

“В прошлом Россия видела себя во главе Азии, хотя и позади Европы. Однако затем Азия стала развиваться более быстрыми темпами... и мы обнаружили самих себя не столько между “современной Европой” и “отсталой Азией”, сколько занимающими несколько странное промежуточное пространство между двумя “Европами”¹.

Короче говоря, Россия, являвшаяся до недавнего времени созидателем великой территориальной державы и лидером идеологического блока государств-сателлитов, территория которых простиралась до самого центра Европы и даже одно время до Южно-Китайского моря, превратилась в обеспокоенное национальное государство, не имеющее свободного географического доступа к внешнему миру и потенциально уязвимое перед лицом ослабляющих его конфликтов с соседями на западном, южном и восточном флангах. Только непригодные для жизни и недостижимые северные просторы, почти постоянно скованные льдом и покрытые снегом, представляются безопасными в геополитическом плане.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

Таким образом, период исторического и стратегического замешательства в постимперской России был неизбежен. Потрясающий развал Советского Союза и особенно ошеломляющий и, в общем-то, неожиданный распад великой Российской империи положили начало в России процессу широкого поиска души, широким дебатам по вопросу о том, как в настоящее время должна Россия определять самое себя в историческом смысле, появлению многочисленных публичных и частных суждений по вопросам, которые в большинстве крупных стран даже не поднимаются: “Что есть Россия? Где Россия? Что значит быть русским?”

¹ **Our Security Predicament // Foreign Policy.** — 1992. — No 88. — P. 60.

Это не просто теоретические вопросы: любой ответ на них наполнен значительным геополитическим содержанием. Является ли Россия национальным государством, основу которого составляют только русские, или Россия является по определению чем-то большим (как Великобритания — это больше, чем Англия) и, следовательно, ей судьбой назначено быть империей? Каковы — исторически, стратегически и этнически — действительные границы России? Следует ли рассматривать независимую Украину как временное отклонение в рамках этих исторических, стратегических и этнических понятий? (Многие русские склонны считать именно так.) Чтобы быть русским, должен ли человек быть русским с этнической точки зрения или он может быть русским с политической, а не этнической точки зрения (т.е. быть “россиянином” — что эквивалентно “британцу”, а не “англичанину”)? Например, Ельцин и некоторые русские доказывали (с трагическими последствиями), что чеченцев можно и даже должно считать русскими.

За год до крушения Советского Союза русский националист, один из тех, кто видел приближающийся конец Союза, во всеуслышание заявил с отчаянием:

“Если ужасное несчастье, невысказанное для русских людей, все-таки произойдет и государство разорвут на части и люди, ограбленные и обманутые своей 1000-летней историей, внезапно останутся одни, когда их недавние “братья”, захватив свои пожитки, сядут в свои “национальные спасательные шлюпки” и уплывут от давшего крен корабля, что ж, нам некуда будет податься...

Русская государственность, которая олицетворяет собой “русскую идею” политически, экономически и духовно, будет создана заново. Она вберет в себя все лучшее из долгих 1000 лет существования царизма и 70 советских лет, которые пролетели как одно мгновение”².

Но как? Поиск ответа, который был бы приемлемым для русского народа и одновременно реалистичным, осложняется историческим кризисом самого русского государства. На протяжении практически всей своей истории это государство было одновременно инструментом и территориальной экспансии, и экономического развития. Это также было государ-

² Проханов А. Трагедия централизма // Литературная Россия. — 1990. — Янв. — С. 4—5.

ство, которое преднамеренно не представляло себя чисто национальным инструментом, как это принято в западноевропейской традиции, но определяло себя исполнителем специальной наднациональной миссии, с “русской идеей”, разнообразно определенной в религиозных, геополитических или идеологических рамках. Теперь же в этой миссии ей внезапно отказали, когда государство уменьшилось территориально до главным образом этнической величины.

Более того, постсоветский кризис русского государства (так сказать, его “сущности”) был осложнен тем фактом, что Россия не только внезапно лишилась своей имперской миссионерской роли, но и оказалась под давлением своих собственных модернизаторов (и их западных консультантов), которые, чтобы сократить зияющий разрыв между социально отсталой Россией и наиболее развитыми евразийскими странами, требуют, чтобы Россия отказалась от своей традиционной экономической роли ментора, владельца и распорядителя социальными благами. Это потребовало ни более ни менее как политически революционного ограничения роли Российского государства на международной арене и внутри страны. Это стало абсолютно разрушительным для большинства укоренившихся моделей образа жизни в стране и усилило разъединяющий смысл геополитической дезориентации среди русской политической элиты.

В этой запутанной обстановке, как и можно было ожидать, на вопрос: “Куда идет Россия и что есть Россия?” — возникает множество ответов. Большая протяженность России в Евразии давно способствовала тому, чтобы элита мыслила геополитически. Первый министр иностранных дел постимперской и посткоммунистической России Андрей Козырев вновь подтвердил этот образ мышления в одной из своих первых попыток определить, как новая Россия должна вести себя на международной арене. Меньше чем через месяц после распада Советского Союза он заметил: “Отказавшись от мессианства, мы взяли курс на прагматизм... мы быстро пришли к пониманию, что геополитика... заменяет идеологию”³.

Вообще говоря, как реакция на крушение Советского Союза возникли три общих и частично перекрывающихся геостратегических варианта, каждый из которых в конечном счете связан с озабоченностью России своим статусом

³ Российская газета. — 1992. — 12 янв.

по сравнению с Америкой и содержит некоторые внутренние варианты. Эти несколько направлений мысли могут быть классифицированы следующим образом:

1. Приоритет “зрелого стратегического партнерства” с Америкой, что для некоторых приверженцев этой идеи являлось на самом деле термином, под которым зашифрован глобальный кондоминиум.

2. Акцент на “ближнее зарубежье” как на объект основного интереса России, при этом одни отстаивают некую модель экономической интеграции при доминировании Москвы, а другие также рассчитывают на возможную реставрацию некоторого имперского контроля с созданием таким образом державы, более способной уравновесить Америку и Европу.

3. Контральянс, предполагающий создание чего-то вроде евразийской антиамериканской коалиции, преследующей цель снизить преобладание Америки в Евразии.

Хотя первая идея первоначально доминировала среди членов новой правящей команды президента Ельцина, второй вариант снискал известность в политических кругах вскоре после первой идеи частично как критика геополитических приоритетов Ельцина; третья идея возникла несколько позже, где-то в середине 90-х годов, в качестве реакции на растущие настроения, что геостратегия постсоветской России неясна и не работает. Как это случается, все три варианта оказались неуклюжими с исторической точки зрения и разработанными на основе весьма фантастических взглядов на нынешние мощь, международный потенциал и интересы России за рубежом.

Сразу же после крушения Советского Союза первоначальная позиция Ельцина отображала всегда лелеемую, но никогда не достигавшую полного успеха концепцию русской политической мысли, выдвигаемую “прозападниками”: Россия — государство западного мира — должна быть частью Запада и должна как можно больше подражать Западу в своем развитии. Эта точка зрения поддерживалась самим Ельциным и его министром иностранных дел, при этом Ельцин весьма недвусмысленно осуждал русское имперское наследие. Выступая в Киеве 19 ноября 1990 г. и высказывая мысли, которые украинцы и чеченцы смогли впоследствии обернуть против него же, Ельцин красноречиво заявил:

“Россия не стремится стать центром чего-то вроде новой империи... Россия лучше других понимает пагубность такой роли, поскольку именно Россия долгое время играла эту роль. Что это дало ей? Стали ли русские свободнее? Богаче? Счастливее?.. История научила нас, что народ, который правит другими народами, не может быть счастливым”.

Сознательно дружественная позиция, занятая Западом, особенно Соединенными Штатами, в отношении нового российского руководства ободрила постсоветских “прозападников” в российском внешнеполитическом истеблишменте. Она усилила его проамериканские настроения и соблазнила членов этого истеблишмента. Новым лидерам льстило быть на коротке с высшими должностными лицами, формулирующими политику единственной в мире сверхдержавы, и они легко впали в заблуждение, что они тоже лидеры сверхдержавы. Когда американцы запустили в оборот лозунг о “зрелом стратегическом партнерстве” между Вашингтоном и Москвой, русским показалось, что этим был благословлен новый демократический американо-российский кондоминиум, пришедший на смену бывшему соперничеству.

Этот кондоминиум будет глобальным по масштабам. Таким образом Россия будет не только законным правопреемником бывшего Советского Союза, но и де-факто партнером в мировом устройстве, основанном на подлинном равенстве. Как не устают заявлять российские лидеры, это означает не только то, что остальные страны мира должны признать Россию равной Америке, но и то, что ни одна глобальная проблема не может обсуждаться или решаться без участия и/или разрешения России. Хотя открыто об этом не говорилось, в эту иллюзию вписывается также точка зрения, что страны Центральной Европы должны каким-то образом остаться, или даже решить остаться, регионом, политически особо близким России. Роспуск Варшавского договора и СЭВ не должен сопровождаться тяготением их бывших членов к НАТО или даже только к ЕС.

Западная помощь тем временем позволит российскому правительству провести реформы внутри страны, исключить вмешательство государства в экономику и создать условия для укрепления демократических институтов. Восстановление Россией экономики, ее специальный статус равноправного партнера Америки и просто ее привлека-

тельность побудят недавно образовавшиеся независимые государства — благодарные России за то, что она не угрожает им, и все более осознающие выгоды некоего союза с ней — к самой тесной экономической, а затем и политической интеграции с Россией, расширяя таким образом пределы этой страны и увеличивая ее мощь.

Проблема с таким подходом заключается в том, что он лишен внешнеполитического и внутривнутриполитического реализма. Хотя концепция “зрелого стратегического партнерства” и ласкает взор и слух, она обманчива. Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разоренной 75 годами правления коммунистов и слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире. По мнению Вашингтона, Германия, Япония и Китай по меньшей мере так же важны и влиятельны. Более того, по некоторым центральным геостратегическим вопросам, представляющим национальный интерес Америки, — в Европе, на Ближнем Востоке и на Дальнем Востоке — устремления Америки и России весьма далеки от совпадения. Как только неизбежно начали возникать разногласия — из-за диспропорций в сфере политической мощи, финансовых затрат, технологических новшеств и культурной притягательности — идея “зрелого стратегического партнерства” стала казаться дутой, и все больше русских считают ее выдвинутой специально для обмана России.

Возможно, этого разочарования можно было бы избежать, если бы Америка раньше, во время американо-российского “медового месяца”, приняла концепцию расширения НАТО и одновременно предложила России “сделку, от которой невозможно отказаться”, а именно — особые отношения сотрудничества между Россией и НАТО. Если бы Америка четко и решительно приняла концепцию расширения альянса с оговоркой, что Россия будет каким-либо образом включена в этот процесс, можно было бы, вероятно, избежать возникшего у Москвы впоследствии чувства разочарования “зрелым партнерством”, а также прогрессирующего ослабления политических позиций “прозападников” в Кремле.

Временем сделать это была вторая половина 1993 года, сразу же после того, как Ельцин в августе подтвердил, что стремление Польши присоединиться к трансатлантическому альянсу не противоречит “интересам России”. Вместо этого

администрация Клинтона, тогда все еще проводившая политику “предпочтения России”, мучилась еще два года, в течение которых Кремль “сменил пластинку” и стал все более враждебно относиться к появляющимся, но нерешительным сигналам о намерении Америки расширить НАТО. К 1996 году, когда Вашингтон решил сделать расширение НАТО центральной задачей политики Америки по созданию более крупного и более безопасного евроатлантического сообщества, русские встали в жесткую оппозицию. Следовательно, 1993 год можно считать годом упущенных исторических возможностей.

Нельзя не признать, что не все тревоги России в отношении расширения НАТО лишены законных оснований или вызваны недоброжелательством. Некоторые противники расширения НАТО, разумеется, особенно в российских военных кругах, воспользовались менталитетом времен холодной войны и рассматривают расширение НАТО не как неотъемлемую часть собственного развития Европы, а скорее как продвижение к границам России возглавляемого Америкой и все еще враждебного альянса. Некоторые представители российской внешнеполитической элиты — большинство из которых на самом деле бывшие советские должностные лица — упорствуют в давней геостратегической точке зрения, что Америке нет места в Евразии и что расширение НАТО в большей степени связано с желанием американцев расширить свою сферу влияния. В некоторой степени их оппозиция связана с надеждой, что не связанные ни с кем страны Центральной Европы однажды вернуться в сферу геополитического влияния Москвы, когда Россия “поправится”.

Но многие российские демократы также боялись, что расширение НАТО будет означать, что Россия останется вне Европы, подвергнется политическому ostracismu и ее будут считать недостойной членства в институтах европейской цивилизации. Отсутствие культурной безопасности усугубляло политические страхи, что сделало расширение НАТО похожим на кульминацию давней политики Запада, направленной на изолирование России, чтобы оставить ее одну — уязвимой для различных ее врагов. Кроме того, российские демократы просто не смогли понять ни глубины возмущения населения Центральной Европы более чем полувековым господством Москвы, ни глубины их желания стать частью более крупной евроатлантической системы.

С другой стороны, возможно, что ни разочарования, ни ослабления российских “прозападников” избежать было

нельзя. Новая российская элита, не единая сама по себе, с президентом и его министром иностранных дел, неспособными обеспечить твердое геостратегическое лидерство, не могла четко определить, чего новая Россия хочет в Европе, как не могла и реалистично оценить имеющиеся ограничения, связанные со слабостью России. Российские демократы, ведущие политические схватки, не смогли заставить себя смело заявить, что демократическая Россия не против расширения трансатлантического демократического сообщества и хочет входить в него. Мания получить одинаковый с Америкой статус в мире затруднила политической элите отказ от идеи привилегированного геополитического положения России не только на территории бывшего Советского Союза, но и в отношении бывших стран — сателлитов Центральной Европы.

Такое развитие обстановки сыграло на руку националистам, которые к 1994 году начали вновь обретать голос, и милитаристам, которые к тому времени стали критически важными для Ельцина сторонниками внутри страны. Их все более резкая и временами угрожающая реакция на чаяния населения стран Центральной Европы лишь усилила решимость бывших стран-сателлитов — помнящих о своем лишь недавно обретенном освобождении от господства России — получить безопасное убежище в НАТО.

Пропасть между Вашингтоном и Москвой углубилась еще больше из-за нежелания Кремля отказаться от всех завоеванных Сталиным территорий. Западное общественное мнение, особенно в Скандинавских странах, а также и в Соединенных Штатах было особо встревожено двусмысленным отношением России к Прибалтийским республикам. Признавая их независимость и не заставляя их стать членами СНГ, даже демократические российские руководители периодически прибегали к угрозам, чтобы добиться льгот для крупных сообществ русских колонистов, которых преднамеренно поселили в этих странах во времена правления Сталина. Обстановка была еще больше омрачена подчеркнутым нежеланием Кремля денонсировать секретное германо-советское соглашение 1939 года, которое проложило дорогу насильственному включению этих республик в состав Советского Союза. Даже через пять лет после распада Советского Союза представители Кремля настаивали (в официальном заявлении от 10 сентября 1996 г.), что в 1940 году Прибалтийские государства добровольно “присоединились” к Советскому Союзу.

Российская постсоветская элита явно ожидала, что Запад поможет или, по крайней мере, не будет мешать восстановлению главенствующей роли России в постсоветском пространстве. Поэтому их возмутило желание Запада помочь получившим недавно независимость постсоветским странам укрепиться в их самостоятельном политическом существовании. Даже предупреждая, что “конфронтация с Соединенными Штатами... — это вариант, которого следует избежать”, высокопоставленные российские аналитики, занимающиеся вопросами внешней политики США, доказывали (и не всегда ошибочно), что Соединенные Штаты добиваются “реорганизации межгосударственных отношений во всей Евразии... чтобы в результате на континенте было не одно ведущее государство, а много средних, относительно стабильных и умеренно сильных... но обязательно более слабых по сравнению с Соединенными Штатами как по отдельности, так и вместе”⁴.

В этом отношении Украина имела крайне важное значение. Все большая склонность США, особенно к 1994 году, придать высокий приоритет американо-украинским отношениям и помочь Украине сохранить свою недавно обретенную национальную свободу рассматривалась многими в Москве — и даже “прозападниками” — как политика, нацеленная на жизненно важные для России интересы, связанные с возвращением Украины в конечном счете в общий загон. То, что Украина будет со временем каким-то образом “реинтегрирована”, остается догматом веры многих из российской политической элиты⁵. В результате геополитичес-

⁴ **Богатуров А. и Кременюк В.** Американцы сами никогда не останутся // Независимая газета. — 1996. — 28 июня.

⁵ Например, даже главный советник Ельцина Дмитрий Рюриков, которого процитировал “Интерфакс” (20 ноября 1996 г.), считает Украину “временным феноменом”, а московская “Общая газета” (10 декабря 1996 г.) сообщила, что “в обозримом будущем события в восточной части Украины могут поставить перед Россией весьма трудную задачу. Массовые проявления недовольства... будут сопровождаться призывами или даже требованиями, чтобы Россия забрала себе этот регион. Довольно многие в Москве будут готовы поддержать такие планы”. Озабоченность стран Запада намерениями России явно не стала меньше из-за притязаний России на Крым и Севастополь и таких провокационных действий, как преднамеренное включение в конце 1996 года Севастополя в ежевечерние телевизионные метеосводки для российских городов.

кие и исторические сомнения России относительно самостоятельного статуса Украины лоб в лоб столкнулись с точкой зрения США, что имперская Россия не может быть демократической.

Кроме того, имелись чисто внутренние доводы, что “зрелое стратегическое партнерство” между двумя “демократиями” оказалось иллюзорным. Россия была слишком отсталой и слишком уж опустошенной в результате коммунистического правления, чтобы представлять собой жизнеспособного демократического партнера Соединенных Штатов. И эту основную реальность не могла затушевывать высокопарная риторика о партнерстве. Кроме того, постсоветская Россия только частично порвала с прошлым. Почти все ее “демократические” лидеры — даже если они искренне разочаровались в советском прошлом — были не только продуктом советской системы, но и бывшими высокопоставленными членами ее правящей элиты. Они не были в прошлом диссидентами, как в Польше или Чешской Республике. Ключевые институты советской власти — хотя и слабые, деморализованные и коррумпированные — остались. Символом этой действительности и того, что коммунистическое прошлое все еще не разжало своих объятий, является исторический центр Москвы: продолжает существовать Мавзолей Ленина. Это равнозначно тому, что постнацистской Германией руководили бы бывшие нацистские “гауляйтеры” среднего звена, которые провозглашали бы демократические лозунги, и при этом мавзолей Гитлера продолжал стоять в центре Берлина.

Политическая слабость новой демократической элиты усугублялась самим масштабом экономического кризиса в России. Необходимость широких реформ — чтобы исключить государство из экономики — вызвала чрезмерные ожидания помощи со стороны Запада, особенно США. Несмотря на то что эта помощь, особенно со стороны Германии и США, постепенно достигла больших объемов, она даже при самых лучших обстоятельствах все равно не могла способствовать быстрому экономическому подъему. Возникшее в результате социальное недовольство стало дополнительной поддержкой для растущего круга разочарованных критиков, которые утверждают, что партнерство с Соединенными Штатами было обманом, выгодным США, но наносящим ущерб России.

Короче говоря, в первые годы после крушения Советского Союза не существовало ни объективных, ни субъектив-

ных предпосылок для эффективного глобального партнерства. Демократически настроенные “прозападники” просто хотели очень многого, но сделать могли очень мало. Они желали равноправного партнерства – или скорее кондоминиума – с США, относительной свободы действий внутри СНГ и с геополитической точки зрения “ничьей земли” в Центральной Европе. Однако их двойственный подход к советской истории, отсутствие реализма во взглядах на глобальную власть, глубина экономического кризиса и отсутствие широкой поддержки во всех слоях общества означали, что они не смогут создать стабильной и подлинно демократической России, наличие которой подразумевает концепция “равноправного партнерства”. России необходимо пройти через длительный процесс политических реформ, такой же длительный процесс стабилизации демократии и еще более длительный процесс социально-экономических преобразований, затем суметь сделать более существенный шаг от имперского мышления в сторону национального мышления, учитывающего новые геополитические реальности не только в Центральной Европе, но и особенно на территории бывшей Российской империи, прежде чем партнерство с Америкой сможет стать реально осуществимым геополитическим вариантом развития обстановки.

При таких обстоятельствах не удивительно, что приоритет в отношении “ближнего зарубежья” стал основным элементом критики прозападного варианта, а также ранней внешнеполитической альтернативой. Она базировалась на том доводе, что концепция “партнерства” пренебрегает тем, что должно быть наиболее важным для России: а именно ее отношениями с бывшими советскими республиками. “Ближнее зарубежье” стало короткой формулировкой защиты политики, основной упор которой будет сделан на необходимость воссоздания в пределах геополитического пространства, которое когда-то занимал Советский Союз, некоей жизнеспособной структуры с Москвой в качестве центра, принимающего решения. С учетом этого исходного условия широкие слои общества пришли к согласию, что политика концентрирования на Запад, особенно на США, приносит мало пользы, а стоит слишком дорого. Она просто облегчила Западу пользование возможностями, созданными в результате крушения Советского Союза.

Однако концепция “ближнего зарубежья” была большим “зонтиком”, под которым могли собраться несколько раз-

личных геополитических концепций. Эта концепция собралась под своими знаменами не только сторонников экономического функционализма и детерминизма (включая некоторых “прозападников”), которые верили, что СНГ может эволюционировать в возглавляемый Москвой вариант ЕС, но и тех, кто видел в экономической интеграции лишь один из инструментов реставрации империи, который может работать либо под “зонтиком” СНГ, либо через специальные соглашения (сформулированные в 1996 г.) между Россией и Беларусью или между Россией, Беларусью, Казахстаном и Кыргызстаном; ее также разделяют романтики-славянофилы, выступающие за “Славянский союз” России, Украины и Беларуси, и наконец, сторонники до некоторой степени мистического представления о евразийстве как об основном определении постоянной исторической миссии России.

В его самом узком смысле приоритет в отношении “ближнего зарубежья” включал весьма разумное предложение, что Россия должна сначала сконцентрировать свои усилия на отношениях с недавно образовавшимися независимыми государствами, особенно потому, что все они остались привязанными к России реалиями специально поощряемой советской политики стимулирования экономической взаимозависимости среди них. Это имело и экономический, и геополитический смысл. “Общее экономическое пространство”, о котором часто говорили новые российские руководители, было реалией, которая не могла игнорироваться лидерами недавно образованных независимых государств. Кооперация и даже некоторая интеграция были настоящей экономической потребностью. Таким образом, содействие созданию общих институтов стран СНГ, чтобы повернуть вспять вызванный политическим распадом Советского Союза процесс экономической дезинтеграции и раздробления, было не только нормальным, но и желательным.

Для некоторых русских содействие экономической интеграции было, таким образом, функционально действенной и политически ответственной реакцией на то, что случилось. Часто проводилась аналогия между ЕС и ситуацией, сложившейся после распада СССР. Реставрация империи недвусмысленно отвергалась наиболее умеренными сторонниками экономической интеграции. Например, в важном докладе, озаглавленном “Стратегия для России”, опубликованном уже в августе 1992 года Советом по внешней и обо-

ронной политике группой известных личностей и высокопоставленных государственных чиновников, “постимперская просвещенная интеграция” весьма аргументированно отстаивалась как самая правильная программа действий для постсоветского экономического пространства.

Однако упор на “ближнее зарубежье” не был просто политически мягкой доктриной регионального экономического сотрудничества. В ее геополитическом содержании имелся имперский контекст. Даже в довольно умеренном докладе в 1992 году говорилось о восстановившейся России, которая в конечном счете установит стратегическое партнерство с Западом, партнерство, в котором Россия будет “регулировать обстановку в Восточной Европе, Средней Азии и на Дальнем Востоке”. Другие сторонники этого приоритета оказались более беззащитными, недвусмысленно заявляя об “исключительной роли” России на постсоветском пространстве и обвиняя Запад в антироссийской политике, которую он проводит, оказывая помощь Украине и прочим недавно образовавшимся независимым государствам.

Типичным, но отнюдь не экстремальным примером стало суждение Ю. Амбарцумова, председателя в 1993 году парламентского Комитета по иностранным делам и бывшего сторонника приоритета партнерства, который открыто доказывал, что бывшее советское пространство является исключительно российской сферой геополитического влияния. В январе 1994 года его поддержал прежде энергичный сторонник приоритета партнерства с Западом министр иностранных дел России Андрей Козырев, который заявил, что Россия “должна сохранить свое военное присутствие в регионах, которые столетиями входили в сферу ее интересов”. И действительно, 8 апреля 1994 г. “Известия” сообщили, что России удалось сохранить не менее 28 военных баз на территории недавно обретших независимость государств и линия на карте, соединяющая российские военные группировки в Калининградской области, Молдове, Крыму, Армении, Таджикистане и на Курильских островах, почти совпадает с линией границы бывшего Советского Союза, как это видно из карты XV.

В сентябре 1995 года президент Ельцин издал официальный документ по политике России в отношении СНГ, в котором следующим образом классифицировались цели России:

Карта XV

“Главной задачей политики России по отношению к СНГ является создание экономически и политически интегрированного сообщества государств, которое будет способно претендовать на подобающее ему место в мировом сообществе... консолидация России в роли ведущей силы в формировании новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на постсоюзном пространстве”.

Следует отметить политический размах этого усилия, указание на отдельный субъект права, претендующий на “свое” место в мировой системе, и на доминирующую роль России внутри этого нового субъекта права. В соответствии с этим Москва настаивала на укреплении политических и военных связей между Россией и недавно возникшим СНГ: чтобы было создано единое военное командование, чтобы вооруженные силы государств СНГ были связаны офици-

альным договором, чтобы “внешние” границы СНГ находились под централизованным контролем (читай: контролем Москвы), чтобы российские войска играли решающую роль в любых миротворческих операциях внутри СНГ и чтобы была сформулирована общая внешняя политика стран СНГ, основные институты которого должны находиться в Москве (а не в Минске, как первоначально было решено в 1991 г.), при этом президент России должен председательствовать на проводимых СНГ встречах на высшем уровне.

И это еще не все. В документе от сентября 1995 года также заявлялось, что

“в странах “ближнего зарубежья” должно гарантироваться распространение программ российского телевидения и радио, должна оказываться поддержка распространению российских изданий в регионе и Россия должна готовить национальные кадры для стран СНГ.

Особое внимание должно быть уделено восстановлению позиций России в качестве главного образовательного центра на постсоветском пространстве, имея в виду необходимость воспитания молодого поколения в странах СНГ в духе дружеского отношения к России”.

Отражая подобные настроения, Государственная Дума России в начале 1996 года зашла настолько далеко, что объявила ликвидацию Советского Союза юридически недействительным шагом. Кроме того, весной того же года Россия подписала два соглашения, обеспечивающих более тесную экономическую и политическую интеграцию между Россией и наиболее сговорчивыми членами СНГ. Одно соглашение, подписанное с большой помпой и пышностью, предусматривало создание союза между Россией и Беларусью в рамках нового “Сообщества Суверенных Республик” (русское сокращение “ССР” многозначительно напоминало сокращенное название Советского Союза — “СССР”), а другое соглашение, подписанное Россией, Казахстаном, Беларусью и Кыргызстаном, обуславливало создание в перспективе “Сообщества Объединенных Государств”. Обе инициативы отражали недовольство медленными темпами объединения внутри СНГ и решимость России продолжать способствовать процессу объединения.

Таким образом, в акценте “ближнего зарубежья” на усиление центральных механизмов СНГ соединились некото-

рые элементы зависимости от объективного экономического детерминизма с довольно сильной субъективной имперской решимостью. Но ни то ни другое не дали более философского и к тому же геополитического ответа на все еще терзающий вопрос: “Что есть Россия, каковы ее настоящая миссия и законные границы?”

Это именно тот вакуум, который пыталась заполнить все более привлекательная доктрина евразийства с ее фокусом также на “ближнее зарубежье”. Отправной точкой этой ориентации, определенной в терминологии, связанной скорее с культурой и даже с мистикой, была предпосылка, что в геополитическом и культурном отношении Россия не совсем европейская и не совсем азиатская страна и поэтому явно представляет собой евразийское государство, что присуще только ей. Это — наследие уникального контроля России над огромной территорией между Центральной Европой и Тихим океаном, наследие империи, которую Москва создавала в течение четырех столетий своего продвижения на восток. В результате этого продвижения Россия ассимилировала многочисленные нерусские и неевропейские народы, приобретая этим единую политическую и культурную индивидуальность.

Евразийство как доктрина появилось не после распада Советского Союза. Впервые оно возникло в XIX веке, но стало более распространенным в XX столетии в качестве четко сформулированной альтернативы советскому коммунизму и в качестве реакции на якобы упадок Запада. Русские эмигранты особенно активно распространяли эту доктрину как альтернативу советскому пути, понимая, что национальное пробуждение нерусских народов в Советском Союзе требует всеобъемлющей наднациональной доктрины, чтобы окончательный крах коммунизма не привел также к распаду Великой Российской империи.

Уже в середине 20-х годов нынешнего столетия это было ясно сформулировано князем Н.С. Трубецким, ведущим выразителем идеи евразийства, который писал, что

“коммунизм на самом деле является искаженным вариантом европеизма в его разрушении духовных основ и национальной уникальности русского общества, в распространении в нем материалистических критериев, которые фактически правят и Европой, и Америкой...

Наша задача — создать полностью новую культуру, нашу собственную культуру, которая не будет походить на европейскую цивилизацию... когда Россия перестанет быть искаженным отражением европейской цивилизации... когда она снова станет самой собой: Россией-Евразией, сознательной наследницей и носительницей великого наследия Чингисхана”⁶.

Эта точка зрения нашла благодарную аудиторию в запутанной постсоветской обстановке. С одной стороны, коммунизм был заклеен как предательство русской православности и особой, мистической “русской идеи”, а с другой стороны — было отвергнуто западничество, поскольку Запад считался разложившимся, антирусским с точки зрения культуры и склонным отказать России в ее исторически и географически обоснованных притязаниях на эксклюзивный контроль над евразийскими пространствами.

Евразийству был придан академический лоск много и часто цитируемым Львом Гумилевым, историком, географом и этнографом, который в своих трудах “Средневековая Россия и Великая Степь”, “Ритмы Евразии” и “География этноса в исторический период” подвел мощную базу под утверждение, что Евразия является естественным географическим окружением для особого русского этноса, следствием исторического симбиоза русского и нерусских народов — обитателей степей, который в результате привел к возникновению уникальной евразийской культурной и духовной самобытности. Гумилев предупреждал, что адаптация к Западу грозит русскому народу потерей своих “этноса и души”.

Этим взглядам вторили, хотя и более примитивно, различные российские политики-националисты. Бывший вице-президент Александр Руцкой, например, утверждал, что “из геополитического положения нашей страны ясно, что Россия представляет собой единственный мостик между Азией и Европой. Кто станет хозяином этих пространств, тот станет хозяином мира”⁷. Соперник Ельцина по президентским выборам 1996 года коммунист Геннадий Зюганов,

⁶ N.S. Trybetzkoy. The Legacy of Genghis Khan // Cross Currents. — 1990. — No 9. — P. 68.

⁷ Interview with L'Espresso (Rome). — 1994. — July 15.

несмотря на свою приверженность марксизму-ленинизму, поддержал мистический акцент евразийства на особой духовной и миссионерской роли русского народа на обширных пространствах Евразии, доказывая, что России предоставлены таким образом как уникальная культурная роль, так и весьма выгодное географическое положение для того, чтобы играть руководящую роль в мире.

Более умеренный и прагматичный вариант евразийства был выдвинут и руководителем Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. Столкнувшись в своей стране с расколом между коренными казахами и русскими переселенцами, число которых почти одинаково, и стремясь найти формулу, которая могла бы как-нибудь ослабить давление Москвы, направленное на политическую интеграцию, Назарбаев выдвинул концепцию “Евразийского союза” в качестве альтернативы безликому и неэффективному СНГ. Хотя в его варианте отсутствовало мистическое содержание, свойственное более традиционному евразийскому мышлению, и явно не ставилась в основу особая миссионерская роль русских как лидеров Евразии, он был основан на той точке зрения, что Евразия — определяемая географически в границах, аналогичных границам Советского Союза, — представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и политическое измерение.

Попытка дать “ближнему зарубежью” наивысший приоритет в российском геополитическом мышлении была в некоторой степени оправдана в том плане, что некоторый порядок и примирение между постимперской Россией и недавно образовавшимися независимыми государствами были абсолютно необходимыми с точки зрения безопасности и экономики. Однако несколько сюрреалистический оттенок большей части этой дискуссии придали давнишние представления о том, что политическое “объединение” бывшей империи было некоторым образом желательным и осуществимым, будь оно добровольным (по экономическим соображениям) или следствием в конечном счете восстановления Россией утраченной мощи, не говоря уже об особой евразийской или славянской миссии России.

В этом отношении в часто проводимом сравнении с ЕС игнорируется ключевое различие: в ЕС, хотя в нем и наличествует особое влияние Германии, не доминирует какое-либо одно государство, которое в одиночку затмевало бы остальные члены ЕС, вместе взятые, по относительно

ВВП, численности населения или по территории. Не является ЕС также и наследником какой-то национальной империи, освободившиеся члены которой подозревали бы, что под “интеграцией” закодировано возрожденное подчинение. И даже в этом случае легко представить себе, какой была бы реакция европейских стран, если бы Германия официально заявила, что ее задача заключается в укреплении и расширении ее руководящей роли в ЕС, как это прозвучало в сентябре 1995 года в официальном заявлении России, цитировавшемся выше.

В аналогии с ЕС есть еще один недостаток. Открытые и относительно развитые экономические системы западноевропейских стран были готовы к демократической интеграции, и большинство западноевропейцев видели ощутимые экономические и политические выгоды в такой интеграции. Менее богатые страны Западной Европы также могли выиграть от значительных дотаций. В противоположность этому недавно обретшие независимость государства видели в России политически нестабильное государство, которое все еще лелеяло амбиции господствования, и препятствие с экономической точки зрения их участию в мировой экономике и доступу к крайне необходимым иностранным инвестициям.

Оппозиция идеям Москвы в отношении “интеграции” была особенно сильной на Украине. Ее лидеры быстро поняли, что такая “интеграция”, особенно в свете оговорок России в отношении законности независимости Украины, в конечном счете приведет к потере национального суверенитета. Кроме того, тяжелая рука России в обращении с новым украинским государством: ее нежелание признать границы Украины, ее сомнения в отношении права Украины на Крым, ее настойчивые притязания на исключительный экстерриториальный контроль над Севастополем – все это придало пробудившемуся украинскому национализму явную антирусскую направленность. В процессе самоопределения во время критической стадии формирования нового государства украинский народ, таким образом, переключился от традиционной антипольской или антирумынской позиции на противостояние любым предложениям России, направленным на большую интеграцию стран СНГ, на создание особого славянского сообщества (с Россией и Беларусью), или Евразийского союза, разоблачая их как имперские тактические приемы России.

Решимости Украины сохранить свою независимость способствовала поддержка извне. Несмотря на то что первоначально Запад, и особенно Соединенные Штаты, запоздал признать важное с точки зрения геополитики значение существования самостоятельного украинского государства, к середине 90-х годов и США, и Германия стали твердыми сторонниками самостоятельности Киева. В июле 1996 года министр обороны США заявил: “Я не могу переоценить значения существования Украины как самостоятельного государства для безопасности и стабильности всей Европы”, а в сентябре того же года канцлер Германии, невзирая на его мощную поддержку президента Ельцина, пошел еще дальше, сказав, что “прочное место Украины в Европе не может больше кем-либо подвергаться сомнению... Больше никто не сможет оспаривать независимость и территориальную целостность Украины”. Лица, формулирующие политику США, также начали называть американо-украинские отношения “стратегическим партнерством”, сознательно используя то же выражение, которое определяло американо-российские отношения.

Как уже отмечалось, без Украины реставрация империи, будь то на основе СНГ или на базе евразийства, стала бы нежизнеспособным делом. Империя без Украины будет в конечном счете означать, что Россия станет более “азиатским” и более далеким от Европы государством. Кроме того, идея евразийства оказалась также не очень привлекательной для граждан только что образовавшихся независимых государств Средней Азии, лишь некоторые из которых желали бы нового союза с Москвой. Узбекистан проявил особую настойчивость, поддерживая противодействие Украины любым преобразованиям СНГ в наднациональное образование и противясь инициативам России, направленным на усиление СНГ.

Прочие члены СНГ также настороженно относятся к намерениям Москвы, проявляя тенденцию сгруппироваться вокруг Украины и Узбекистана, чтобы оказать противодействие или избежать давления Москвы, направленного на более тесную политическую и военную интеграцию. Кроме того, почти во всех недавно образовавшихся государствах углублялось чувство национального сознания, центром внимания которого все больше становится заклеивание подчинения в прошлом как колониализма и искоренение всевозможного наследия той эпохи. Таким образом, даже уяз-

вимый с этнической точки зрения Казахстан присоединился к государствам Средней Азии в отказе от кириллицы и замене ее латинским алфавитом, как это ранее сделала Турция. В сущности, для препятствования попыткам России использовать СНГ как инструмент политической интеграции к середине 90-х годов неофициально сформировался скрыто возглавляемый Украиной блок, включающий Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан и иногда Казахстан, Грузию и Молдову.

Настойчивость Украины в отношении лишь ограниченной и главным образом экономической интеграции лишила понятие “Славянский союз” какого-либо практического смысла. Распространяемая некоторыми славянофилами и получившая известность благодаря поддержке Александра Солженицына идея автоматически потеряла геополитический смысл, как только была отвергнута Украиной. Это оставило Беларусь наедине с Россией; и это также подразумевало возможное разделение Казахстана, поскольку заселенные русскими его северные районы могли потенциально стать частью этого союза. Такой вариант, естественно, не устраивал новых руководителей Казахстана и просто усилил антирусскую направленность казахского национализма. Для Беларуси “Славянский союз” без Украины означал не что иное, как включение в состав России, что также разожгло недовольство националистов.

Внешние препятствия на пути политики в отношении “ближнего зарубежья” были в значительной степени усилены важным внутренним ограничивающим фактором: настроениями русского народа. Несмотря на риторику и возбуждение политической элиты по поводу особой миссии России на территории бывшей империи, русский народ – частично от явной усталости, но и из здравого смысла – проявил мало энтузиазма по отношению к честолюбивым программам реставрации империи.

Русские одобряли открытые границы, свободу торговли, свободу передвижения и особый статус русского языка, но политическая интеграция, особенно если она была связана с затратами или требовала проливать кровь, вызывала мало энтузиазма. О распаде Союза сожалели, к его восстановлению относились благосклонно, но реакция общественности на войну в Чечне показала, что любая политика, связанная с применением чего-то большего, чем экономические рычаги и/или политическое давление, поддержки народа не получит.

Короче говоря, геополитическая несостоятельность приоритета ориентации на “ближнее зарубежье” заключалась в том, что Россия была недостаточно сильной политически, чтобы навязывать свою волю, и недостаточно привлекательной экономически, чтобы соблазнить новые государства. Давление со стороны России просто заставило их искать больше связей за рубежом, в первую очередь с Западом, в некоторых случаях также с Китаем и исламскими государствами на юге. Когда Россия пригрозила создать свой военный блок в ответ на расширение НАТО, она задавала себе болезненный вопрос: “С кем?” И получила еще более болезненный ответ: самое большее — с Беларусью и Таджикистаном.

Новые государства, если хотите, были все больше склонны не доверять даже вполне оправданным и необходимым формам экономической интеграции с Россией, боясь возможных политических последствий. В то же время идеи о якобы присущей России евразийской миссии и о славянской загадочности только еще больше изолировали Россию от Европы и в целом от Запада, продлив таким образом постсоветский кризис и задержав необходимую модернизацию и вестернизацию российского общества по тому принципу, как это сделал Кемаль Ататюрк в Турции после распада Оттоманской империи. Таким образом, акцент на “ближнее зарубежье” стал для России не геополитическим решением, а геополитическим заблуждением.

Если не кондоминиум с США и не “ближнее зарубежье”, тогда какие еще геостратегические варианты имелись у России? Неудачная попытка ориентации на Запад для достижения желательного глобального равенства “демократической России” с США, что больше являлось лозунгом, нежели реальией, вызвала разочарование среди демократов, тогда как вынужденное признание, что “реинтеграция” старой империи была в лучшем случае отдаленной перспективой, соблазнило некоторых российских геополитиков поиграть с идеей некоего контральянса, направленного против гегемонии США в Евразии.

В начале 1996 года президент Ельцин заменил своего ориентированного на Запад министра иностранных дел Козырева более опытным, но ортодоксальным Евгением Примаковым, специалистом по бывшему Коминтерну, давним интересом которого были Иран и Китай. Некоторые российские обозреватели делали предположения, что ори-

ентация Примакова может ускорить попытки создания новой “антигегемонистской” коалиции, сформированной вокруг этих трех стран с огромной геополитической ставкой на ограничение преобладающего влияния США в Евразии. Некоторые первые поездки и комментарии Примакова усилили такое впечатление. Кроме того, существующие связи между Китаем и Ираном в области торговли оружием, а также склонность России помочь Ирану в его попытках получить больший доступ к атомной энергии, казалось, обеспечивали прекрасные возможности для более тесного политического диалога и создания в конечном счете альянса. Результат мог, по крайней мере теоретически, свести вместе ведущее славянское государство мира, наиболее воинственное в мире исламское государство и самое крупное в мире по численности населения и сильное азиатское государство, создав таким образом мощную коалицию.

Необходимой отправной точкой для любого такого контр-альянса было возобновление двусторонних китайско-российских отношений на основе недовольства политической элиты обоих государств тем, что США стали единственной сверхдержавой. В начале 1996 года Ельцин побывал с визитом в Пекине и подписал декларацию, которая недвусмысленно осуждала глобальные “гегемонистские” тенденции, что, таким образом, подразумевало, что Россия и Китай вступят в союз против Соединенных Штатов. В декабре 1996 года премьер-министр Китая Ли Пен нанес ответный визит, и обе стороны не только снова подтвердили, что они против международной системы, в которой “доминирует одно государство”, но также одобрили усиление существующих альянсов. Российские обозреватели приветствовали такое развитие событий, рассматривая его как положительный сдвиг в глобальном соотношении сил и как надлежащий ответ на поддержку Соединенными Штатами расширения НАТО. Некоторые даже ликовали, что российско-китайский альянс будет для США отповедью, которую они заслужили.

Однако коалиция России одновременно с Китаем и Ираном может возникнуть только в том случае, если Соединенные Штаты окажутся настолько недалёковидными, чтобы вызвать антагонизм в Китае и Иране одновременно. Безусловно, такая возможность не исключена, и действия США в 1995—1996 годах почти оправдывали мнение, что Соединенные Штаты стремятся вступить в антагонистические от-

ношения и с Тегераном, и с Пекином. Однако ни Иран, ни Китай не были готовы связать стратегически свою судьбу с нестабильной и слабой Россией. Оба государства понимали, что любая подобная коалиция, как только она выйдет за рамки некоторой преследующей определенную цель тактической оркестровки, может поставить под угрозу их выход на более развитые государства с их исключительными возможностями по инвестициям и столь необходимыми передовыми технологиями. Россия могла предложить слишком мало, чтобы быть по-настоящему достойным партнером по коалиции антигегемонистской направленности.

Лишенная общей идеологии и объединенная лишь “антигегемонистскими” чувствами, подобная коалиция будет по существу альянсом части стран “третьего мира” против наиболее развитых государств. Ни один из членов такой коалиции не добьется многого, а Китай в особенности рискует потерять огромный приток инвестиций. Для России — аналогично — “призрак российско-китайского альянса... резко увеличит шансы, что она снова окажется почти отрезанной от западной технологии и капиталов”⁸, как заметил один критически настроенный российский геополитик. Такой союз в конечном счете обречет всех его участников, будь их два или три, на длительную изоляцию и общую для них отсталость.

Кроме того, Китай окажется старшим партнером в любой серьезной попытке России создать подобную “антигегемонистскую” коалицию. Имеющий большую численность населения, более развитый в промышленном отношении, более новаторский, более динамичный и потенциально вынашивающий определенные территориальные планы в отношении России Китай неизбежно присвоит ей статус младшего партнера, одновременно испытывая нехватку средств (а возможно, и нежелание) для помощи России в преодолении ее отсталости. Россия, таким образом, станет буфером между расширяющейся Европой и экспансионистским Китаем.

И наконец, некоторые российские эксперты по международным делам продолжали лелеять надежду, что патовое состояние в интеграции Европы, включая, возможно, внут-

⁸ Богатуров А. Современные отношения и перспективы взаимодействия России и Соединенных Штатов // Независимая газета. — 1996. — 28 июня.

ренние разногласия стран Запада по будущей модели НАТО, смогут в конечном счете привести к появлению по меньшей мере тактических возможностей для “флирта” России с Германией или Францией, но в любом случае без ущерба для трансатлантических связей Европы с США. Такая перспектива вряд ли была чем-то новым, поскольку на протяжении всего периода холодной войны Москва периодически пыталась разыграть германскую или французскую карту. Тем не менее некоторые геополитики в Москве считали обоснованным рассчитывать на то, что патовое положение в европейских делах может создать благоприятные тактические условия, которые можно использовать во вред США.

Но это почти все, чего можно достичь: чисто тактические варианты. Маловероятно, что Германия или Франция откажутся от связей с США. Преследующий определенные цели “флирт”, особенно с Францией, по какому-нибудь узкому вопросу не исключен, но геополитическому изменению структуры альянсов должны предшествовать массивный переворот в европейских делах, провал объединения Европы и разрыв трансатлантических связей. Но даже тогда маловероятно, что европейские государства выскажут намерение вступить в действительно всеобъемлющий геостратегический союз с потерявшей курс Россией.

Таким образом, ни один из вариантов контральянса не является при ближайшем рассмотрении жизнеспособной альтернативой. Решение новой геополитической дилеммы России не может быть найдено ни в контральянсе, ни в иллюзии равноправного стратегического партнерства с США, ни в попытках создать какое-либо новое политическое или экономическое “интегрированное” образование на пространствах бывшего Советского Союза. Во всех них не учитывается единственный выход, который на самом деле имеется у России.

ДИЛЕММА ЕДИНСТВЕННОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, — это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа,

а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО. Такая Европа, как мы видели в главе 3, принимает осязаемую форму и, кроме того, она, вероятно, будет по-прежнему тесно связана с Америкой. Вот с такой Европой России придется иметь отношения в том случае, если она хочет избежать опасной геополитической изоляции.

Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом. Более вероятна ситуация, при которой Россия станет проблемой, если Америка не разработает позицию, с помощью которой ей удастся убедить русских, что наилучший выбор для их страны — это усиление органических связей с трансатлантической Европой. Хотя долгосрочный российско-китайский и российско-иранский стратегический союз маловероятен, для Америки весьма важно избегать политики, которая могла бы отвлечь внимание России от нужного геополитического выбора. Поэтому, насколько это возможно, отношения Америки с Китаем и Ираном следует формулировать также с учетом их влияния на геополитические расчеты русских. Сохранение иллюзий о великих геостратегических вариантах может лишь отсрочить исторический выбор, который должна сделать Россия, чтобы избавиться от тяжелого заболевания.

Только Россия, желающая принять новые реальности Европы как в экономическом, так и в геополитическом плане, сможет извлечь международные преимущества из расширяющегося трансконтинентального европейского сотрудничества в области торговли, коммуникаций, капиталовложений и образования. Поэтому участие России в Европейском Союзе — это шаг в весьма правильном направлении. Он является предвестником дополнительных институциональных связей между новой Россией и расширяющейся Европой. Он также означает, что в случае избрания Россией этого пути у нее уже не будет другого выбора, кроме как в конечном счете следовать курсом, избранным пост-Оттоманской Турцией, когда она решила отказаться от своих имперских амбиций и вступила, тщательно все взвесив, на путь модернизации, европеизации и демократизации.

Никакой другой выбор не может открыть перед Россией таких преимуществ, как современная, богатая и демократическая Европа, связанная с Америкой. Европа и Америка не представляют никакой угрозы для России, являющейся неэкспансионистским национальным и демократическим го-

сударством. Они не имеют никаких территориальных притязаний к России, которые могут в один прекрасный день возникнуть у Китая. Они также не имеют с Россией ненадежных и потенциально взрывоопасных границ, как, несомненно, обстоит дело с неясной с этнической и территориальной точек зрения границей России с мусульманскими государствами к югу. Напротив, как для Европы, так и для Америки национальная и демократическая Россия является желательным с геополитической точки зрения субъектом, источником стабильности в изменчивом евразийском комплексе.

Следовательно, Россия стоит перед дилеммой: выбор в пользу Европы и Америки в целях получения ощутимых преимуществ требует в первую очередь четкого отречения от имперского прошлого и во вторую — никакой двусмысленности в отношении расширяющихся связей Европы в области политики и безопасности с Америкой. Первое требование означает согласие с геополитическим плюрализмом, который получил распространение на территории бывшего Советского Союза. Такое согласие не исключает экономического сотрудничества предпочтительно на основе модели старой европейской зоны свободной торговли, однако оно не может включать ограничение политического суверенитета новых государств по той простой причине, что они не желают этого. В этом отношении наиболее важное значение имеет необходимость ясного и недвусмысленного признания Россией отдельного существования Украины, ее границ и ее национальной самобытности.

Со вторым требованием, возможно, будет еще труднее согласиться. Подлинные отношения сотрудничества с трансатлантическим сообществом нельзя основывать на том принципе, что по желанию России можно отказать тем демократическим государствам Европы, которые хотят стать ее составной частью. Нельзя проявлять поспешность в деле расширения этого сообщества, и, конечно же, не следует способствовать этому, используя антироссийскую тему. Однако этот процесс не может, да и не должен быть прекращен с помощью политического указа, который сам по себе отражает устаревшее понятие о европейских отношениях в сфере безопасности. Процесс расширения и демократизации Европы должен быть бессрочным историческим процессом, не подверженным произвольным с политической точки зрения географическим ограничениям.

Для многих русских дилемма этой единственной альтернативы может оказаться сначала и в течение некоторого времени в будущем слишком трудной, чтобы ее разрешить. Для этого потребуются огромный акт политической воли, а также, возможно, и выдающийся лидер, способный сделать этот выбор и сформулировать видение демократической, национальной, подлинно современной и европейской России. Это вряд ли произойдет в ближайшем будущем. Для преодоления посткоммунистического и постимперского кризисов потребуются не только больше времени, чем в случае с посткоммунистической трансформацией Центральной Европы, но и появление дальновидного и стабильного руководства. В настоящее время на горизонте не видно никакого русского Ататюрка. Тем не менее русским в итоге придется признать, что национальная редефиниция России является не актом капитуляции, а актом освобождения⁹. Им придется согласиться с тем, что высказывания Ельцина в Киеве в 1990 году о неимперском будущем России абсолютно уместны. И подлинно неимперская Россия останется великой державой, соединяющей Евразию, которая по-прежнему является самой крупной территориальной единицей в мире.

Во всяком случае, процесс редефиниции “Что такое Россия и где находится Россия” будет, вероятно, происходить только постепенно, и для этого Запад должен будет занять мудрую и твердую позицию. Америке и Европе придется ей помочь. Им следует предложить России не только заключить специальный договор или хартию с НАТО, но и начать вместе с Россией процесс изучения будущей формы возможной трансконтинентальной системы безопасности и сотрудничества, которая в значительной степени выходит за рамки расплывчатой структуры Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). И если Россия укрепит свои внутренние демократические институты и добьется ощутимого прогресса в развитии свободной рыночной экономики, тогда не следует исключать возможности ее еще более тесного сотрудничества с НАТО и ЕС.

В то же самое время для Запада и особенно для Америки также важно проводить линию на увековечивание дилеммы

⁹ В начале 1996 года генерал Александр Лебедь опубликовал замечательную статью “Исчезающая империя, или Возрождение России” (Сегодня. — 1996. — 26 апр.), для доказательства правильности которой потребовалось много времени.

единственной альтернативы для России. Политическая и экономическая стабилизация постсоветских государств является главным фактором, чтобы сделать историческую самопереоценку России необходимостью. Следовательно, оказание поддержки новым государствам — для обеспечения геополитического плюрализма в рамках бывшей советской империи — должно стать составной частью политики, нацеленной на то, чтобы побудить Россию сделать ясный выбор в пользу Европы. Среди этих государств три страны имеют особо важное значение: Азербайджан, Узбекистан и Украина.

Независимый Азербайджан может стать коридором для доступа Запада к богатому энергетическими ресурсами бассейну Каспийского моря и Средней Азии. И наоборот, подчиненный Азербайджан означал бы возможность изоляции Средней Азии от внешнего мира и политическую уязвимость при оказании Россией давления в целях реинтеграции. Узбекистан, который с национальной точки зрения является наиболее важной и самой густонаселенной страной Средней Азии, является главным препятствием для возобновления контроля России над регионом. Независимость Узбекистана имеет решающее значение для выживания других государств Средней Азии, а кроме того, он наименее уязвим для давления со стороны России.

Однако более важное значение имеет Украина. В связи с расширением ЕС и НАТО Украина сможет в конечном счете решить, желает ли она стать частью той или другой организации. Вероятно, для усиления своего особого статуса Украина захочет вступить в обе организации, поскольку они граничат с Украиной и поскольку вследствие происходящих на Украине внутренних перемен она получает право на членство в этих организациях. Хотя для этого потребуются определенное время, Западу не слишком рано — занимаясь дальнейшим укреплением связей в области экономики и безопасности с Киевом — приступить к указанию на десятилетний период 2005—2015 годов как на приемлемый срок инициации постепенного включения Украины, вследствие чего уменьшится риск возможного возникновения у украинцев опасений относительно того, что расширение Европы остановится на польско-украинской границе.

Несмотря на протесты, Россия, вероятно, молча согласится с расширением НАТО в 1999 году и на включение в него ряда стран Центральной Европы в связи со значитель-

ным расширением культурного и социального разрыва между Россией и странами Центральной Европы со времени падения коммунизма. И напротив, России будет несравнимо труднее согласиться со вступлением Украины в НАТО, поскольку ее согласие означало бы признание ею того факта, что судьба Украины больше органически не связана с судьбой России. Однако, если Украина хочет сохранить свою независимость, ей придется стать частью Центральной Европы, а не Евразии, и если она хочет стать частью Центральной Европы, ей придется сполна участвовать в связях Центральной Европы с НАТО и Европейским Союзом. Принятие Россией этих связей тогда определило бы собственное решение России также стать законной частью Европы. Отказ же России стал бы равносильным отказу от Европы в пользу обособленной “евразийской” самостоятельности и обособленного существования.

Главный момент, который необходимо иметь в виду, следующий: Россия не может быть в Европе без Украины, также входящей в состав Европы, в то время как Украина может быть в Европе без России, входящей в состав Европы. Если предположить, что Россия принимает решение связать свою судьбу с Европой, то из этого следует, что в итоге включение Украины в расширяющиеся европейские структуры отвечает собственным интересам России. И действительно, отношение Украины к Европе могло бы стать поворотным пунктом для самой России. Однако это также означает, что определение момента взаимоотношений России с Европой — по-прежнему дело будущего (“определение” в том смысле, что выбор Украины в пользу Европы поставит во главу угла принятие Россией решения относительно следующего этапа ее исторического развития: стать либо также частью Европы, либо евразийским изгоем, т.е. по-настоящему не принадлежать ни к Европе, ни к Азии и завязнуть в конфликтах со странами “ближнего зарубежья”).

Следует надеяться на то, что отношения сотрудничества между расширяющейся Европой и Россией могут перерасти из официальных двусторонних связей в более органичные и обязывающие связи в области экономики, политики и безопасности. Таким образом, в течение первых двух десятилетий следующего века Россия могла бы все более активно интегрироваться в Европу, не только охватывающую Украину, но и достигающую Урала и даже простирающуюся даль-

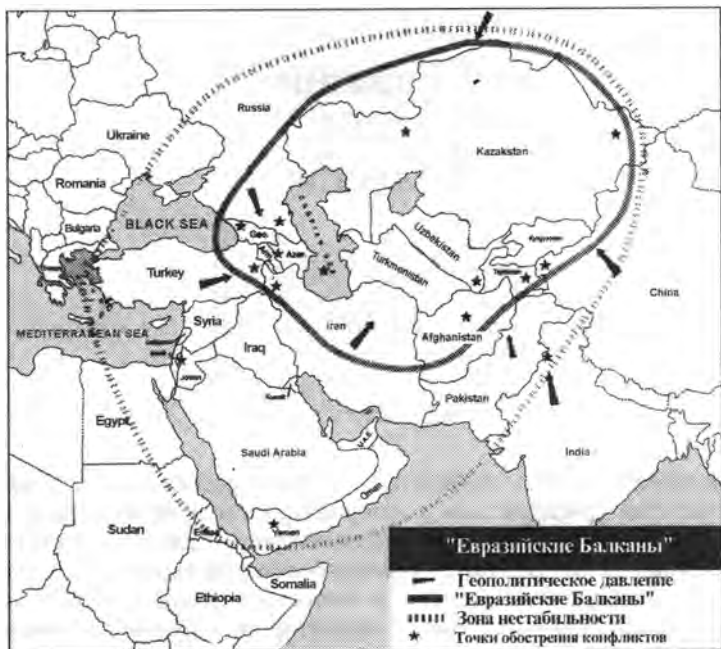
ше за его пределы. Присоединение России к европейским и трансатлантическим структурам и даже определенная форма членства в них открыли бы, в свою очередь, двери в них для трех закавказских стран — Грузии, Армении и Азербайджана, — так отчаянно домогающихся присоединения к Европе.

Нельзя предсказать, насколько быстро может пойти этот процесс, однако ясно одно: процесс пойдет быстрее, если геополитическая ситуация оформится и будет стимулировать продвижение России в этом направлении, исключая другие соблазны. И чем быстрее Россия будет двигаться в направлении Европы, тем быстрее общество, все больше приобщающееся к принципам современности и демократии, заполнит “черную дыру” в Евразии. И действительно, для России дилемма единственной альтернативы больше не является вопросом геополитического выбора. Это вопрос насущных потребностей выживания.

“Евразий-
ские
Балканы”

В ЕВРОПЕ СЛОВО “БАЛКАНЫ” вызывает ассоциации с этническими конфликтами и соперничеством великих держав в этом регионе. Евразия также имеет свои “Балканы”, однако “Евразийские Балканы” гораздо больше по своим размерам, еще более густо населены и этнически неоднородны. Они расположены на огромной территории, которая разграничивает центральную зону глобальной нестабильности, о чем говорилось в главе 2, и включает районы Юго-Восточной Европы, Средней Азии и части Южной Азии, района Персидского залива и Ближнего Востока.

“Евразийские Балканы” составляют внутреннее ядро огромной территории, имеющей удлинненную форму (см. карту XVI), и имеют весьма серьезное отличие от внешней окружающей зоны: они представляют собой силовой вакуум. Хотя в большинстве государств, расположенных в районе Персидского залива и Ближнего Востока, отсутствует стабильность, последним арбитром в этом регионе является американская сила. Нестабильный регион внешней зоны является, таким образом, районом гегемонии единственной силы и сдерживается этой гегемонией. Напротив, “Евразийские Балканы” действительно напоминают более старые, более знакомые Балканы в Юго-Восточной Европе: в политических субъектах не только наблюдается нестабильная ситуация, но они также являются соблазном для вмешательства со стороны более мощных соседей, каждый из которых полон решимости оказать сопротивление доминирующей роли другого соседа в регионе. Именно это знакомое соче-

Карта XVI

тание вакуума силы и всасывания силы и оправдывает термин “Евразийские Балканы”.

Традиционные Балканы представляли собой потенциальный геополитический объект притязаний в борьбе за европейское господство. “Евразийские Балканы”, расположенные по обе стороны неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке, также имеют важное значение с геополитической точки зрения. Более того, “Евразийские Балканы” имеют важное значение с точки зрения исторических амбиций и амбиций безопасности, по крайней мере, трех самых непосредственных и наиболее мощных соседей, а именно России, Турции и Ирана, причем Китай также дает знать о своем возрастающем политическом интересе к региону. Однако “Евразийские Балканы” гораздо более важны как потенци-

альный экономический выигрыш: в регионе помимо важных полезных ископаемых, включая золото, сосредоточены огромные запасы природного газа и нефти.

В течение следующих двух-трех десятилетий мировое потребление энергии должно значительно возрасти. По оценкам Министерства энергетики США, мировой спрос возрастет более чем на 50% в период между 1993 и 2015 годами, причем наиболее значительный рост потребления будет иметь место на Дальнем Востоке. Толчок в экономическом развитии Азии уже порождает огромное давление в плане изучения и эксплуатации новых источников энергии, а, как известно, в недрах региона Центральной Азии и бассейна Каспийского моря хранятся запасы природного газа и нефти, превосходящие такие же месторождения Кувейта, Мексиканского залива и Северного моря.

В связи с доступом к этим ресурсам и участием в потенциальных богатствах этого региона возникают цели, которые возбуждают национальные амбиции, мотивируют корпоративные интересы, вновь разжигают исторические претензии, возрождают имперские чаяния и подогревают международное соперничество. Ситуация характеризуется еще большим непостоянством вследствие того, что регион не только является вакуумом силы, но и отличается внутренней нестабильностью. Каждая из стран страдает от серьезных внутренних проблем. Все они имеют границы, которые являются либо объектом претензий соседей либо зонами этнических обид, немногие из них являются однородными с национальной точки зрения, а некоторые уже вовлечены в территориальные, этнические и религиозные беспорядки.

КОТЕЛ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

“Евразийские Балканы” включают девять стран, которые в той или иной мере соответствуют вышеприведенному описанию, причем еще две страны являются потенциальными кандидатами. К числу этих девяти стран принадлежат Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Армения и Грузия (прежде все они входили в состав бывшего Советского Союза), а также Афганистан. Потенциальными кандидатами для включения в этот список являются Турция и Иран. Обе страны гораздо

более жизнеспособны по сравнению с другими с политической и экономической точек зрения, обе активно борются за региональное влияние на “Евразийских Балканах” и поэтому являются важными геостратегическими игроками в этом регионе. В то же время обе страны потенциально уязвимы с точки зрения внутренних этнических конфликтов. Если произойдет дестабилизация обстановки в любой из них или в обеих сразу, внутренние проблемы региона могут выйти из-под контроля, а усилия по восстановлению господства России в регионе даже оказаться бесполезными.

Про три закавказских государства — Армению, Грузию и Азербайджан — можно сказать, что они образованы на основе подлинно исторически сложившихся наций. В результате их национализм имеет тенденцию как к распространению, так и к усилению, а внешние конфликты могли бы стать ключевой проблемой для их благополучия. Напротив, пять новых государств Средней Азии скорее находятся на этапе создания нации, причем в них по-прежнему сильны настроения, связанные с племенной и этнической принадлежностью, вследствие чего главной проблемой становятся внутренние противоречия. В государстве любого типа эти уязвимые моменты могут использоваться более сильными и имеющими имперские амбиции соседями.

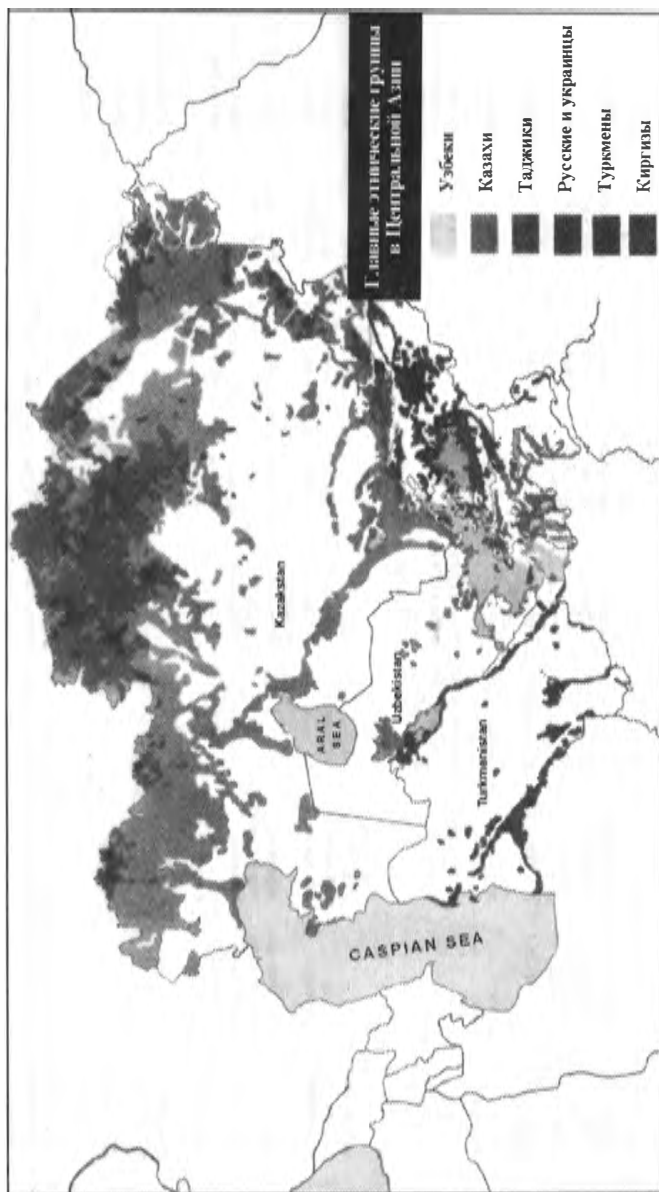
“Евразийские Балканы” являются с этнической точки зрения мозаикой (смотри табл. на стр. 153 и карту XVII). Границы этих государств были произвольно обозначены советскими картографами в 20-х и 30-х годах, когда официально создавались соответствующие советские республики. (Афганистан, никогда не входивший в состав Советского Союза, является исключением.) Границы этих государств были отмечены в основном в соответствии с этническим принципом, но они также отражали интерес Кремля в сохранении внутренних разногласий и таким образом большей подчиненности южного региона Российской империи.

Соответственно Москва отклонила предложения националистов Средней Азии объявить об объединении разных народов Средней Азии (большая часть которых все еще не имела националистической мотивировки) в единое политическое целое, например “Туркестан”. Вместо этого она предпочла создать пять самостоятельных “республик”, каждая из которых имела новое отличительное название и ажурные границы. Вероятно, руководствуясь аналогичными расчетами, Кремль отказался от планов создания единой

Население	Афганистан	Армения	Азербайджан	Грузия	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
(в млн., 1995 г.)	21,3	3,6	7,8	5,7	17,4	4,8	6,2	4,1	23,1
Средняя продолжительность жизни	45,4	72,4	71,1	73,1	68,3	68,1	69,0	65,4	68,8
Национальности (1995 г.)	пуштуны (38%) таджики (25%) хазарейцы (19%) узбеки (6%)	армяне (93%) азербайджанцы (3%) русские (2%) другие (2%)	азербайджанцы (90%) дагестанцы (3,2%) русские (2,5%) армяне (2,3%) другие (2%)	грузины (70,1%) армяне (8,1%) русские (6,3%) азербайджанцы (5,7%) осетины (3%) абхазцы (1,8%) другие (5%)	казахи (41,9%) русские (37%) украинцы (5,2%) немцы (4,7%) узбеки (2,1%) татары (2%) другие (7%)	кыргызы (52,4%) русские (21,5%) узбеки (12,9%) украинцы (2,5%) немцы (2,5%) узбеки (2,4%) другие (8,3%)	таджики (64,9%) узбеки (25%) русские (3,5%) другие (6,6%)	туркмены (73,3%) русские (9,8%) узбеки (9%) казахи (2%) другие (5,9%)	узбеки (71,4%) русские (8,3%) таджики (4,7%) казахи (4,1%) татары (2,4%) каракалпаки (2,1%) другие (7%)
ВВП (в млрд. долл.)*	данных нет	8,1	13,8	6,0	55,2	8,4	8,5	13,1	54,5
Главные статьи экспорта	пшеница домашнего скота фрукты ковры	золото алюминий транспортные средства электрооборудование рудование	нефть, газ химикалии нефтяное оборудование текстиль хлопок	цитрусовые чай вина машинное оборудование черные металлы цветные металлы	нефть черные металлы цветные металлы зерно шерсть мясо	шерсть химикалии хлопок металлы черные металлы металлы обувь машинное оборудование табак	хлопок алюминий фрукты растительное масло текстиль	природный газ хлопок хлопок** нефтепродукты** электроэнергия текстиль ковры	хлопок золото природный газ нефть газ минеральные удобрения искусственные металлы текстиль продукты

* Паритет покупательной силы экстраполирован на основе оценок МБРР за 1992 год.

** Туркменистан является десятым в мире крупнейшим производителем хлопка, занимает пятое место в мире по запасам природного газа и обладает значительными запасами нефти

Карта XVII

Кавказской федерации. Поэтому неудивительно, что после падения Советского Союза ни одно из трех государств Кавказа и ни одно из пяти государств Средней Азии не были полностью готовы к принятию нового независимого статуса, а также к развитию необходимого регионального сотрудничества.

На Кавказе население Армении, составляющее менее 4 млн. человек, и население Азербайджана, составляющее более 8 млн. человек, сразу же вступили в открытую войну из-за статуса Нагорного Карабаха, находящегося на территории Азербайджана анклава, населенного в основном армянами. В результате конфликта возникли широкомасштабные этнические чистки, причем сотни тысяч беженцев и высланных из страны лиц разбежались в разных направлениях. Учитывая тот факт, что армяне являются христианами, а азербайджанцы — мусульманами, конфликт имел религиозную окраску. Губительная для экономики война в еще большей степени затруднила становление этих стран как крепких независимых государств. Армения была вынуждена полагаться больше на Россию, оказывавшую ей значительную военную помощь в то время, как за свою независимость и внутреннюю стабильность Армения могла поплатиться потерей Нагорного Карабаха.

Уязвимость Азербайджана чревата более значительными последствиями для региона, поскольку вследствие своего местоположения страна является геополитической точкой опоры. Азербайджан можно назвать жизненно важной “пробкой”, контролирующей доступ к “бутылке” с богатствами бассейна Каспийского моря и Средней Азии. Независимый тюркоязычный Азербайджан, по территории которого проходят нефтепроводы и далее тянутся на территорию этнически родственной и оказывающей ей политическую помощь Турции, помешал бы России осуществлять монополию на доступ к региону и таким образом лишил бы ее главного политического рычага влияния на политику новых государств Средней Азии. И все же Азербайджан весьма уязвим для давления со стороны могущественной России с севера и Ирана с юга. На северо-западе Ирана проживает в 2 раза больше азербайджанцев (по некоторым оценкам, около 20 млн. человек), чем на самой территории Азербайджана. Это заставляет Иран бояться потенциального сепаратизма среди проживающих на его территории азербайджанцев, и поэтому в Иране сложилось двойственное

отношение к суверенному статусу Азербайджана, несмотря на то что обе нации являются мусульманскими. В силу этого Азербайджан стал объектом давления со стороны как России, так и Ирана в целях ограничения его деловых отношений с Западом.

В отличие от Армении и от Азербайджана (оба государства достаточно однородны с этнической точки зрения), около 30% 6-миллионного населения Грузии являются меньшинствами. Более того, эти небольшие сообщества, скорее похожие на племена по своей организации и идентичности, резко возмущались господством грузин. После распада Советского Союза осетины и абхазцы воспользовались внутренней политической борьбой в Грузии, чтобы попытаться выйти из состава государства, что Россия исподтишка поддерживала с целью заставить Грузию уступить давлению России и остаться в составе СНГ (сначала Грузия хотела полностью выйти из ее состава), а также разрешить оставить российские военные базы на территории Грузии и таким образом закрыть доступ Турции к Грузии.

В Средней Азии внутренние факторы сыграли более значительную роль в создании нестабильности. С точки зрения культуры и лингвистики четыре из пяти новых независимых государств Средней Азии являются частью тюркоязычного мира. С лингвистической и культурной точек зрения в Таджикистане преобладают персы, в то время как для Афганистана (за пределами бывшего Советского Союза) характерна такая этническая мозаика, как патоны, таджики, пуштуны и персы. Все шесть стран являются мусульманскими. Долгое время многие из них находились под переходящим влиянием Персии, Турции и Российской империи, однако этот опыт не укрепил в них дух общих региональных интересов. Напротив, вследствие разного этнического состава они уязвимы для внутренних и внешних конфликтов, что в совокупности делает их привлекательными для вмешательства со стороны более могущественных соседей.

Из пяти новых независимых государств Средней Азии Казахстан и Узбекистан играют самую важную роль. Казахстан является в регионе щитом, а Узбекистан — душой пробуждающихся разнообразных национальных чувств. Благодаря своим географическим масштабам и местоположению Казахстан защищает другие страны от прямого физического давления со стороны России, поскольку только он граничит с Россией. Однако, что касается населения

Казахстана, составляющего примерно 18 млн. человек, приблизительно 35% приходится на долю русских (численность русского населения в стране постепенно сокращается) и 20% — на казахов. Вследствие этого новым казахским правителям было гораздо труднее — сами они все больше склоняются на позиции национализма, однако представляют лишь около половины общего населения страны — проводить в жизнь политику создания нации на этнической и языковой основе.

Проживающие в новом государстве русские, естественно, обижаются на новое казахское руководство, а поскольку они принадлежат к бывшему правящему колониальному классу и поэтому лучше образованы, занимают лучшее положение в обществе, то боятся лишиться своих привилегий. Более того, они склонны рассматривать новый казахский национализм с едва скрываемым культурным презрением. В связи с тем что в северо-западных и северо-восточных регионах Казахстана в значительной степени доминируют русские колонисты, Казахстан может столкнуться с опасностью территориального отделения, если в отношениях между Казахстаном и Россией будут наблюдаться серьезные ухудшения. В то же самое время несколько сотен тысяч казахов проживают на российской стороне государственной границы и в северо-восточном Узбекистане, в государстве, которое казахи считают своим главным соперником в борьбе за лидерство в Средней Азии.

Фактически Узбекистан является главным кандидатом на роль регионального лидера в Средней Азии. Хотя Узбекистан меньше по размерам своей территории и не так богат природными ресурсами, как Казахстан, он имеет более многочисленное (около 25 млн. человек) и, что гораздо важнее, значительно более однородное население, чем в Казахстане. Учитывая более высокие темпы рождаемости узбеков и постепенный исход из страны ранее занимавших доминирующее положение русских, скоро около 75% населения страны станет узбекским, причем останется там жить лишь незначительное русское меньшинство (главным образом в столице страны, в Ташкенте).

Более того, политическая элита страны умышленно называет новое государство прямым потомком огромной средневековой империи Тамерлана (1336—1404 гг.), столица которого Самарканд стала известным региональным центром изучения религии, астрономии и искусств. Это обстоя-

тельство укрепляет в современном Узбекистане глубокое чувство своей исторической преемственности и религиозной миссии по сравнению с его соседями. И действительно, некоторые узбекские лидеры считают Узбекистан национальным ядром единого самостоятельного образования в Средней Азии, вероятно с Ташкентом в качестве его столицы. Более чем в любом другом государстве Средней Азии политическая элита Узбекистана и все чаще и его народ, уже разделяющий субъективные достижения современного государства-нации, полны решимости, несмотря на внутренние трудности, никогда больше не возвращаться к колониальному статусу.

Благодаря этому обстоятельству Узбекистан становится как лидером в воспитании чувства постэтнического современного национализма, так и объектом определенного беспокойства у его соседей. Хотя узбекские лидеры и задают темп в создании нации и в пропаганде идеи более широкой региональной самообеспеченности, относительно бóльшая национальная однородность страны и более активное проявление национального самосознания внушают страх правителям Туркменистана, Кыргызстана и даже Казахстана, что лидерство Узбекистана в регионе может перерасти в его господство. Эта озабоченность препятствует развитию регионального сотрудничества между новыми суверенными государствами, которое не поощряется русскими, и увековечивает уязвимость региона.

Однако, как и в других странах, внутренняя обстановка в Узбекистане также отчасти характеризуется напряженными этническими отношениями. Часть южного Узбекистана, в особенности вокруг важных исторических и культурных центров — Самарканда и Бухары, густо заселена таджиками, которые продолжают возмущаться границами, определенными Москвой. Ситуация еще больше осложняется из-за присутствия узбеков в западном Таджикистане, а также узбеков и таджиков в экономически важном для Кыргызстана районе Ферганской долины (где в последние годы имели место кровавые столкновения на этнической почве), не говоря уже о присутствии узбеков в северном Афганистане.

Из трех других государств Средней Азии, освободившихся от колониального правления России, — Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана — только третье является относительно однородным в этническом отношении. Приблизительно 75% от его 4,5-миллионного населения явля-

ются туркменами, причем узбеки и русские составляют по 10% с лишним от всего населения. Туркменистан защищен в географическом плане: он находится на относительно отдаленном расстоянии от России. Узбекистан и Иран играют гораздо более важную геополитическую роль для будущего этой страны. Как только по территории этого района будет проложен нефтепровод, поистине огромные запасы природного газа Туркменистана обеспечат процветание его народу.

Население Кыргызстана (его численность — 5 млн. человек) отличается гораздо большим этническим разнообразием. Сами кыргызы составляют около 55% от всего населения страны, узбеки — около 13%, а численность русских в последнее время снизилась с 20% до немногим более 15%. До получения страной независимости русские в основном составляли инженерно-техническую интеллигенцию, и их исход из страны больно отразился на ее экономике. Хотя Кыргызстан богат природными ископаемыми и имеет красивую природу, позволяющую называть страну Швейцарией Средней Азии (в связи с чем здесь можно создать новый туристический центр), из-за своего геополитического положения, будучи зажатым между Китаем и Казахстаном, он весьма зависит от успехов Казахстана в сохранении независимости.

Таджикистан лишь несколько более однороден в этническом отношении. Из 6,5-миллионного населения Таджикистана менее двух третей являются таджиками и более 25% — узбеками (к которым таджики относятся с некоторой враждебностью), в то время как русские составляют лишь около 3%. Однако, как и в других странах, даже доминирующая этническая община резко разобщена в зависимости от племенной принадлежности, имеют место даже насильственные действия, причем современный национализм исповедуется главным образом политической элитой в городах. В результате независимость не только породила напряженность в городах, но и послужила для России удобным предлогом для сохранения присутствия своей армии в стране. Этническая ситуация еще больше осложняется из-за многочисленного присутствия таджиков в районах за границей страны, в северо-восточном Афганистане. Фактически в Афганистане проживает столько же этнических таджиков, сколько и в Таджикистане, — это еще один фактор, способствующий ослаблению региональной стабильности.

Нынешнее состояние дезорганизации в Афганистане аналогично советскому наследству, хотя страна не является бывшей советской республикой. Разбитый на отдельные фрагменты в результате советской оккупации и длительной партизанской войны против нее Афганистан лишь на бумаге существует как национальное государство, а его 22-миллионное население резко разобщено по этническому принципу, причем разногласия между проживающими на территории страны пуштунами, таджиками и хазарами усиливаются. В то же время джихад против русских оккупантов превратил религию в доминирующий фактор политической жизни страны, привносящий догматическую страсть в уже и без того резкие политические разногласия. Таким образом, Афганистан следует рассматривать не только как часть этнической головоломки в Средней Азии, но также с политической точки зрения во многом скорее как часть “Евразийских Балкан”.

Хотя все из бывших советских государств Средней Азии, а также Азербайджан населены преимущественно мусульманами, почти вся их политическая элита, по-прежнему являющаяся в основном продуктом советской эры, не придерживается религиозных взглядов и официально это светские государства. Однако, поскольку их население переходит от первоначально кланового и племенного самосознания к более широкому современному национальному осознанию, оно, вероятно, вдохновится усиливающимся осознанием ислама. Фактически возрождение ислама — распространению которого извне уже содействует не только Иран, но также и Саудовская Аравия — вероятно, станет мобилизирующим импульсом для активно распространяющихся новых устремлений к национальной независимости, сторонники которых полны решимости выступить против любой реинтеграции под российским контролем, а значит, контролем неверных.

Действительно, процесс исламизации, вероятно, окажется заразительным также для мусульман, оставшихся в самой России. Их насчитывается около 20 млн., то есть в 2 раза больше по сравнению с численностью недовольных русских (около 9,5 млн.), продолжающих жить в независимых государствах Средней Азии, где правят иностранцы. Таким образом, российские мусульмане составляют примерно 13% от населения России, и почти неизбежны случаи предъявления ими более настойчивых требований в отношении их прав на свою религиозную и политическую самобытность.

Даже если такие требования не примут форму поиска путей получения полной независимости, как это имеет место в Чечне, они переплетутся с дилеммами, которые будут по-прежнему стоять перед Россией в Средней Азии, учитывая ее недавнее имперское прошлое, а также наличие русских меньшинств в новых государствах.

Причиной значительного усиления нестабильности на “Евразийских Балканах” и того, что ситуация становится потенциально гораздо более взрывоопасной, является тот факт, что два крупных соседних государства, каждое из которых имеет с исторической точки зрения имперский, культурный, религиозный и экономический интерес к региону, — а именно Турция и Иран — сами проявляют непостоянство в своей геополитической ориентации и потенциально уязвимы во внутреннем плане. Если обстановка в этих двух государствах дестабилизируется, вполне вероятно, что весь регион будет охвачен массовыми беспорядками, причем имеющие место этнические и территориальные конфликты выйдут из-под контроля и с трудом достигнутый баланс сил в регионе будет нарушен. Следовательно, Турция и Иран являются не только важными геостратегическими действующими лицами, но также и геополитическими центрами: их внутренняя ситуация крайне важна для судьбы региона. Обе страны являются средними по своим масштабам державами с сильными региональными устремлениями и чувством своей исторической значимости. Тем не менее по-прежнему неясно, какой будет их геополитическая ориентация и как будут обстоять дела даже с национальной сплоченностью обеих стран.

Турцию — постимперское государство, которое все еще находится в процессе определения своего выбора, — тянут в трех направлениях: модернисты хотели бы видеть в ней европейское государство и, следовательно, смотрят на Запад; исламисты склоняются в сторону Ближнего Востока и мусульманского сообщества и, таким образом, смотрят на Юг; обращенные к истории националисты видят новое предназначение тюркских народов бассейна Каспийского моря и Средней Азии в регионе, где доминирует Турция, и, таким образом, смотрят на Восток. Каждая из этих перспектив вращается вокруг разных стратегических осей, и впервые со времен революции кемалистов столкновение между сторонниками этих позиций привносит некоторую неуверенность в вопрос о региональной роли Турции.

Более того, сама Турция могла бы стать, по крайней мере отчасти, жертвой региональных этнических конфликтов. Хотя 65-миллионное население Турции составляют в основном турки, причем 80% приходится на тюркские народы (хотя сюда включены черкесы, албанцы, боснийцы, болгары и арабы), около 20% или более составляют курды. Проживающих в основном в восточных регионах страны турецких курдов активно втягивали в борьбу за национальную независимость, которую вели иракские и иранские курды. Любая внутренняя напряженность в Турции по поводу общего управления страной, несомненно, побудила бы курдов оказать еще более отчаянный нажим с целью получения отдельного национального статуса.

Будущая ориентация Ирана выглядит проблематичной в еще большей степени. Фундаменталистская шиитская революция, победившая в конце 70-х годов, возможно, вступает в “термидорианскую” фазу, и это обстоятельство высвечивает неуверенность в отношении геостратегической роли Ирана. С одной стороны, падение атеистического Советского Союза открыло для новых независимых северных соседей Ирана возможность обратиться в другую веру, но, с другой стороны, враждебность Ирана по отношению к США склонила Тегеран занять, по крайней мере тактически, промосковскую позицию, чему также способствовала озабоченность Ирана возможным влиянием полученной Азербайджаном независимости на свою собственную сплоченность.

Эта озабоченность вызвана уязвимостью Ирана с точки зрения этнических конфликтов. Из 65-миллионного населения страны (Иран и Турция имеют почти одинаковую численность населения) лишь немногим более половины населения являются персами. Примерно четвертую часть составляют азербайджанцы, а остальное население включает курдов, балучи, туркменов, арабов и другие народности. За исключением курдов и азербайджанцев, в настоящее время другие народности не представляют опасности для национальной целостности Ирана, в частности учитывая высокую степень национального и даже имперского самосознания персов. Однако такая ситуация могла бы быстро измениться, особенно в случае нового кризиса в политике Ирана.

Далее, сам факт, что в настоящее время в этом районе существует ряд новых независимых государств и что даже

миллион чеченцев смог отстоять свои политические чаяния, несомненно заразит курдов, а также и все другие этнические меньшинства в Иране. Если Азербайджан преуспеет в стабильном политическом и экономическом развитии, среди иранских азербайджанцев, вероятно, будет укрепляться идея создания Большого Азербайджана. Следовательно, политическая нестабильность и разногласия в Тегеране могут превратиться в проблему для сплоченности иранского государства, тем самым резко расширив рамки и повысив значение того, что происходит на “Евразийских Балканах”.

МНОГОСТОРОННЕЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

То, что традиционно считалось “Европейскими Балканами”, было связано с прямым противоборством трех империй: Оттоманской, Австро-Венгерской и Российской. Кроме того, в этой борьбе было еще три косвенных участника, обеспокоенных тем, что их европейские интересы будут ущемлены в случае успеха одного из конкретных протагонистов: Германия опасалась российской мощи, Франция противостояла Австро-Венгрии, а Великобритания предпочитала скорее видеть ослабление Оттоманской империи в вопросе контроля над Дарданеллами, чем участие какого бы то ни было из остальных соперников в контроле над Балканами. В XIX столетии эти державы оказались в состоянии сдерживать конфликты на Балканах без ущерба для интересов остальных конкурентов, но в 1914 году это оказалось им не по силам, при этом последствия оказались разрушительными для всех.

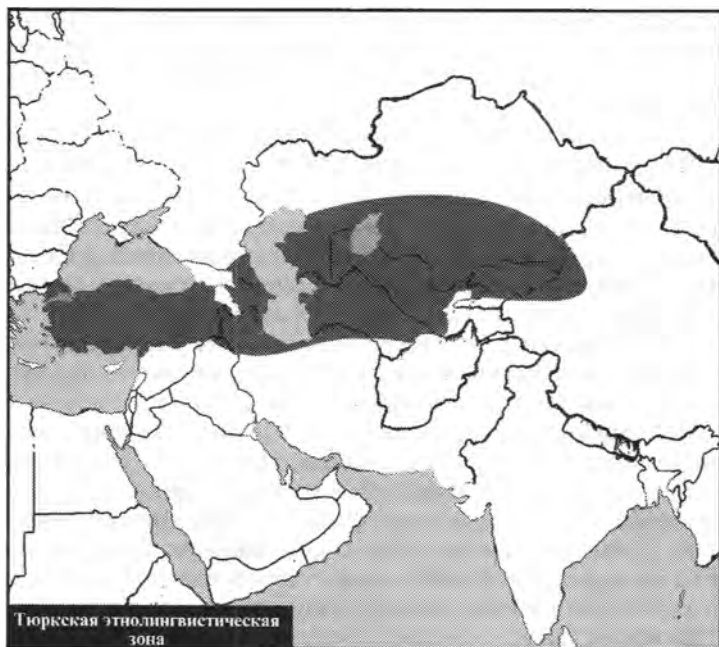
Нынешнее соперничество за “Евразийские Балканы” также прямо увязывает три соседних государства: Россию, Турцию и Иран, хотя одним из основных действующих лиц может в конечном счете стать и Китай. В это соперничество, хотя и более отдаленно, вовлечены Украина, Пакистан, Индия и далеко расположенная Америка. Каждым из трех основных и явно связанных с этим вопросом соперников движет не только перспектива получения геополитических и экономических преимуществ, но и сильные исторические мотивы. Каждый из них в свое время доминировал в регионе в вопросах политики или культуры. Все они смотрят друг на друга с подозрением. Хотя открытые вооруженные действия между ними маловероятны, кумулятивный

эффект их противостояния может усугубить хаос, сложившийся в регионе.

Что касается России, то ее враждебное отношение к Турции граничит с навязчивой идеей. Российская пресса изображает турок как стремящихся к контролю над регионом, как провокаторов локального сопротивления России (что отчасти подтверждается событиями в Чечне) и как угрозу общей безопасности России до степени, которая в общем и целом никак не соответствует фактическим возможностям Турции. Турки отвечают тем же, изображая себя освободителями своих братьев от долгого российского гнета. Турки и иранцы (персы) тоже исторически противостоят друг другу в данном регионе, и в последние годы это противостояние возродилось в обстановке, когда Турция выступает как современный и извечный противник иранской концепции исламского общества.

Хотя о каждом из соперников можно сказать, что он стремится заполучить сферу влияния, тем не менее амбиции Москвы гораздо более широки, учитывая относительно свежие воспоминания об имперском контроле, проживание в регионе нескольких миллионов русских и устремления Кремля вернуть России статус одной из крупных держав глобального масштаба. Внешнеполитические заявления Москвы явно свидетельствуют о том, что она рассматривает все пространство бывшего Советского Союза как пространство своих особых геостратегических интересов, на котором всякое политическое — и даже экономическое — влияние извне недопустимо.

В отличие от этого, устремления Турции к региональному влиянию пусть и несут в себе определенные остатки имперского чувства отдаленного прошлого (Оттоманская империя достигла апогея своего развития в 1590 г., завоевав Кавказ и Азербайджан, хотя в ее состав и не входила Средняя Азия), но у Турции более глубокие корни для родства с тюркским населением данного региона с этнолингвистической точки зрения (см. карту XVIII). Обладай Турция гораздо более ограниченной политической и военной мощью, какая бы то ни было сфера ее исключительного политического влияния оказалась бы просто недостижимой. Наоборот, Турция видит в себе потенциального лидера расплывчатого сообщества стран, говорящих на тюркских языках, играя для этого на своем привлекательном и относительно современном уровне развития, языковом родстве, собствен-

Карта XVIII

ных экономических возможностях, позволяющих стать наиболее влиятельной силой в процессе формирования наций, происходящем в данном регионе.

Устремления Ирана пока что менее определены, но в перспективе они могут оказаться не менее угрожающими амбициям России. Государство Ахеменидов — огромные владения персов — появилось в еще более ранней истории. На вершине своего развития (примерно 500 г. до н. э.) оно охватывало территории трех нынешних кавказских государств — Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана*, — а также Афганистана, Турции, Ирака, Сирии, Ливана и Израиля. Хотя сегодняшние геополитические устремления Ирана более узки, чем у Турции, и направлены главным образом на Азербайджан и Афганистан, тем не менее мусульманское население региона — даже и в самой России —

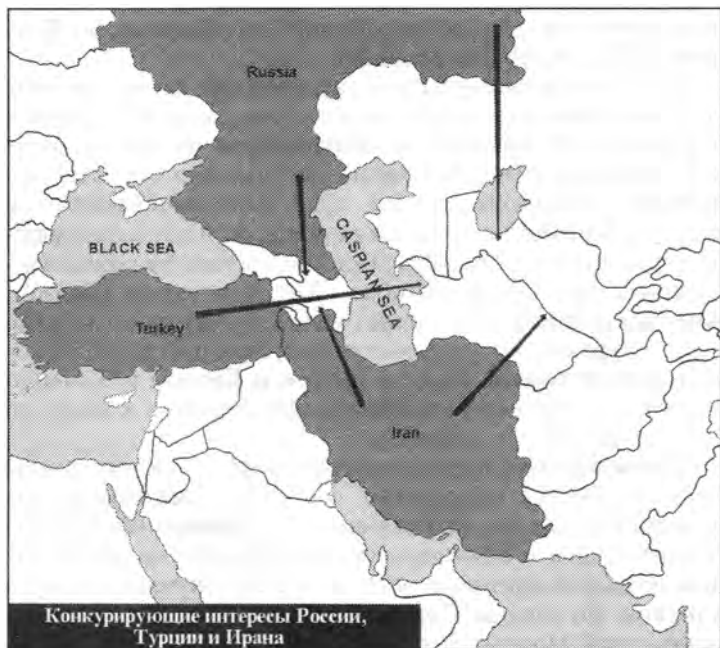
*Так в оригинале. — Прим. пер.

является объектом религиозных интересов Ирана. Действительно возрождение ислама в Средней Азии стало органической составной частью устремлений нынешних правителей Ирана.

Противоположный характер интересов России, Турции и Ирана отображен на карте XIX: в случае с Россией ее геополитический нажим показан двумя стрелками, направленными строго на юг — на Азербайджан и Казахстан; в случае с Турцией — одной стрелкой, направленной на Среднюю Азию через Азербайджан и Каспийское море; в случае с Ираном — двумя стрелками, направленными на север — на Азербайджан и на северо-восток — на Туркменистан, Афганистан и Таджикистан. Эти стрелки не просто пересекаются, они могут и столкнуться друг с другом.

На нынешнем этапе роль Китая более ограничена, а ее цели менее очевидны. Само собой разумеется, что Китай предпочитает иметь перед собой на западе несколько относительно независимых государств, а не Российскую империю. Новые государства служат, как минимум, буфером, но в то же время Китай обеспокоен тем обстоятельством, что его собственные тюркские меньшинства в провинции Синьцзян могут увидеть в новых среднеазиатских государствах привлекательный для себя пример, и, исходя из этих соображений, Китай стремится получить от Казахстана гарантии в том, что активность заграничных меньшинств будет подавляться. В конце концов, энергоресурсы рассматриваемого региона должны войти в круг особых интересов Пекина, и получение прямого доступа к ним — без какого бы то ни было контроля со стороны Москвы — должно стать основной целью Китая. Таким образом, общие геополитические интересы Китая имеют тенденцию войти в столкновение со стремлением России к доминирующей роли и являются дополняющими к устремлениям Турции и Ирана.

Что касается Украины, то для нее основными проблемами являются будущий характер СНГ и получение более свободного доступа к энергоисточникам, что ослабило бы зависимость Украины от России. Поэтому развитие более тесных связей с Азербайджаном, Туркменистаном и Узбекистаном приобрело для Киева важное значение, а поддержка более независимо настроенных государств является для Украины дополнением к ее усилиям упрочить собственную независимость от Москвы. В соответствии с этим Украина поддержала усилия Грузии, направленные на то, чтобы азер-

Карта XIX

байджанская нефть транспортировалась на Запад по ее территории. Кроме того, Украина вступила в сотрудничество с Турцией, чтобы ослабить влияние России на Черном море, и поддержала ее усилия направить потоки нефти из Средней Азии на турецкие терминалы.

Вовлечение Пакистана и Индии представляется пока что более отдаленным, но ни одна из этих стран не остается безразличной к тому, что может произойти на “Евразийских Балканах”. Пакистан в первую очередь заинтересован в том, чтобы геостратегически укрепиться, оказывая политическое влияние на Афганистан (предотвратив тем самым влияние на Афганистан и Таджикистан со стороны Ирана), и в конце концов извлечь выгоду от строительства какого-либо трубопровода, связывающего Среднюю Азию с Аравийским морем. Индия, в ответ на устремления Пакистана и, возможно, обеспокоенная перспективой гегемонии Китая в регионе, относится к влиянию Ирана в Афганистане и

расширенному присутствию России на пространстве бывшего СССР более благосклонно.

Хотя Соединенные Штаты расположены далеко, их роль со ставкой на сохранение геополитического плюрализма в постсоветской Евразии просматривается на общем фоне как постоянно возрастающая по значимости в качестве косвенного действующего лица, явно заинтересованного не только в разработке ресурсов региона, но и в предотвращении того, чтобы только Россия доминировала на геополитическом пространстве региона. Действуя таким образом, Америка не только преследует масштабные стратегические цели в Евразии, но и демонстрирует свои растущие экономические интересы, а также интересы Европы и Дальнего Востока в получении неограниченного доступа к этому до сих пор закрытому району.

Таким образом, на карту в этой головоломке поставлены геополитическое могущество, доступ к потенциально огромным богатствам, достижение национальных и/или религиозных целей и безопасность. Тем не менее первоочередным объектом противоборства является получение доступа в регион. До распада Советского Союза доступ в него был монополией Москвы. Все транспортировки по железной дороге, газо- и нефтепроводам и даже перелеты по воздуху осуществлялись через центр. Российские геополитики предпочли бы оставить все по-прежнему, поскольку они понимают, что тот, кто будет доминировать в вопросе доступа к данному региону, скорее всего и окажется в выигрыше в геополитическом и экономическом плане.

Именно эти соображения сделали таким важным для будущего бассейна Каспийского моря и Средней Азии вопрос о прокладке трубопровода. Если основные трубопроводы в регион будут по-прежнему проходить по территории России к российским терминалам в Новороссийске на Черном море, то политические последствия этого дадут о себе знать без какой бы то ни было открытой демонстрации силы со стороны России. Регион останется в политической зависимости, а Москва при этом будет занимать сильные позиции, решая, как делить новые богатства региона. И наоборот, если еще один трубопровод проляжет через Каспийское море к Азербайджану и далее к Средиземному морю через Турцию, а другой протянется через Афганистан к Аравийскому морю, то не будет никакого единовластия в вопросе доступа к региону (см. карту ХХ).

Карта XX

Беспокоит то, что в российской политической элите есть люди, которые действуют так, будто они предпочитают, чтобы ресурсы региона вообще не разрабатывались, если Россия не в состоянии всецело контролировать туда доступ. Пусть богатства останутся неразработанными, если альтернативой является то, что иностранные инвестиции приведут к более непосредственному удовлетворению экономических, а следовательно, и политических интересов других государств. Такой частнособственнический подход имеет корни в истории, и требуются время и нажим извне, чтобы он изменился.

Захват Кавказа и Средней Азии царской Россией происходил на протяжении примерно трех столетий, а его недавний конец оказался стремительным и внезапным. По мере того как существование Османской империи клонилось к закату, Российская империя расширялась на юг, в сторону Персии, вдоль берегов Каспийского моря. В 1556 году она

поглотила Астраханское ханство и к 1607 году достигла Персии. В результате войны 1774—1784 годов был захвачен Крым, затем в 1801 году Грузинское царство, а во второй половине XIX века Россия подавила племена по обе стороны Кавказского хребта (только чеченцы сопротивлялись с поразительным упорством), завершив к 1878 году захват Армении.

Захват Средней Азии заключался не столько в том, чтобы взять верх над соперничающей империей, сколько в том, чтобы покорить весьма изолированные и полупервобытные феодальные ханства и эмираты, способные оказать лишь спорадическое и локальное сопротивление. Узбекистан и Казахстан были захвачены после нескольких военных экспедиций, проведенных в период с 1801 по 1881 год, Туркменистан же покорили и присоединили в результате кампании, длившейся с 1873 по 1886 год. Тем не менее к 1850 году захват основной части Средней Азии был завершен, хотя эпизодические локальные вспышки сопротивления имели место даже в советскую эпоху.

Распад Советского Союза породил поразительный исторический обратный ход вещей. Всего за несколько недель азиатская составляющая территории России неожиданно сократилась примерно на 20%, а численность населения азиатской части, подвластной России, упала с 75 млн. до примерно 30 млн. человек. Кроме того, еще 18 млн. человек, постоянно проживающих на Кавказе, также оказались отрезанными от России. Такой поворот событий означал еще более болезненное осознание политической элитой России того, что экономический потенциал этих районов становится объектом интересов иностранных государств с их финансовыми возможностями для инвестиций, разработок и использования ресурсов, которые до совсем недавнего времени были доступны только России.

И все же Россия стоит перед дилеммой: она слишком слаба политически, чтобы полностью закрыть регион для внешних сил, и слишком бедна, чтобы разрабатывать данные области исключительно собственными силами. Более того, здравомыслящие российские лидеры осознают, что происходящий в настоящее время в новых государствах демографический процесс означает, что их неудача в вопросе поддержания экономического роста в конце концов приведет к взрывоопасной ситуации на всем протяжении южных границ России. Афганистан и Чечня могут найти свое

повторение вдоль всей границы от Черного моря до Монголии, особенно если учесть возрождение национализма и исламизма среди некогда поработанных народов.

Отсюда следует, что Россия должна каким-то образом приспособиться к постимперской реальности, если она стремится сдержать турецкое и иранское присутствие, воспрепятствовать тяготению новых государств к своим основным соперникам, не допустить возникновения какого бы то ни было действительно независимого сотрудничества в Средней Азии и ограничить геополитическое влияние Америки на столицы новых суверенных государств. Таким образом, вопрос больше не сводится к возрождению империи — что было бы слишком накладно и вызвало бы ожесточенное сопротивление, — наоборот, он предполагает создание новой системы взаимоотношений, которая бы сдерживала новые государства и позволила России сохранить доминирующие геополитические и экономические позиции.

В качестве средства решения этой задачи выбор пал на СНГ, хотя в некоторых случаях использование Россией вооруженных сил и умелое применение политики “разделяй и властвуй” также послужили интересам Кремля. Москва использовала свою систему рычагов, чтобы добиться от новых государств максимального соответствия ее представлениям о растущей интеграции “содружества”, и приложила усилия для создания управляемой из центра системы контроля за внешними границами СНГ, чтобы упрочить интеграцию в военной области в рамках общей внешней политики и еще больше расширить существующую (первоначально советскую) сеть трубопроводов во избежание прокладки каких-либо новых, идущих в обход России. Стратегические анализы России явно свидетельствуют о том, что Москва рассматривает данный район как свое особое геополитическое пространство, хотя оно уже не является составной частью ее империи.

Ключом к разгадке геополитических устремлений России является та настойчивость, с которой Кремль стремился сохранить военное присутствие на территории новых государств. Ловко разыграв карту с сепаратистским движением в Абхазии, Москва получила права на создание баз в Грузии, узаконила свое военное присутствие на землях Армении, играя на ее необходимости искать поддержки в войне с Азербайджаном, и оказала политическое и финансовое давление на Казахстан, чтобы добиться его согласия

на создание там российских баз; кроме того, гражданская война в Таджикистане позволила обеспечить постоянное присутствие войск бывшей Советской Армии на его территории.

Определяя свой политический курс, Москва переключилась на явное ожидание того, что ее постимперская система взаимоотношений со Средней Азией постепенно выхолостит суть суверенности обособленных и слабых государств и что это поставит их в зависимость от командного центра “интегрированного” СНГ. Чтобы достичь этой цели, Россия отговаривает новые государства от создания собственных вооруженных сил, от возрождения их родных языков, от развития тесных связей с внешним миром и от прокладки новых трубопроводов напрямую к терминалам на берегах Аравийского и Средиземного морей. Окажись эта политика успешной, Россия смогла бы доминировать в вопросе их внешних связей и имела бы решающий голос при распределении доходов.

Следуя этому курсу, российские политики часто ссылаются, как это показано в главе 4, на пример с Европейским Союзом. На самом деле, однако, российская политика по отношению к среднеазиатским государствам и Кавказу гораздо более напоминает ситуацию с сообществом франкоговорящих стран Африки, где французские воинские контингенты и денежные субсидии определяют политическую жизнь и политический курс говорящих на французском языке постколониальных африканских государств.

Если восстановление Россией максимально возможного политического и экономического влияния в регионе является всеобщей целью, а укрепление СНГ — это основной способ достичь ее, то первоочередными геополитическими объектами Москвы для политического подчинения представляются Азербайджан и Казахстан. Чтобы политическое контрнаступление России оказалось успешным, Москва должна не только наглухо закрыть доступ в регион, но и преодолеть его географические барьеры.

Азербайджан для России должен стать приоритетной целью. Его подчинение помогло бы отрезать Среднюю Азию от Запада, особенно от Турции, что еще более усилило бы мощь российских рычагов для воздействия на непокорных Узбекистан и Туркменистан. В этом плане тактическое сотрудничество с Ираном в таких противоречивых вопросах, как распределение концессий на бурение скважин на дне

Каспийского моря, служит достижению важной цели: вынудить Баку отвечать желаниям Москвы. Подобострастие Азербайджана также способствовало бы упрочению доминирующих позиций России в Грузии и Армении.

Казахстан тоже представляет собой привлекательную первоочередную цель, поскольку его этническая уязвимость не позволяет его правительству превалировать в открытой конфронтации с Москвой. Москва может также сыграть на опасениях Казахстана в связи с растущим динамизмом Китая, равно как и на вероятности усиления недовольства Казахстана расширением масштабов китаизации населения соседней с Казахстаном китайской провинции Синьцзян. Постепенное подчинение Казахстана привело бы в результате к геополитической возможности почти автоматического вовлечения Кыргызстана и Таджикистана в сферу контроля Москвы, что сделало бы Узбекистан и Туркменистан уязвимыми для более откровенного российского давления.

Однако стратегия России противоречит устремлениям почти всех государств, расположенных на “Евразийских Балканах”. Их новая политическая элита добровольно не откажется от власти и привилегий, которые они получили благодаря независимости. По мере того как местные русские освобождают свои прежде привилегированные посты, вновь образовавшаяся элита быстро начинает проявлять законный интерес к суверенитету — динамичному и социально заразительному процессу. Кроме того, некогда политически пассивное население становится более националистичным и (за исключением Грузии и Армении) более глубоко осознающим свою исламскую принадлежность.

Что касается внешней политики, то и Грузия, и Армения (несмотря на зависимость последней от российской поддержки в борьбе с Азербайджаном) хотели бы постепенно больше ассоциироваться с Европой. Богатые ресурсами среднеазиатские государства, а наряду с ними и Азербайджан хотели бы до максимума расширить экономическое присутствие на своих землях американского, европейского, японского и с недавних пор корейского капиталов, надеясь с их помощью значительно ускорить свое собственное экономическое развитие и укрепить независимость. В этом отношении они приветствуют возрастание роли Турции и Ирана, видя в них противовес мощи России и мостик на Юг, в огромный исламский мир.

Так, Азербайджан, поощряемый Турцией и Америкой, не только отказал России в предложении о создании на его территории военных баз, но и открыто проигнорировал предложение России о прокладке единого нефтепровода к российскому порту на Черном море, выторговав при этом вариант с двойным решением, предусматривающий прокладку второго трубопровода — в Турцию через территорию Грузии. (От строительства трубопровода на юг через Иран, финансировать которое должна была американская компания, вынуждены были отказаться, учитывая финансовое эмбарго США на все сделки с Ираном.) В 1995 году под громкие звуки фанфар открыли новую железнодорожную линию, связавшую Туркменистан и Иран, что позволило Европе торговать со Средней Азией, пользуясь железнодорожным транспортом в обход территории России. При этом имели место проявления символического драматизма в связи с возрождением древнего “шелкового пути” в условиях, когда Россия оказалась уже не в силах и дальше отгораживать Европу от Азии.

Узбекистан тоже становится все более твердым в своей оппозиции усилиям России в сторону “интеграции”. В августе 1996 года его министр иностранных дел однозначно заявил, что “Узбекистан против создания наднациональных институтов СНГ, которые могут использоваться в качестве средств централизованного управления”. Эта явно националистическая позиция сразу же вызвала резкие высказывания в российской прессе в адрес Узбекистана с его

“подчеркнуто прозападной ориентацией экономики, резкими выступлениями против интеграционных соглашений в рамках СНГ, решительным отказом присоединиться даже к Таможенному союзу и методичной антирусской националистической политикой (закрываются даже детские сады, в которых используется русский язык)... Для Соединенных Штатов, которые в Азиатском регионе следуют политическому курсу на ослабление России, такая позиция весьма привлекательна”¹.

Даже Казахстан в ответ на давление России приветствовал прокладку дополнительного трубопровода в обход России для транспортировки своих собственных потоков при-

¹ *Завтра*. — 1996. — № 28.

родных ресурсов. Умирсерик Касенов, советник президента Казахстана, заявил:

“Это факт, что поиски Казахстаном альтернативных трубопроводов были вызваны действиями самой России, такими как ограничение поставок казахстанской нефти в Новороссийск и тюменской нефти на Павлодарский нефтеперерабатывающий завод. Усилия Туркменистана по строительству газопровода в Иран вызваны отчасти тем, что страны СНГ платят лишь 60% от мировых цен или не платят вообще”².

Туркменистан, исходя во многом из тех же соображений, активно изучал вопрос строительства нового трубопровода к берегам Аравийского моря через Афганистан и Пакистан в дополнение к энергичной прокладке новых железнодорожных линий, которые связали бы его на севере с Казахстаном и Узбекистаном и на юге с Ираном и Афганистаном. Весьма предварительные переговоры велись также между Казахстаном, Китаем и Японией по поводу амбициозного проекта прокладки трубопровода, который протянулся бы от Средней Азии к берегам Южно-Китайского моря (см. карту XX). При наличии долгосрочных инвестиционных обязательств в отношении нефтегазовой отрасли, достигающих в Азербайджане примерно 13 млрд. долл., а в Казахстане значительно превышающих 20 млрд. долл. (цифры 1996 г.), экономическая и политическая изоляция данного региона явно устраняется в обстановке глобального экономического давления и ограниченных финансовых возможностей России.

Опасения, связанные с Россией, подталкивали среднеазиатские государства к более тесному региональному сотрудничеству. Бездействовавший поначалу Среднеазиатский экономический союз, созданный в январе 1993 года, постепенно стал деятельным. Даже президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, сначала явный приверженец создания “Евразийского союза”, со временем перешел в лагерь сторонников идеи более тесного кооперирования в Средней Азии, более согласованного военного сотрудничества между государствами региона, поддержки Азербайджана в воп-

² **Чего хочет Россия в Закавказье и Средней Азии** // Независимая газета. — 1995. — 24 янв.

росе транспортировки каспийской и казахстанской нефти через территорию Турции и совместной оппозиции усилиям России и Ирана, направленным на то, чтобы предотвратить секторное деление континентального шельфа Каспийского моря и природных запасов между прибрежными государствами.

Учитывая тот факт, что режимы в данном регионе склонны к сильному авторитаризму, возможно, еще большее значение приобрела проблема личного примирения между основными лидерами. Общеизвестно, что президенты Казахстана, Узбекистана и Туркменистана не питали особо теплых чувств друг к другу (о чем они высокомерно и откровенно говорили иностранным визитерам) и что личный антагонизм изначально был на руку Кремлю, чтобы сталкивать их друг с другом. К середине 90-х годов все трое осознали, что более тесное сотрудничество между ними необходимо для сохранения их собственного суверенитета, и ударились в широкую демонстрацию своих якобы тесных связей, подчеркивая, что отныне они будут координировать свои внешнеполитические курсы.

Но еще более важным моментом все же явилось возникновение внутри СНГ неофициальной коалиции во главе с Украиной и Узбекистаном, увлеченной идеей “кооперативного”, а не “интегрированного” содружества. В этих целях Украина подписала с Узбекистаном, Туркменией и Грузией соглашение о военном сотрудничестве, а в сентябре 1996 года министры иностранных дел Украины и Узбекистана даже участвовали в высшей степени символической акции — опубликовании декларации, требующей, чтобы с этого момента и впредь совещания на высшем уровне представителей стран — членов СНГ проходили не под председательством президента России, а возглавлялись в соответствии с системой ротации лиц на этом посту.

Пример Украины и Узбекистана повлиял даже на лидеров, которые более почтительно относились к центристским устремлениям Москвы. Кремль, должно быть, особенно встревожился, когда услышал, как казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев и грузинский Эдуард Шеварднадзе в сентябре 1996 года заявили, что их республики покинули бы СНГ, “если их независимость была бы поставлена под угрозу”. В качестве противодействия СНГ государства Средней Азии и Азербайджан повысили уровень своей деятельности в Организации экономического сотрудничества —

все еще относительно вольной ассоциации региональных исламских государств, включающей Турцию, Иран и Пакистан и посвятившей свою работу расширению финансовых, экономических и транспортных связей среди своих членов. Москва публично выступила с критикой этих инициатив, расценив их, и совершенно справедливо, как подрывающие суть членства государств в СНГ.

В аналогичном русле постепенно укреплялись и расширялись связи с Турцией и в меньшей степени с Ираном. Тюркоязычные страны с радостью восприняли предложение Турции о предоставлении военной подготовки новому национальному офицерскому корпусу и приеме на обучение около 10 тыс. студентов. Четвертая встреча в верхах представителей тюркоязычных государств, проходившая в Ташкенте в октябре 1996 года и подготовленная при содействии Турции, в значительной мере сконцентрировала свое внимание на вопросе о расширении транспортных связей, торговли, а также на выработке общих стандартов образования, равно как и более тесном культурном сотрудничестве с Турцией. И Турция, и Иран проявили особую активность в плане предоставления новым государствам помощи с их телевизионными программами, оказывая таким образом непосредственное влияние на широкую аудиторию.

Церемония в столице Казахстана г. Алмааты в декабре 1996 года оказалась особенно символичной для идентификации Турции с независимостью государств региона. По случаю 5-й годовщины независимости Казахстана на церемонии открытия позолоченной 28-метровой колонны, увенчанной фигурой легендарного казахского/тюркского воина верхом на похожем на грифона существе, рядом с президентом Назарбаевым стоял турецкий президент Сулейман Демирель. На праздновании представители Казахстана превозносили Турцию за то, что “она находилась рядом с Казахстаном на каждом этапе его развития как независимого государства”, на что Турция ответила предоставлением Казахстану кредитной линии в размере 300 млн. долл. помимо имеющихся частных турецких капиталовложений в сумме около 1,2 млрд. долл.

И хотя ни Турция, ни Иран не в состоянии лишить Россию регионального влияния, подобными действиями Турция и (в меньшей степени) Иран поддерживают готовность и возможности новых государств сопротивляться реинтеграции с их северным соседом и бывшим хозяином. И это,

безусловно, помогает сохранять геополитическое будущее региона открытым.

НИ ДОМИНИОН, НИ АУТСАЙДЕР

Геостратегические последствия для Америки очевидны: Америка слишком далеко расположена, чтобы доминировать в этой части Евразии, но слишком сильна, чтобы не быть вовлеченной в события на этом театре. Все государства данного региона рассматривают американское участие как необходимое для своего выживания. Россия чересчур слаба, чтобы восстановить имперское доминирование над регионом или исключить других действующих лиц из его судьбы, но она слишком близко расположена и слишком сильна, чтобы ею пренебрегать. Турция и Иран достаточно сильны, чтобы оказывать влияние, но их собственная уязвимость могла бы помешать региону справиться одновременно и с угрозой с Севера, и с внутрирегиональными конфликтами. Китай слишком силен, и его не могут не опасаться Россия и государства Средней Азии, тем не менее само его присутствие и экономический динамизм облегчают реализацию стремления Средней Азии к выходу на более широкую мировую арену.

Отсюда следует вывод, что первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ. Геополитический плюрализм станет устойчивой реальностью только тогда, когда сеть нефтепроводов и транспортных путей соединит регион непосредственно с крупными центрами мировой экономической деятельности через Средиземное и Аравийское моря так же, как и по суше. Следовательно, усилия России по монополизации доступа требуют отпора, как вредные для стабильности в регионе.

Однако исключение России из региона в равной степени нежелательно и неосуществимо, как и раздувание противоречий между новыми государствами этого региона и Россией. Действительно, активное экономическое участие России в развитии региона является существенно важным для стабильности в этой зоне, а наличие России в качестве партне-

ра, а не исключительного господина, также может принести существенные экономические выгоды. Большая стабильность и возросшее благосостояние в рамках региона непосредственно послужили бы благополучию России и придали бы истинное значение “содружеству”, обещанному сокращенным термином “СНГ”. Но такой кооперативный путь станет российской политикой лишь тогда, когда наиболее честолюбивые, исторически устаревшие планы, которые болезненно напоминают первоначальные планы в отношении Балкан, будут успешно предотвращены.

Государствами, заслуживающими мощнейшей геополитической поддержки со стороны Америки, являются Азербайджан, Узбекистан и (вне данного региона) Украина; все три — геополитические центры. Роль Киева подкрепляет аргумент в пользу того, что Украина является ключевым государством постольку, поскольку затрагивается собственная будущая эволюция России. В то же время Казахстан (с учетом его масштабов, экономического потенциала и географически важного местоположения) также заслуживает разумной международной поддержки и длительной экономической помощи. Со временем экономический рост в Казахстане мог бы помочь перекинуть мосты через трещины этнического раскола, которые делают этот среднеазиатский “щит” столь уязвимым перед лицом российского давления.

В данном регионе Америка разделяет общие интересы не только со стабильной прозападной Турцией, но также с Ираном и Китаем. Постепенное улучшение американо-иранских отношений послужило бы значительному расширению глобального доступа в данный район и, если еще конкретнее, снизило бы непосредственную угрозу выживанию Азербайджана. Растущее экономическое присутствие Китая в регионе и его политическая ставка в региональной независимости также соответствуют интересам Америки. Китайская поддержка пакистанских усилий в Афганистане также является позитивным фактором, поскольку более тесные пакистано-афганские отношения сделали бы международный доступ в Туркменистан более вероятным, тем самым помогая укрепить как это государство, так и Узбекистан (в случае, если Казахстан будет колебаться).

Эволюция и ориентация Турции, похоже, играют определяющую роль в будущем кавказских государств. Если Турция стойко пройдет свой путь к Европе, а Европа не

закроет перед ней двери, то государства Кавказа также, похоже, будут вовлечены в европейскую орбиту, а это перспектива, которую они пламенно желают. Но если европеизация Турции потерпит провал по внешним или внутренним причинам, тогда у Грузии и Армении не будет выбора, кроме приспособления к интересам России. Их будущее в этом случае станет функцией от эволюции собственно российских отношений с расширяющейся Европой, независимо от ее направления.

Роль Ирана, похоже, даже еще более проблематична. Возвращение на прозападные позиции, безусловно, обеспечило бы стабилизацию в регионе и его консолидацию, и поэтому со стратегической точки зрения для Америки желательно содействовать такому повороту в поведении Ирана. Но до тех пор, пока этого не произойдет, Иран скорее всего будет играть негативную роль, оказывая неблагоприятное влияние на перспективы Азербайджана, даже если предпримет такие положительные шаги, как открытие Туркменистана для остального мира, несмотря на сегодняшний фундаментализм, усиливающий осознание среднеазиатами своего религиозного наследия.

В конечном счете будущее Средней Азии, похоже, будет сформировано еще более сложным комплексом обстоятельств, при этом судьбу ее государств будет определять запутанное взаимодействие российских, турецких, иранских и китайских интересов, равно как и степень, до которой Соединенные Штаты ставят свои отношения с Россией в зависимость от российского уважения независимости новых государств. Реальность этого взаимодействия исключает империю или монополию как существенную цель для любой заинтересованной геостратегической фигуры. Скорее принципиальный выбор — между хрупким региональным равновесием (которое позволило бы постепенно вовлечь данный регион в нарождающуюся глобальную экономику в то время, как государства региона постепенно консолидировались бы и, возможно, обретали все более выраженные исламские черты) и этническим конфликтом, политическим расколом и, возможно, даже открытыми столкновениями вдоль южных границ России. Достижение и укрепление этого регионального равновесия должно стать существенной задачей всеобъемлющей геостратегии США в отношении Евразии.

Опорный пункт на Дальнем Востоке

ЭФФЕКТИВНАЯ ПОЛИТИКА АМЕРИКИ в отношении Евразии заключается в том, чтобы иметь опорный пункт на Дальнем Востоке. Эта необходимость не будет обеспечена, если Америка будет изгнана или сама уйдет с Азиатского континента. Для глобальной политики США важное значение имеют тесные отношения с морской державой — Японией, в то же время для американской евразийской геостратегии необходимо плодотворное сотрудничество с материковым Китаем. Следует иметь в виду возможные последствия этой реально сложившейся обстановки, так как существующее взаимодействие на Дальнем Востоке между тремя основными державами — Америкой, Китаем и Японией — создает потенциально опасную региональную головоломку и почти неизбежно вызовет серьезные геополитические перемены.

Для Китая расположенная через Тихий океан Америка должна стать естественным союзником, так как Америка не имеет планов в отношении Азиатского материка и исторически противодействовала и японским, и российским посягательствам на более слабый Китай. Для китайцев Япония была основным противником на протяжении всего прошлого столетия; России, “голодной земле” в переводе с китайского, Китай всегда не доверял; Индия для него также в настоящее время становится потенциальным противником. Таким образом, принцип “сосед моего соседа является моим союзником” вполне подходит для геополитических и исторических отношений между Китаем и Америкой.

Однако Америка больше не является заокеанским противником Японии. Напротив, она поддерживает с Японией тесные союзнические отношения. У Америки также установились прочные связи с Тайванем и с рядом стран Юго-Восточной Азии. Кроме того, китайцы болезненно относятся к содержащимся в доктрине Америки оговоркам в отношении внутреннего характера нынешнего режима Китая. Таким образом, Америка также рассматривается как главное препятствие на пути стремления Китая к тому, чтобы не только занять ведущее положение в мире, но и играть доминирующую роль в регионе. Является ли вследствие этого столкновение между США и Китаем неизбежным?

Для Японии Америка служила “зонтиком”, под которым страна могла спокойно прийти в себя после опустошительного поражения, набрать темпы экономического развития и на этой основе постепенно занять позиции одной из ведущих держав мира. Однако сам факт существования этого прикрытия ограничивает свободу действий Японии, создавая парадоксальную ситуацию, когда держава мирового уровня одновременно является чьим-то протектором. Для Японии Америка по-прежнему является жизненно важным партнером в процессе ее превращения в международного лидера. Однако Америка также является основной причиной того, что Япония по-прежнему не имеет национальной самостоятельности в области безопасности. Как долго может сохраняться такая ситуация?

Другими словами, в ближайшем будущем роль Америки на Дальнем Востоке Евразии будет определяться двумя геополитическими проблемами, имеющими центральное значение и непосредственно связанными между собой:

1. Насколько практически возможно и, с точки зрения Америки, насколько приемлемо превращение Китая в доминирующую региональную державу и насколько реально его усиливающееся стремление к статусу мировой державы?

2. Так как Япония сама стремится играть глобальную роль, каким образом Америка может справиться с региональными последствиями неизбежного нежелания Японии продолжать мириться со статусом американского протектората?

Для геополитической обстановки в Восточной Азии в настоящее время характерны метастабильные отношения между странами. Метастабильность предусматривает состояние

внешней устойчивости при относительно небольшой гибкости и в этом отношении больше характерна для железа, чем для стали. Она уязвима при разрушительной цепной реакции, вызванной мощным резким ударом. Сегодняшний Дальний Восток переживает период чрезвычайного экономического динамизма наряду с растущей политической неопределенностью. Экономическое развитие Азии фактически может даже способствовать этой неопределенности, так как экономическое процветание делает не столь явной политическую уязвимость региона, тем более что оно активизирует национальные амбиции и приводит к росту социальных надежд.

О том, что Азия достигла экономического успеха, не имеющего равных за всю историю человечества, не стоит и говорить. Вот некоторые основополагающие статистические данные, которые наглядно демонстрируют эту реальность. Менее четырех десятилетий назад доля Восточной Азии (включая Японию) составляла лишь около 4% от всего мирового ВВП, в то время как Северная Америка занимала ведущее положение в мире и ее доля составляла 35—40% ВВП; к середине 90-х годов оба региона имели примерно равные результаты (около 25%). Кроме того, Азия достигла темпов роста, беспрецедентных в истории. Экономисты отмечают, что в начальный период индустриализации Великобритании потребовалось более 50 лет, а Америке чуть менее 50 лет для увеличения вдвое производства на душу населения, в то время как и Китай, и Южная Корея добились этого результата примерно за десять лет. Если в регионе не произойдет какого-либо массового потрясения, в течение четверти века Азия, по-видимому, по показателям ВВП обойдет и Северную Америку, и Европу.

Однако помимо того, что Азия стала экономическим центром тяжести мира, она также потенциально может быть уподоблена политическому вулкану. Хотя Азия и обошла Европу по экономическому развитию, она на редкость сильно отстала от нее с точки зрения регионального политического развития. Ей не хватает многосторонних структур в области сотрудничества, тех, что определяют европейский политический ландшафт и ослабляют, поглощают и сдерживают наиболее традиционные европейские территориальные, этнические и национальные конфликты. В Азии нет ничего подобного ни Европейскому Союзу, ни НАТО. Ни одна из трех региональных организаций — АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), АРФ (Азиатский

региональный форум, платформа АСЕАН для диалога по вопросам политики и безопасности) и АПЕК (Азиатско-Тихоокеанская группа экономического сотрудничества) — даже отдаленно не соответствует той сети многосторонних и региональных связей в области сотрудничества, которые объединяют Европу.

Напротив, сегодня Азия является местом концентрации пробудившегося в последнее время и все более активизирующегося массового национализма, который подпитывается внезапным появлением доступа к массовым средствам связи, сверхактивизируется растущими социальными надеждами, порожденными ростом экономического благосостояния, а также увеличивающимся неравенством в социальном положении и становится более восприимчивым к политической мобилизации благодаря бурным темпам роста населения и урбанизации. Эти факторы приобретают еще более зловещий характер вследствие масштабов наращивания вооружений в Азии. В 1995 году регион стал, согласно данным Международного института стратегических исследований, крупнейшим в мире импортером оружия, обогнав Европу и Ближний Восток.

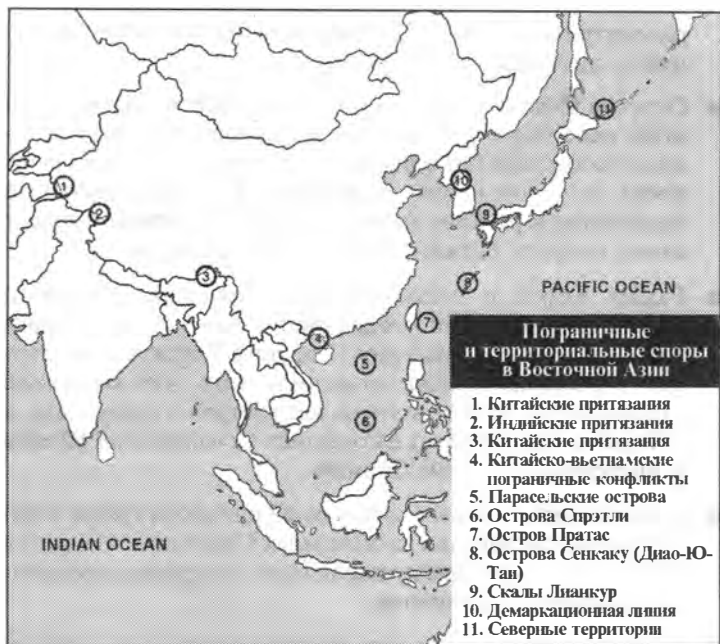
Короче говоря, Восточная Азия охвачена энергичной деятельностью, которая до сих пор направлялась по мирному руслу быстрыми темпами экономического развития региона. Однако клапан безопасности в определенный момент может быть перехлестнут вырвавшимися на свободу политическими страстями, если они будут спровоцированы каким-то событием, хотя бы относительно тривиальным. Потенциальная возможность такого события таится в огромном количестве спорных вопросов, каждый из которых вполне может быть использован в демагогических целях и, таким образом, взрывоопасен:

- Недовольство Китая независимым статусом Тайваня растет по мере того, как позиции Китая укрепляются, а все более процветающий Тайвань начинает пользоваться своим формально независимым статусом как национальное государство.
- Парасельские острова и острова Спрэтли в Южно-Китайском море создают опасность столкновения между Китаем и рядом государств Юго-Восточной Азии по поводу доступа к потенциально ценным энергетическим ресурсам морского дна, при этом Китай по-имперски

рассматривает Южно-Китайское море как свою законную национальную собственность.

- Острова Сенкаку оспариваются Японией и Китаем (при этом соперники — Тайвань и материковый Китай — яростно отстаивают единую точку зрения по этому вопросу), и исторически сложившееся соперничество за господство в регионе между Японией и Китаем придает этому вопросу также символическое значение.
- Раздел Кореи и нестабильность, присущая Северной Корее, которая приобретает еще более опасный характер вследствие стремления Северной Кореи стать ядерной державой, создают опасность того, что внезапное столкновение может втянуть полуостров в войну, что, в свою очередь, вовлечет в конфликт Соединенные Штаты и косвенным образом Японию.
- Вопрос самых южных островов Курильской гряды, в одностороннем порядке захваченных Советским Союзом в 1945 году, по-прежнему парализует и отравляет российско-японские отношения.
- В число других скрытых территориально-этнических конфликтов входят русско-китайские, китайско-вьетнамские, японо-корейские и китайско-индийские пограничные вопросы; этнические волнения в провинции Синьцзян, а также китайско-индонезийские разногласия по поводу океанских границ (см. карту XXI).

Расстановка сил в регионе также не сбалансирована. Китай со своим ядерным арсеналом и огромными вооруженными силами явно является доминирующей военной державой (см. табл. на стр. 187). ВМС Китая уже приняли на вооружение стратегическую доктрину “активной прибрежной обороны”, стремясь в течение ближайших 15 лет приобрести океанские возможности “эффективного контроля за морями в пределах первой цепочки островов”, что означает территорию Тайваньского пролива и Южно-Китайского моря. Несомненно, военный потенциал Японии также растет, и в плане качества вооружений она не имеет себе равных в регионе. В настоящее время, однако, японские вооруженные силы не являются средством осуществления внешней политики Японии и в значительной степени рассматриваются в рамках американского военного присутствия в регионе.

Карта XXI

Укрепление позиций Китая уже способствовало тому, что его соседи по Юго-Восточной Азии стали с особым уважением относиться к его интересам. Следует отметить, что во время мини-кризиса в начале 1996 года, возникшего в связи с Тайванем (когда Китай затеял в какой-то мере угрожающие военные маневры и перекрыл воздушные и морские пути к зоне поблизости от Тайваня, тем самым вызвав демонстративное развертывание военно-морских сил США), министр иностранных дел Таиланда поспешил заявить, что такие действия являются нормальным явлением, его индонезийский коллега подчеркнул, что это исключительно дело Китая, а Филиппины и Малайзия объявили о своей политике нейтралитета по этому вопросу.

Отсутствие равновесия сил в регионе заставило Австралию и Индонезию, до этого достаточно настороженно относившихся друг к другу, начать все более активное взаимодействие в военной области. Обе страны не стали делать

Вооруженные силы стран Азии

	Личный состав Всего	Танки Всего	Истреби- тели Всего	Надводные корабли Всего	Подводные лодки Всего
Китай	3 030 000	9 400 (500) ³	5 224 (124)	57 (40)	53 (7)
Пакистан	577 000	1 890 (40)	336 (160)	11 (8)	6 (6)
Индия	1 100 000	3 500 (2700)	700 (374)	21 (14)	18 (12)
Таиланд	295 000	633 (313)	74 (18)	14 (6)	0 (0)
Сингапур	55 500	350 (0)	143 (6)	0 (0)	0 (0)
Северная Корея	1 127 000	4 200 (2225)	730 (136)	3 (0)	23 (0)
Южная Корея	633 000	1 860 (450)	334 (48)	17 (9)	3 (3)
Япония	237 700	1 200 (929)	324 (231)	62 (40)	17 (17)
Тайвань ¹	442 000	1 400 (0)	460 (10)	38 (11)	4 (2)
Вьетнам	857 000	1 900 (400)	240 (0)	7 (5)	0 (0)
Малайзия ²	114 500	26 (26)	50 (0)	2 (0)	0 (0)
Филиппины	106 500	41 (0)	7 (0)	1 (0)	0 (0)
Индонезия	270 900	235 (110)	54 (12)	17 (4)	2 (2)

¹ Тайвань имеет в своем распоряжении 150 истребителей F-16, 16 истребителей "Мираж" и 130 других видов реактивных истребителей; несколько военно-морских судов находятся в стадии строительства.

² Малайзия ведет переговоры о закупке восьми истребителей F-18 и, возможно, 18 истребителей МиГ-29.

³ Числа в скобках представляют передовые системы оружия.

Под личным составом имеются в виду все военнослужащие, состоящие на активной воинской службе; в число танков входят основные боевые танки, и легкие танки, в число истребителей — истребители класса "воздух — воздух" и штурмовые истребители наземного базирования, в число надводных кораблей — авианосцы, крейсера, эсминцы и фрегаты, в число подводных лодок — подводные лодки всех типов. К передовым системам оружия относятся системы, созданные не ранее середины 60-х годов с использованием передовых технологий, таких как лазерные дальномеры для танков

Источник: Отчет Главного контрольно-финансового управления "Последствия модернизации вооруженных сил Китая для Тихоокеанского региона", июнь 1995 года.

секрета из своей обеспокоенности долгосрочными перспективами военного господства Китая в регионе и необходимостью сохранения присутствия вооруженных сил США в регионе в качестве гаранта безопасности. Эта озабоченность также вынудила Сингапур рассмотреть возможность более тесного сотрудничества в области безопасности с этими странами. Фактически во всем регионе центральным, но до сих пор не получившим ответа вопросом, которым задаются стратеги, стал следующий: "Как долго сотня тысяч американских солдат сможет обеспечивать мир в самом густонаселенном и все более вооружающемся регионе мира и, в любом случае, как долго они будут оставаться в регионе?"

В этой нестабильной обстановке, характеризующейся растущим национализмом, увеличивающейся численностью населения, повышающимся благосостоянием, бурно растущими надеждами и соперничеством за власть, происходят поистине тектонические сдвиги в геополитическом ландшафте Восточной Азии:

- Китай, какими бы ни были его перспективы, представляет собой приобретающую влияние и потенциально господствующую державу.
- Роль Америки в обеспечении безопасности во все большей степени зависит от сотрудничества с Японией.
- Япония ищет возможности обеспечить себе более четкую и независимую политическую роль.
- Роль России значительно уменьшилась, в то время как когда-то находившаяся под влиянием России Средняя Азия стала объектом международного соперничества.
- Раздел Кореи становится менее прочным, в результате чего ее будущая ориентация вызывает все больший геостратегический интерес со стороны ее основных соседей.

Эти серьезные перемены придают особое значение двум центральным вопросам, вынесенным в начало главы.

КИТАЙ: НЕ МИРОВАЯ, НО РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА

История Китая является историей национального величия. Нынешний активный национализм китайского народа можно назвать новым лишь в смысле его социального распространения, так как он связан с самоопределением и эмоциями беспрецедентного числа китайцев. Национализм более не является явлением, распространенным в основном среди студентов, которые в первые годы этого столетия создали партии, ставшие предшественниками Гоминдана и Коммунистической партии Китая. Китайский национализм в настоящее время представляет собой массовое явление, определяющее умонастроения наиболее многочисленного по населению государства мира.

Эти умонастроения имеют исторические корни. История способствовала тому, чтобы китайская элита считала Китай естественным центром мира. На китайском языке слово, обозначающее Китай, — Chung-kuo, или “Срединное королевство”, — передает значение центрального положения Китая в делах мира и подчеркивает значение национального единства. Здесь также подразумевается иерархическое распространение влияния от центра к периферии, и, таким образом, Китай, будучи центром, ожидает почтительного отношения со стороны других стран.

Кроме того, с незапамятных времен Китай с его огромным населением имел собственную своеобразную и гордую цивилизацию. Были хорошо развиты все области: философия, культура, искусство, социальные навыки, техническая изобретательность и политическая власть. Китайцы помнят, что приблизительно до 1600 года Китай занимал ведущие позиции в мире по производительности сельскохозяйственного труда, промышленным нововведениям и уровню жизни. Однако, в отличие от европейской и исламской цивилизаций, которые породили около 75 государств, Китай большую часть своей истории оставался единым государством, которое во времена провозглашения независимости Америки уже насчитывало более 200 млн. человек и было ведущей промышленной державой мира.

С этой точки зрения утрата Китаем величия — последние 150 лет унижения Китая — является отклонением, осквернением особого положения Китая и личным оскорблением для каждого китайца. Такого положения быть не должно, и его виновники заслуживают соответствующего наказания. Этими виновниками в различной степени прежде всего являются Великобритания, Япония, Россия и Америка: Великобритания из-за “опиумной” войны и последовавшего за ней позорного унижения Китая; Япония из-за грабительских войн, не прекращавшихся на протяжении прошлого века и принесших ужасные (до сих пор не изжитые) страдания китайскому народу; Россия из-за длительного вторжения на китайские северные территории, а также из-за высокомерного равнодушия Сталина к чувству собственного достоинства Китая; наконец, Америка из-за того, что благодаря своему присутствию в Азии и поддержке Японии она стоит на пути осуществления внешних устремлений Китая.

С точки зрения китайцев, две из этих четырех держав уже наказаны, так сказать, историей: Великобритания пе-

рестала быть империей, и спуск флага “Юнион Джек” в Гонконге навсегда закрыл эту особенно болезненную главу в истории Китая; Россия по-прежнему рядом, хотя она значительно утратила свои позиции, престиж и территорию. В настоящее время наиболее серьезные проблемы для Китая представляют Америка и Япония, и именно во взаимодействии с этими странами в значительной степени определится региональная и глобальная роль Китая.

Это определение, однако, будет зависеть в первую очередь от того, как будет развиваться сам Китай, насколько могущественной экономической и военной державой он станет на самом деле. На этот счет прогнозы для Китая в основном многообещающи, хотя и не без некоторых существенных оговорок и неясностей. И темпы экономического развития Китая, и масштабы иностранных капиталовложений в Китае — и те и другие в числе самых высоких в мире — обеспечивают статистическую основу для традиционного прогноза о том, что в течение примерно двух десятилетий Китай станет мировой державой, равной Соединенным Штатам и Европе (при условии, что последняя и объединится, и еще более расширится). К этому времени по показателям ВВП Китай может значительно обогнать Японию, и он уже намного опережает Россию. Этот экономический импульс позволит Китаю приобрести военную мощь такого уровня, что он станет угрозой для всех своих соседей, возможно даже и для более удаленных географически противников осуществления чаяний Китая. Еще более укрепив свои позиции благодаря присоединению Гонконга и Макао и, возможно, в конечном счете благодаря политическому подчинению Тайваня, Великий Китай превратится не только в господствующее государство Дальнего Востока, но и в мировую державу первого ранга.

Однако в любом таком прогнозе о неизбежном возрождении “Срединного королевства” как центральной мировой державы имеются упущения, наиболее очевидным из которых является механическая зависимость от статистического прогноза. Именно эта ошибка была допущена много лет назад теми, кто предсказывал, что Япония обойдет Соединенные Штаты как ведущая экономически развитая страна мира и что ей суждено стать новой сверхдержавой. Такой взгляд не принимал во внимание ни фактора экономической уязвимости Японии, ни проблемы отсутствия непрерывности в политике, и та же ошибка повторяется теми, кто

заявляет (и боится этого) о неизбежном превращении Китая в мировую державу.

Во-первых, совсем не обязательно Китаю удастся сохранить бурные темпы роста в течение двух ближайших десятилетий. Нельзя исключать возможности уменьшения темпов экономического развития, и это само по себе снижает надежность прогноза. Фактически для сохранения этих темпов в течение исторически продолжительного периода времени потребуется необычно удачное сочетание эффективного национального руководства, политической стабильности, социальной дисциплины внутри страны, высокого уровня накоплений, сохранения очень высокого уровня иностранных капиталовложений и региональной стабильности. Сохранение всех этих позитивных факторов в течение длительного времени проблематично.

Кроме того, высокие темпы экономического роста Китая, по-видимому, будут иметь побочные политические последствия, которые могут ограничить его свободу действий. Потребление Китаем энергии уже растет такими темпами, что они намного превышают возможности внутреннего производства. Этот разрыв будет увеличиваться в любом случае, но он ускорится, если темпы экономического роста Китая будут оставаться очень высокими. Такое же положение сложилось и с продовольствием. Даже с учетом снижения темпов демографического роста население Китая продолжает увеличиваться в абсолютном выражении и импорт продовольствия приобретает все более важное значение для внутреннего благополучия и политической стабильности. Зависимость от импорта не только увеличит нагрузку на экономические ресурсы Китая из-за более высоких цен, но и сделает его более уязвимым к внешнему давлению.

В военном отношении Китай частично мог бы быть назван мировой державой, так как сами масштабы его экономики и ее высокие темпы роста должны позволить его руководству направить значительную часть ВВП страны на существенное расширение и модернизацию вооруженных сил, включая дальнейшее наращивание стратегического ядерного арсенала. Однако, если усилия будут чрезмерными — а согласно некоторым западным оценкам, в середине 90-х годов на эти нужды уже пошло около 20% ВВП Китая, — это может оказать такое же негативное влияние на долгосрочный экономический рост Китая, какое неудавшаяся попытка Советского Союза конкурировать в гонке вооруже-

ний с Соединенными Штатами оказала на советскую экономику. Кроме того, активная деятельность Китая в этой области, по-видимому, ускорит ответное наращивание вооружений Японией и тем самым сведет на нет политические преимущества растущего военного совершенства Китая. И не следует игнорировать тот факт, что, за исключением своих ядерных сил, Китай, по-видимому, еще в течение какого-то периода времени не будет располагать возможностями для оказания военного влияния за пределами своего региона.

Напряженность внутри Китая также может возрасти в результате неизбежно неравномерного характера ускоренного экономического роста, который в значительной степени обеспечивается неограниченным использованием преимуществ прибрежного государства. Прибрежные южные и восточные районы Китая, а также важнейшие городские центры — более доступные для иностранных капиталовложений и внешней торговли — до сих пор были в наибольшем выигрыше от впечатляющего экономического роста Китая. Напротив, сельскохозяйственные районы, расположенные в глубине страны, и некоторые из отдаленных районов в целом отстают в развитии (в них насчитывается около 100 млн. безработных сельскохозяйственных рабочих, и эта цифра продолжает расти).

Недовольство неравенством различных районов может дополниться возмущением по поводу социального неравенства. Быстрое развитие Китая увеличивает социальное неравенство. В определенный момент либо ввиду того, что правительство может попытаться ограничить это неравенство, либо в результате проявления социального недовольства снизу неравенство в развитии отдельных районов и неравенство в уровне жизни могут, в свою очередь, оказать влияние на политическую стабильность в стране.

Второй причиной осторожного скептицизма в отношении получившего широкое распространение прогноза о превращении Китая в течение ближайшей четверти века в доминирующую державу в мировых делах, безусловно, является дальнейшее политическое развитие Китая. Динамичный характер экономической трансформации Китая, включая его социальную открытость остальному миру, в далекой перспективе начнет противоречить относительно замкнутой и бюрократически жесткой коммунистической диктатуре. Провозглашенные коммунистические цели этой дик-

татуры во все большей степени перестают быть делом идеологической приверженности и во все большей степени становятся вопросом имущественных интересов бюрократического аппарата. Политическая элита Китая по-прежнему организована как автономная, жесткая, дисциплинированная и по-монополистически нетерпимая иерархия, по-прежнему ритуально заявляющая о своей верности догме, которая как бы оправдывает ее власть, но которую та же элита больше не претворяет в жизнь в социальном плане. В какой-то момент эти два жизненных измерения придут к фронтальному столкновению, если только китайская политическая жизнь не начнет постепенно приспосабливаться к социальным императивам китайской экономики.

Таким образом, нельзя будет бесконечно долго избегать вопроса демократизации, если только Китай внезапно не примет то же решение, что и в 1474 году, то есть изолировать себя от мира, в какой-то степени подобно Северной Корее. Для этого Китай должен будет отозвать более 70 тыс. своих студентов, в настоящее время обучающихся в Америке, изгнать иностранных бизнесменов, отключить свои компьютеры и снять спутниковые антенны с миллионов китайских домов. Это было бы актом сумасшествия, напоминанием о “культурной революции”. Возможно, на какой-то краткий момент в рамках внутренней борьбы за власть догматическое крыло правящей, но утрачивающей свои позиции Коммунистической партии Китая может попытаться последовать примеру Северной Кореи, но это возможно лишь как краткий эпизод. Скорее всего это послужило бы причиной экономического застоя, а затем вызвало бы политический взрыв.

В любом случае самоизоляция положила бы конец любым серьезным надеждам Китая не только на то, чтобы стать мировой державой, но даже на то, чтобы занять ведущее положение в регионе. Кроме того, страна слишком заинтересована в том, чтобы сохранить доступ в мир, и этот мир, в отличие от мира 1474 года, просто слишком навязчив, чтобы от него можно было успешно изолироваться. Вследствие этого у Китая практически нет экономически продуктивной и политически жизнеспособной альтернативы сохранению своей открытости миру.

Таким образом, необходимость демократизации будет все в большей степени преследовать Китай. Просто невозможно слишком долго избегать этого процесса и связанного

с ним вопроса прав человека. Будущий прогресс Китая, так же как и его превращение в одну из главных держав мира, будет в значительной степени зависеть от того, насколько умело правящая элита Китая сумеет решить две взаимосвязанные проблемы, а именно проблему передачи власти от нынешнего поколения правителей более молодой команде и проблему урегулирования растущего противоречия между экономической и политической системами страны.

Китайским лидерам, возможно, удастся осуществить медленный и постепенный переход к очень ограниченному электоральному авторитаризму, при котором будет проявлена терпимость к некоторому политическому выбору на низком уровне, и только после этого сделать шаг в сторону настоящего политического плюрализма, включая уделение большего внимания зарождающемуся конституционному правлению. Такой контролируемый переход был бы в большей степени совместим с императивами все более открытой экономики страны, чем упорное сохранение исключительной монополии партии на политическую власть.

Для осуществления такой контролируемой демократизации политическая элита Китая нуждается в чрезвычайно умелом руководстве, прагматическом здравом смысле, в сохранении относительного единства и в желании уступить часть своей монополии на власть (и личные привилегии), в то время как население в целом должно быть и терпеливым, и не слишком требовательным. Такого стечения благоприятных обстоятельств трудно достичь. Опыт учит, что требование демократизации, исходящее снизу: со стороны тех, кто чувствует себя ущемленным в политическом плане (интеллигенция и студенты) или экономически эксплуатируемым (новый городской рабочий класс и сельская беднота), как правило, опережает готовность правителей пойти на уступки. В какой-то момент политическая и социальная оппозиция в Китае скорее всего присоединится к силам, требующим расширения демократии, свободы самовыражения и соблюдения прав человека. Этого не произошло в 1989 году на площади Тяньаньмынь (Tiananmen), но вполне может случиться в следующий раз.

Таким образом, едва ли Китаю удастся избежать этапа политической нестабильности. Принимая во внимание размеры страны, реальную возможность разрастания региональных противоречий и наследство в виде почти 50 лет догматической диктатуры, эта фаза могла бы стать разруши-

тельной с точки зрения как политики, так и экономики. Даже сами китайские руководители ожидают чего-то подобного, поскольку в проведенном Коммунистической партией Китая в начале 90-х годов исследовании прогнозируется возможность серьезных политических волнений¹. Некоторые китайские эксперты даже пророчили, что Китай может оказаться на одном из исторических кругов внутреннего дробления, что может окончательно остановить его продвижение к величию. Однако вероятность подобного экстремального развития событий уменьшается благодаря двойному воздействию массового национализма и современных средств связи, поскольку и то и другое работает на единое китайское государство.

Существует, наконец, и третий повод для скептицизма относительно возможностей превращения Китая в течение ближайших двух десятилетий в действительно мощную — и, по мнению некоторых американцев, уже представляющую опасность — мировую державу. Даже если Китай избежит серьезных политических кризисов и даже если ему каким-то образом удастся удержать невероятно высокие темпы экономического роста в течение четверти века, — а оба эти условия уже являются трудновыполнимыми — страна, тем не менее, все равно останется очень бедной по сравнению с другими государствами. Даже при увеличении в 3 раза внутреннего валового продукта население Китая останется в последних рядах государств мира по доходам на душу населения, не говоря уже о действительной бедности значительной части китайского народа². Сравнительный

¹ **Official Document Anticipates Disorder During the Post-Deng Period** // Cheng Ming (Hong Kong). — 1995. — Febr. 1. Журнал дает краткое содержание двух аналитических исследований, подготовленных партийным руководством и касающихся различных форм возможных волнений. Западный прогноз на ту же тему приведен в статье: **Richard Baum**, *China After Deng: Ten Scenarios in Search of Reality* // China Quarterly. — 1996. — March.

² В довольно оптимистичном докладе, озаглавленном “Экономика Китая в преддверии XXI века” (“Zou xiang 21 shi ji de Zhongguo jinji”), опубликованном в 1996 году Китайским институтом количественных экономических и технологических исследований, было подсчитано, что в 2010 году доход на душу населения в Китае составит приблизительно 735 долл., или будет примерно на 30 долл. выше, чем цифра, установленная Всемирным банком для стран с низким уровнем доходов.

уровень доступа к телефонам, автомашинам и компьютерам на душу населения, не считая потребительские товары, будет очень низок.

Подытожим сказанное: весьма маловероятно, что к 2020 году даже при наиболее благоприятном стечении обстоятельств Китай станет по ключевым показателям действительно *мировой* державой. Но и при таком раскладе страна делает значительные шаги, позволяющие стать доминирующей *региональной* державой в Восточной Азии. Китай уже является наиболее влиятельным в геополитическом плане государством на материке. Его военная и экономическая мощь не идет ни в какое сравнение с возможностями ближайших соседей, за исключением Индии. Поэтому вполне естественно, что Китай будет все больше упрочивать свои позиции в регионе, сообразуясь с требованиями своей истории, географии и экономики.

Китайские учащиеся знают из истории своей страны, что еще в 1840 году Китайская империя простиралась по территории Юго-Восточной Азии, по Малаккскому проливу, включала Бирму, районы сегодняшней Бангладеш, а также Непал, районы сегодняшнего Казахстана, всю Монголию и регион, который в настоящее время называется российским Дальним Востоком, к северу от того места, где река Амур впадает в океан (см. карту III). Эти районы либо находились в какой-то форме под китайским контролем, либо платили Китаю дань. В 1885—1895 годах франко-британская колониальная экспансия ослабила китайское влияние в Юго-Восточной Азии, в то время как договоры, навязанные Россией в 1858 и 1864 годах, привели к территориальным потерям на Северо-Востоке и Северо-Западе. В 1895 году, после китайско-японской войны, Китай потерял и Тайвань.

Почти наверняка история и география заставят китайцев со временем проявлять все большую настойчивость — даже эмоционально окрашенную — в отношении необходимости воссоединения Тайваня с материковой частью Китая. Разумно было бы также предположить, что Китай по мере роста своего могущества сделает это главной задачей первого десятилетия следующего века, после экономического поглощения и политического “переваривания” Гонконга. Возможно, мирное объединение — скажем, по формуле “одна нация, несколько систем” (вариант лозунга, выдвинутого Дэн Сяопином в 1984 г.: “одна страна, две системы”) — окажется привлекательным для Тайваня и не вызовет возра-

жений со стороны Америки, но только в том случае, если Китаю удастся сохранить темпы экономического роста и провести важные демократические реформы. В противном случае, даже у доминирующего в регионе Китая не будет военных средств для навязывания своей воли, особенно ввиду противодействия США, и в этом случае проблема по-прежнему будет подпитывать китайский национализм, управляя американо-китайские отношения.

Географический фактор также является важной составляющей интереса Китая к созданию союза с Пакистаном и обеспечению своего военного присутствия в Бирме. В обоих случаях геостратегической целью является Индия. Тесное военное сотрудничество Китая с Пакистаном осложняет решение стоящих перед Индией проблем безопасности и ограничивает ее возможности стать лидером в Южной Азии и геополитическим соперником Китая. Военное сотрудничество с Бирмой открывает для последнего доступ к военным объектам на нескольких бирманских прибрежных островах в Индийском океане, тем самым предоставляя ему новые стратегические рычаги в Юго-Восточной Азии вообще и в Малаккском проливе в частности. Если бы Китай контролировал Малаккский пролив и геостратегическую "артерию" в Сингапуре, он удерживал бы под своим контролем подходы Японии к ближневосточной нефти и европейским рынкам.

Географический фактор, подкрепленный историей, диктует Китаю и интерес к Корее. Объединенная Корея, некогда государство, платившее Китаю дань, в качестве зоны распространения американского (и косвенным образом также японского) влияния стала бы невыносимым ударом для Пекина. Самое меньшее, на чем настаивал бы Китай, это чтобы объединенная Корея была нейтральным буфером между Китаем и Японией и, кроме того, Китай рассчитывал бы, что имеющая исторические корни враждебность Кореи по отношению к Японии сама по себе втянет Корею в сферу китайского влияния. Пока, однако, разделенная Корея больше устраивает Китай, и, таким образом, Китай, по всей видимости, будет выступать за сохранение северокорейского режима.

Экономические соображения также обязательно повлияют на активное проявление честолюбивых региональных замыслов. В этом отношении быстро усиливающаяся потребность в новых источниках энергии уже заставила Ки-

тай предпринимать настойчивые попытки добиться лидирующих позиций в области эксплуатации странами региона месторождений прибрежного шельфа в Южно-Китайском море. По той же причине Китай начинает демонстрировать все больший и больший интерес к вопросам независимости богатых ресурсами стран Средней Азии. В апреле 1996 года Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан подписали совместное соглашение о границах и безопасности, а во время визита в Казахстан в июле того же года председатель Цзян Цзэминь, как утверждают, гарантировал поддержку Китаем “предпринимаемых Казахстаном усилий по защите своей независимости, суверенитета и территориальной целостности”. Сказанное выше ясно показывает все более активное вмешательство Китая в геополитику в Среднеазиатском регионе.

История и экономика, кроме того, сообща подпитывают интерес имеющего более сильные позиции в регионе Китая к российскому Дальнему Востоку. Впервые с тех пор, как Россию и Китай стала разделять официальная граница, последний является более динамичной и политически более сильной стороной. Проникновение на российский Дальний Восток китайских иммигрантов и торговцев уже приняло значительные масштабы, и Китай проявляет все большую активность, развивая экономическое сотрудничество в Северной Азии, в котором большую роль играют также Япония и Корея. В этом сотрудничестве у России в настоящий момент значительно более слабые позиции, в то время как российский Дальний Восток испытывает все большую зависимость от укрепления связей с китайской Маньчжурией. Те же экономические силы определяют и характер отношений Китая с Монголией, которая больше не является союзницей России и чью официальную независимость Китай нехотя признал.

Китайская сфера регионального влияния, таким образом, находится в стадии становления. Однако сферу влияния не следует смешивать с зоной исключительного политического доминирования, с характером отношений, которые были у Советского Союза с Восточной Европой. В социально-экономическом плане это влияние является более свободным, а в политическом — менее монополистическим. Тем не менее в результате формируется географическое пространство, в котором различные государства при разработке собственной политики с особым уважением от-

носятся к интересам, мнению и предполагаемой реакции доминирующей в этом регионе державы. Короче говоря, китайскую сферу влияния — возможно, точнее было бы ее назвать “сферой уважения” — можно определить как район, где первым задаваемым в столицах находящихся на этой территории стран в случае возникновения любой проблемы является вопрос: “Что думает по этому поводу Пекин?”

На картах XXII и XXIII показаны зоны возможного регионального доминирования Китая в ближайшую четверть века, а также Китая в качестве мировой державы в том случае, если — несмотря на отмеченные выше внутренние и внешние препятствия — он действительно таковой станет. Имеющий преобладающее влияние в регионе Большой Китай, который бы мобилизовал политическую поддержку своей чрезвычайно богатой и экономически сильной диаспоры в Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Маниле и Джакарте, не говоря уже о Тайване и Гонконге (некоторые поразительные данные см. ниже в сноске)³, и который бы проник как в Центральную Азию, так и на российский Дальний Восток, приблизился бы по своей площади к размерам Китайской империи до начала ее упадка примерно 150 лет назад и даже расширил бы свою геополитическую зону в результате союза с Пакистаном. По мере того как Китай будет набирать мощь и укреплять свой престиж, проживаю-

³ По сообщению “Yazhou Zhoukan” (Asiaweek) (1994. — Sept. 25), совокупные активы 500 ведущих компаний Юго-Восточной Азии, владельцами которых являются китайцы, составили около 540 млрд. долл. По другим оценкам, они еще значительнее: по сообщению “International Economy” (1996. — Nov. — Dec.), ежегодный доход 50 млн. китайцев, живущих за рубежом, примерно составлял указанную выше цифру и, таким образом, по грубым расчетам, был равен валовому внутреннему продукту самого Китая. Утверждалось, что проживающие за границей китайцы контролируют около 90% экономики Индонезии, 75% экономики Таиланда, 50—60% малайзийской экономики, а также полностью контролируют экономику Тайваня, Гонконга и Сингапура. Озабоченность таким положением дел даже заставила бывшего посла Индонезии в Японии публично предупредить об “экономической интервенции Китая в регионе”, результатом которой может стать не только извлечение пользы из такого китайского присутствия, но и создание поддерживаемых Китаем “марионеточных правительств” (Saydiman Suryohadiprojo. How to Deal with China and Taiwan // Asahi Shimbun (Tokyo). — 1996. — 23 Sept.)

Карта XXII

щие в других странах богатые китайцы, по-видимому, все больше будут отождествлять свои интересы с устремлениями Китая и, таким образом, станут мощным авангардом китайского имперского наступления. Государства Юго-Восточной Азии могут найти разумным учет политических настроений и экономических интересов Китая, и они все чаще принимают их во внимание⁴. Точно так же и молодые государства Средней Азии все больше рассматривают Ки-

⁴ “В этой связи симптоматичным был опубликованный в Бангкоке в англоязычной ежедневной газете “*The Nation*” (1997. — March 31) отчет о визите в Пекин тайского премьер-министра Чавалита Ёнгчайюдха (Chavalit Yongchaiyudh). Цель визита была определена как создание прочного стратегического союза с Большим Китаем. Сообщалось, что руководство Таиланда “признало Китай сверхдержавой, обладающей влиянием в мире”, и что оно изъявило желание сыграть роль “моста между Китаем и АСЕАН”. Сингапур пошел еще дальше, подчеркивая свою общность с Китаем.

тай как страну, кровно заинтересованную в их независимости и в том, чтобы они играли роль буфера в отношениях между Китаем и Россией.

Сфера влияния Китая как мировой державы, вероятнее всего, будет в значительной мере вытянута на юг, причем и Индонезия, и Филиппины вынуждены будут смириться с тем, что китайский флот господствует в Южно-Китайском море. Такой Китай может испытать большое искушение решить вопрос с Тайванем силой, игнорируя позицию США. На Западе в поддержку выравнивающего расстановку сил Китая может выступить Узбекистан, государство Средней Азии, которое проявляет наибольшую решимость противостоять посягательствам России на свои бывшие владения; такую же позицию может занять Туркменистан; Китай также может почувствовать себя увереннее и в этнически расколотом и, следовательно, в области национальных отношений более уязвимом Казахстане. Став настоящим политическим и экономическим гигантом, Китай сможет также оказывать более откровенное политическое влияние на российский Дальний Восток, в то же время поддерживая объединение Кореи под своим покровительством (см. карту XXII).

Однако такое разрастание Китая может встретить и сильную внешнюю оппозицию. На предыдущей карте ясно видно, что на западе как у России, так и у Индии были бы серьезные геополитические причины для заключения союза, с тем чтобы заставить Китай отказаться от его притязаний. Интерес к сотрудничеству между ними, по-видимому, будет вызван главным образом районами Средней Азии и Пакистана, где Китай больше всего угрожал бы им. На юге наибольшее противодействие исходило бы от Вьетнама и Индонезии (возможно, при поддержке Австралии). На востоке Америка, возможно, при поддержке Японии будет проявлять отрицательную реакцию на любые попытки Китая добиться превосходства в Корее и силой присоединить к себе Тайвань, действия, которые ослабили бы американское политическое присутствие на Дальнем Востоке, ограничив его потенциально нестабильным и единственным форпостом в Японии.

В конечном счете вероятность полной реализации любого из перечисленных выше сценариев, отраженных на картах, зависит не только от хода развития самого Китая, но в значительной степени и от действий США и их присут-

ствия. Оставшаяся не у дел Америка сделала бы наиболее вероятным развитие событий в соответствии со вторым сценарием, однако даже полная реализация первого сценария потребовала бы от США приспособления и самоограничения. Китайцам это известно, и таким образом китайская политика должна быть главным образом направлена на оказание влияния на действия Соединенных Штатов и особенно на крайне важные связи между США и Японией, при этом во взаимоотношениях Китая с другими государствами тактика должна меняться с учетом этого стратегического интереса.

Главная причина нелюбви Китая к Америке в меньшей степени связана с поведением США, скорее она вызвана тем, что Америка представляет собой в настоящее время и где она находится. Китай считает современную Америку мировым гегемоном, одно только присутствие которого в регионе, основанное на его авторитете в Японии, сдерживает процесс расширения китайского влияния. По словам китайского исследователя, сотрудника отдела исследований Министерства иностранных дел Китая, “стратегической целью США является стремление к господству во всем мире, и они не могут смириться с появлением любой другой крупной державы на Европейском или Азиатском континенте, которое будет представлять собой угрозу их лидирующему положению”⁵. Следовательно, просто из-за того, что США являются тем, что они есть, и находятся на том уровне развития, на котором находятся, они непреднамеренно становятся противником Китая, вместо того чтобы быть их естественным союзником.

Поэтому задача китайской политики — в соответствии с древней стратегической мудростью Сунь Цзы (Sun Tsu) — использовать американскую мощь для того, чтобы мирным путем “нанести поражение” ее гегемонии в регионе, однако не пробуждая при этом скрытых японских региональных

⁵ Song Yimin. A Discussion of the Division and Grouping of Forces in the World After the End of the Cold War // *International Studies*. — 1996. — No 6—8. — P. 10 (Китайский институт международных исследований). О том, что эта оценка Америки отражает мнение высшего руководства Китая, свидетельствует тот факт, что более сжатый вариант анализа появился в выпускаемом массовым тиражом печатном органе Коммунистической партии Китая “Жэньминь жибао” от 29 апреля 1996 г.

устремлений. В конечном счете геостратегия Китая должна одновременно преследовать две цели, в несколько завуалированном виде определенные в августе 1994 года Дэн Сяопином: “Первое — противостоять гегемонизму и политике силы и защищать мир; второе — создать новый международный политический и экономический порядок”. Первая задача, очевидно, направлена против интересов США и имеет своей целью уменьшить американское превосходство, тщательно избегая при этом военного столкновения, которое положило бы конец продвижению Китая вперед к экономическому могуществу; вторая задача — пересмотреть расстановку сил в мире, используя недовольство некоторых наиболее развитых государств нынешней неофициальной иерархией, в которой наверху располагаются США, при поддержке Европы (или Германии) на крайнем западе Евразии и Японии на крайнем востоке.

Вторая цель Китая предполагает воздержание Пекина от каких-либо серьезных конфликтов с ближайшими соседями, даже продолжая вести поиск путей достижения регионального превосходства. Особенно своевременно налаживание китайско-российских отношений, в частности, потому, что Россия в настоящее время слабее Китая. В связи с этим в апреле 1997 года обе страны осудили “гегемонизм” и назвали расширение НАТО “непозволительным”. Однако едва ли Китай будет всерьез рассматривать вопрос о долгосрочном и всеобъемлющем российско-китайском альянсе против США. Это бы углубило и расширило американо-японский союз, который Китаю хотелось бы постепенно расстроить, кроме того, это оторвало бы Китай от жизненно важных для него источников получения современной технологии и капитала.

Как и в российско-китайских отношениях, Китаю удобно избегать каких-либо прямых столкновений с Индией, даже продолжая сохранять тесное военное сотрудничество с Пакистаном и Бирмой. Политика открытого антагонизма сыграла бы плохую службу, осложнив тактические выгоды сближения с Россией и в то же время толкая Индию на расширение сотрудничества с Америкой. Поскольку Индия также разделяет глубоко лежащие и в определенной степени антизападные настроения, направленные против существования мировой “гегемонии”, снижение напряженности в китайско-индийских отношениях также гармонично вписывается в более широкий геостратегический спектр.

Те же соображения в целом применимы и к нынешним отношениям Китая со странами Юго-Восточной Азии. Даже заявляя в одностороннем порядке о своих притязаниях на Южно-Китайское море, китайцы в то же время поддерживают отношения с руководителями стран Юго-Восточной Азии (за исключением исторически враждебно относящегося к Китаю Вьетнама), используют самые откровенно выраженные антизападные настроения (в частности, по вопросу о западных ценностях и правах человека), которые в последние годы демонстрировали руководители Малайзии и Сингапура. Они с особой радостью приветствовали порой откровенно резкие антиамериканские выпады премьер-министра Малайзии Датука Махатхира, который в мае 1996 года на форуме в Токио даже публично поставил под сомнение необходимость американо-японского договора о безопасности, поинтересовавшись, от какого врага альянс предполагает защищаться, и заявив, что Малайзия не нуждается в союзниках. Китайцы явно рассчитывают, что их влияние в данном регионе автоматически усилится в результате ослабления позиций США.

Аналогичным образом настойчивое давление, похоже, является основным мотивом нынешней политики Китая в отношении Тайваня. Занимая бескомпромиссную позицию по вопросу о международном статусе Тайваня, — в такой степени, что он даже готов преднамеренно нагнетать международную напряженность, чтобы убедить всех в серьезном отношении Китая к данному вопросу (как в марте 1996 г.), — китайские руководители, по-видимому, осознают, что в настоящее время им по-прежнему не по силам добиться устраивающего их решения. Они понимают, что необдуманный расчет на силу лишь ускорит самоубийственное столкновение с Америкой, одновременно укрепляя роль США как гаранта мира в регионе. Более того, сами китайцы признают, что от успешности сделанного первого шага — присоединения Гонконга к Китаю — будет в значительной степени зависеть, станет ли реальным создание Большого Китая.

Сближение, которое имеет место в отношениях Китая с Южной Кореей, также является частью политики консолидации по флангам, с тем чтобы иметь возможность сосредоточить основные силы на главном направлении. Принимая во внимание китайскую историю и настроения масс, само по себе китайско-корейское сближение способствует ослаблению роли, которую Япония может сыграть в регионе,

и готовит почву для восстановления более традиционных отношений между Китаем и (либо объединившейся, либо все еще расколотой) Кореей.

Наиболее важно то, что мирное укрепление позиций Китая в регионе облегчит ему достижение главной цели, которую древний китайский стратег Сунь Цзы (Sun Tsu) сформулировал бы следующим образом: *размыть американскую власть в регионе до такой степени, чтобы ослабленная Америка почувствовала необходимость сделать пользующийся региональным влиянием Китай своим союзником, а со временем иметь Китай, ставший влиятельной мировой державой, своим партнером.* К этой цели нужно стремиться и ее нужно добиваться таким образом, чтобы не подстегнуть ни расширения оборонительных масштабов американо-японского альянса, ни замены американского влияния в регионе японским.

Дабы ускорить достижение главной цели, Китай старается помешать упрочению и расширению американо-японского сотрудничества в области обороны. Китай был особо обеспокоен предполагаемым расширением масштабов американо-японского сотрудничества в начале 1996 года от более узких рамок — “Дальний Восток” до более широких — “Азиатско-Тихоокеанский регион”, видя в этом не только непосредственную угрозу своим интересам, но и отправную точку для создания азиатской системы безопасности под патронажем США, направленной на сдерживание Китая (в которой Япония играет ведущую роль⁶, очень похожую на

⁶ Тщательное изучение якобы существующего у США намерения создать подобную антикитайскую азиатскую систему содержится в работе Ван Чуньина (Wang Chunyin. Looking Ahead to Asia — Pacific Security in the Early Twenty — first Century // World Outlook. — 1996. — Febr.).

Другой китайский аналитик утверждает, что американо-японский договор о безопасности был видоизменен и превратился из “оборонительного щита” в “острие атаки” против Китая (Yang Baijiang. Implications of Japan — US. Security Declaration Outlined // Contemporary International Relations. — 1996. — June 20). 31 января 1997 г. авторитетный ежедневный печатный орган Коммунистической партии Китая “Жэньминь жибао” опубликовал статью под названием “Укрепление военного альянса не соответствует духу времени”, в которой пересмотр масштабов американо-японского военного сотрудничества был осужден как “опасный шаг”.

ту, которую играла Германия в НАТО в годы холодной войны). Соглашение было в целом расценено в Пекине как способ, облегчающий в дальнейшем превращение Японии в крупную военную державу, возможно даже способную сделать ставку на силу для самостоятельного преодоления остающихся нерешенными экономических и морских разногласий. Таким образом, Китай, по-видимому, будет энергично подогревать все еще сильные в Азии опасения сколь-либо важной военной роли Японии в регионе, с тем чтобы сдерживать США и запугать Японию.

Однако в более отдаленном будущем, по китайским стратегическим расчетам, американская гегемония не сможет удержаться. Хотя некоторые китайцы, особенно военные, склонны рассматривать Америку как непримиримого врага, в Пекине надеются, что Америка окажется в большей изоляции в регионе из-за того, что, чрезмерно полагаясь на Японию, она будет все больше зависеть от нее при одновременном усилении американско-японских противоречий и боязни американцами японского милитаризма. Это даст Китаю возможность натравить США и Японию друг на друга, как он уже это делал раньше, столкнув США и СССР. По мнению Пекина, наступит время, когда Америка поймет, что для того, чтобы сохранить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ей ничего больше не остается, как обратиться к своему естественному партнеру в материковой Азии.

ЯПОНИЯ: НЕ РЕГИОНАЛЬНАЯ, А МИРОВАЯ ДЕРЖАВА

Таким образом, для геополитического будущего Китая имеет решающее значение то, как развиваются американско-японские отношения. После окончания гражданской войны в Китае в 1949 году американская политика на Дальнем Востоке опиралась на Японию. Сначала Япония была лишь местом пребывания американских оккупационных войск, но со временем стала основой американского военно-политического присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе и важным глобальным союзником Америки, хотя одновременно и надежным протекторатом. Возникновение Китая, однако, ставит вопрос: могут ли — и с какой целью — выжить тесные американско-японские отношения в изменяю-

щемся региональном контексте? Роль Японии в антикитайском союзе была бы ясна; но какой должна быть роль Японии, если с окрепшим Китаем следует каким-то образом найти взаимопонимание, даже если бы это и ослабило американское первенство в регионе?

Как и Китай, Япония является государством-нацией с глубоко врожденным сознанием своего уникального характера и особого статуса. Ее островная история, даже ее имперская мифология предрасполагают очень трудолюбивых и дисциплинированных японцев к тому, что они считают, будто им ниспослан свыше особенный и исключительный образ жизни, который Япония защищала сперва блестящей изоляцией, а затем, когда мир вступил в XIX век, последовав примеру европейских империй в стремлении создать свою собственную на Азиатском материке. После этого катастрофа во второй мировой войне сосредоточила внимание японцев на одномерной задаче экономического возрождения, но также оставила их в неуверенности относительно более широкой миссии их страны.

Нынешняя американская боязнь господства Китая напоминает относительно недавнюю американскую паранойю в отношении Японии. Японофобия превратилась теперь в синофобию. Всего лишь десятилетие назад предсказания неизбежного и надвигающегося появления Японии как мировой сверхдержавы — готовой не только свергнуть с трона Америку (даже выкупить ее долю!), но и навязать своего рода “японский мир” (*Rex Nipponica*) — были настоящей разменной монетой среди американских комментаторов и политиков. Да и не только среди американских. Сами японцы стали вскоре страстными подражателями, причем в Японии появилась серия бестселлеров, выдвигавших на обсуждение тезис о том, что предназначение Японии в том, чтобы одержать победу в соперничестве с Соединенными Штатами в области высоких технологий, и что Япония скоро станет центром мировой “информационной империи”, в то время как Америка якобы будет скатываться вниз из-за исторической усталости и социального сибаритства.

Этот поверхностный анализ помешал увидеть, до какой степени Япония была и остается уязвимой страной. Она уязвима перед малейшими нарушениями в четком мировом потоке ресурсов и торговли, не говоря уж о мировой стабильности в более общем смысле, и ее постоянно донимают внутренние слабости — демографические, социальные и

политические. Япония одновременно богатая, динамичная и экономически мощная, но также и регионально изолированная и политически ограниченная из-за своей зависимости в области безопасности от могущественного союзника, который, как оказалось, является главным хранителем мировой стабильности (от которой так зависит Япония), а также главным экономическим соперником Японии.

Вряд ли нынешнее положение Японии — с одной стороны, как всемирно уважаемого центра власти, а с другой — как геополитической пролонгации американской мощи — останется приемлемым для новых поколений японцев, которых больше не травмирует опыт второй мировой войны и которые больше не стыдятся ее. Как по причинам историческим, так и по причинам самоуважения Япония — страна, которая не полностью удовлетворена глобальным статус-кво, хотя и в более приглушенной степени, чем Китай. Она чувствует, с некоторым оправданием, что имеет право на официальное признание как мировая держава, но также осознает, что регионально полезная (и для ее азиатских соседей обнадеживающая) зависимость от Америки в области безопасности сдерживает это признание.

Более того, растущая мощь Китая на Азиатском континенте наряду с перспективой, что его влияние может вскоре распространиться на морские районы, имеющие экономическое значение для Японии, усиливает чувство неопределенности японцев в отношении геополитического будущего их страны. С одной стороны, в Японии существует сильное культурное и эмоциональное отождествление с Китаем, а также скрытое чувство азиатской общности. Некоторые японцы, возможно, чувствуют, что появление более сильного Китая создает эффект повышения значимости Японии для Соединенных Штатов, поскольку региональная первостепенность Америки снижается. С другой стороны, для многих японцев Китай — традиционный соперник, бывший враг и потенциальная угроза стабильности в регионе. Это делает связь с Америкой в области безопасности важной как никогда, даже если это усилит негодование некоторых наиболее националистически настроенных японцев в отношении раздражающих ограничений политической и военной независимости Японии.

Существует поверхностное сходство между японским положением на евразийском Дальнем Востоке и германским на евразийском Дальнем Западе. Обе страны явля-

ются основными региональными союзницами Соединенных Штатов. Действительно, американское могущество в Европе и Азии является прямым следствием тесных союзов с этими двумя странами. Обе имеют значительные вооруженные силы, но ни одна из них не является независимой в этом отношении: Германия скована своей интеграцией в НАТО, в то время как Японию сдерживают ее собственные (хотя составленные Америкой) конституционные ограничения и американо-японский договор о безопасности. Обе являются центрами торговой и финансовой власти, доминирующими в регионе, а также выдающимися странами в мировом масштабе. Обе можно классифицировать как квазиглобальные державы, и обеих раздражает то, что их формально не признают, отказывая в предоставлении постоянного места в Совете Безопасности ООН.

Но различия в геополитических условиях этих стран чреваты потенциально важными последствиями. Нынешние отношения Германии с НАТО ставят страну на один уровень с ее главными европейскими союзниками, и по Североатлантическому договору Германия имеет официальные взаимные военные обязательства с Соединенными Штатами. Американо-японский договор о безопасности оговаривает американские обязательства по защите Японии, но не предусматривает (даже формально) использование японских вооруженных сил для защиты Америки. В действительности договор узаконивает протекционистские отношения.

Более того, из-за проактивного членства Германии в Европейском Союзе и НАТО те соседи, которые в прошлом стали жертвами ее агрессии, больше не считают ее для себя угрозой, а, наоборот, рассматривают как желанного экономического и политического партнера. Некоторые даже приветствуют возможность возникновения возглавляемой Германией Срединной Европы (Mittleuropa), причем Германия рассматривается как неопасная региональная держава. Со всем не так обстоит дело с азиатскими соседями Японии, которые испытывают давнюю враждебность к ней еще со второй мировой войны. Фактором, способствующим обиде соседей, является возрождение иены, которое не только вызывает горькие жалобы, но и мешает примирению с Малайзией, Индонезией, Филиппинами и даже Китаем, у которых 30% долгосрочного долга Японии исчисляется в иенах.

У Японии также нет в Азии такого партнера, как Франция у Германии, то есть подлинного и более или менее рав-

ного в регионе. Правда, существует сильное культурное притяжение к Китаю, смешанное, пожалуй, с чувством вины, но это притяжение политически двусмысленно в том, что ни одна сторона не доверяет другой и ни одна не готова принять региональное лидерство другой. У Японии нет эквивалента германской Польши, то есть более слабого, но геополитически важного соседа, примирение и даже сотрудничество с которым становятся реальностью. Возможно, Корея, особенно после будущего объединения, могла бы стать таким эквивалентом, но японо-корейские отношения только формально хорошие, так как корейские воспоминания о прошлом господстве и японское чувство культурного превосходства препятствуют подлинному примирению⁷. Наконец, отношения Японии с Россией стали гораздо прохладнее, чем отношения Германии с Россией. Россия все еще удерживает силой южные Курильские острова, которые захватила накануне окончания второй мировой войны, замораживая тем самым российско-японские отношения. Короче говоря, Япония политически изолирована в своем регионе, в то время как Германия — нет.

Кроме того, Германия разделяет со своими соседями как общие демократические принципы, так и более широкое христианское наследие Европы. Она также стремится идентифицировать и даже возвысить себя в рамках административной единицы и общего дела, значительно большего, чем она сама, а именно Европы. В противоположность этому не существует сопоставимой “Азии”. Действительно, островное прошлое Японии и даже ее нынешняя демократическая система имеют тенденцию отделять ее от остального региона, несмотря на возникновение демократий в некоторых азиатских странах в последние годы. Многие азиаты рассматривают Японию не только как национально эгоистичную, но и как чрезмерно подражающую Западу и не склонную присоединяться к ним в оспаривании мнения Запада относительно прав человека и важности индивидуализма. Таким образом, Япония воспринимается многими азиатами не как подлинно азиатская страна, даже несмотря на то, что Запад иногда интересуется, до какой степени Япония действительно стала западной.

⁷“The Japan Digest” (25 февраля 1997 г.) сообщила, что, согласно проведенному правительством опросу общественного мнения, только 36% японцев дружелюбно относятся к Южной Корее.

В действительности, хотя Япония и находится в Азии, она не в достаточной степени азиатская страна. Такое положение значительно ограничивает ее геостратегическую свободу действий. Подлинно региональный выбор, выбор доминирующей в регионе Японии, которая затмевает Китай, — даже если базируется больше не на японском господстве, а скорее на возглавляемом Японией плодотворном региональном сотрудничестве — не кажется жизнеспособным по веским историческим, политическим и культурным причинам. Более того, Япония остается зависимой от американского военного покровительства и международных спонсоров. Отмена или даже постепенное выхолащивание американо-японского Договора о безопасности сделали бы Японию постоянно уязвимой перед крахом, который могли бы вызвать любые серьезные проявления региональных или глобальных беспорядков. Единственная альтернатива тогда: либо согласиться с региональным господством Китая, либо осуществить широкую — и не только дорогостоящую, но и очень опасную — программу военного перевооружения.

Понятно, что многие японцы находят нынешнее положение их страны — одновременно квазиглобальной державы и протектората в части безопасности — аномальным. Но важные и жизнеспособные альтернативы существующему устройству не являются очевидными. Если можно сказать, что национальная цель Китая, невзирая на неизбежное разнообразие мнений среди китайских стратегов по конкретным вопросам, достаточно ясна и региональное направление геостратегических амбиций Китая относительно предсказуемо, то геостратегическая концепция Японии кажется относительно туманной, а настроение японской общественности — гораздо более неопределенным.

Большинство японцев понимают, что стратегически важное и внезапное изменение курса может быть опасным. Может ли Япония стать региональной державой там, где она все еще является объектом неприязни и где Китай возникает как регионально доминирующая держава? Должна ли Япония просто молча согласиться с такой ролью Китая? Может ли Япония стать подлинно обширной глобальной державой (во всех проявлениях), не рискуя американской поддержкой и не вызывая еще большую враждебность в регионе? И останется ли Америка в Азии в любом случае, и если да, то как ее реакция на растущее влияние Китая скажется на приоритете, который до сих пор отдавался амери-

кано-японским связям? В течение большого периода холодной войны эти вопросы никогда не поднимались. Сегодня они стали стратегически важными и вызывают все более оживленные споры в Японии.

С 50-х годов японскую внешнюю политику направляли четыре основных принципа, провозглашенные послевоенным премьер-министром Сигеру Ёсидой. Доктрина Ёсиды провозглашает: 1) основной целью Японии должно быть экономическое развитие; 2) Япония должна быть легко вооружена и избегать участия в международных конфликтах; 3) Япония должна следовать за политическим руководством Соединенных Штатов и принимать военную защиту от Соединенных Штатов; 4) японская дипломатия должна быть неидеологизированной и уделять первоочередное внимание международному сотрудничеству. Однако, поскольку многие японцы чувствовали беспокойство из-за степени участия Японии в холодной войне, одновременно культивировался вымысел о полунейтралитете. Действительно, в 1981 году министр иностранных дел Масаёси Ито был вынужден уйти в отставку из-за того, что использовал термин “союз” (“домей”) для характеристики американо-японских отношений.

Все это теперь в прошлом. Япония была в стадии восстановления, Китай самоизолировался, и Евразия разделилась на противоположные лагеря. Сейчас наоборот: японская политическая элита чувствует, что богатая Япония, экономически связанная с миром, больше не может ставить самообогащение центральной национальной задачей, не вызвав международного недовольства. Далее, экономически могущественная Япония, особенно та, которая конкурирует с Америкой, не может быть просто продолжением американской внешней политики, одновременно избегая любой международной политической ответственности. Более влиятельная в политическом отношении Япония, особенно та, которая добивается мирового признания (например, постоянного места в Совете Безопасности ООН), не может не занимать определенной позиции по наиболее важным вопросам безопасности или геополитическим вопросам, затрагивающим мир во всем мире.

В результате последние годы были отмечены многочисленными специальными исследованиями и докладами, подготовленными различными японскими общественными и частными организациями, а также избытком часто противо-

речивых книг известных политиков и профессоров, намечающих в общих чертах новые задачи для Японии в эпоху после холодной войны⁸. Во многих из них строились догадки относительно продолжительности и желательности американо-японского союза в области безопасности и отстаивалась более активная японская дипломатия, особенно в отношении Китая, или более энергичная роль японских военных в регионе. Если бы пришлось оценивать состояние американо-японских связей на основании общественного диалога, то был бы справедливым вывод о том, что к середине 1990-х годов отношения между двумя странами вступили в критическую стадию.

Однако на уровне народной политики серьезно обсуждаемые рекомендации были в целом относительно сдержанными, взвешенными и умеренными. Радикальные альтерна-

⁸ Например, Комиссия Хигути, консультативный совет при премьер-министре, который наметил “три столпа японской политики безопасности” в докладе, опубликованном летом 1994 года, подчеркнула первостепенность американо-японских связей в области безопасности, но также выступила и в защиту азиатского многостороннего диалога по безопасности; доклад Комиссии Одзавы 1994 года “Программа для Новой Японии”, напечатанный в мае 1995 года в “Йомиури симбун”; план “Всеобъемлющая политика безопасности”, отстаивающий среди прочих вопросов использование японских военнослужащих в миротворческих операциях за границей; доклад японской ассоциации управляющих (“кейдзай доюкай”), подготовленный в апреле 1996 года при содействии мозгового треста Фудзи банка, требующий большей симметрии в американо-японской системе обороны; доклад, озаглавленный “Возможности и роль системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе”, представленный премьер-министру в июне 1996 года Японским форумом по международным делам, а также многочисленные книги и статьи, опубликованные за последние несколько лет, часто гораздо более полемичные и крайние в своих рекомендациях и наиболее часто цитируемые западными средствами массовой информации, чем вышеперечисленные основные доклады. Например, в 1996 году книга, выпущенная одним японским генералом, вызвала широкие комментарии в прессе, когда он осмелился сделать предположение, что при некоторых обстоятельствах Соединенные Штаты, вероятно, не смогут защитить Японию, и, следовательно, Япония должна повышать свою обороноспособность (см. **Ясухиро Морино**. Будущее поколение обосновывает силы самообороны (и комментарии в “Мифах о том, как Соединенные Штаты придут к нам на помощь”) // Санкей симбун. — 1996. — 14 марта).

тивы — альтернатива открытого пацифизма (имеющая антиамериканский оттенок) или одностороннего и крупного перевооружения (требующая пересмотра конституции и которой добиваются, вероятно не считаясь с неблагоприятной американской и региональной реакцией) — нашли мало сторонников. Притягательность пацифизма для общест­венности, во всяком случае, пошла на убыль в последние годы, и одностороннее ядерное разоружение и милитаризм также не смогли получить значительной поддержки общест­венности, несмотря на наличие некоторого числа пламен­ных защитников. Общественность в целом и, конечно, вли­ятельные деловые круги нутром чувствуют, что ни одна из альтернатив не дает реального политического выбора и фак­тически может только подвергнуть риску благосостояние Японии.

Политические дебаты общественности первоначально повлекли за собой разногласия в отношении акцента, каса­ющегося международного положения Японии, а также не­которых второстепенных моментов в изменении геополити­ческих приоритетов. В широком смысле можно выделить три основных направления и, возможно, менее значимое четвертое: беззастенчивые приверженцы тезиса “Америка прежде всего”, сторонники глобальной системы мерканти­лизма, проактивные реалисты и международные утописты. Однако при окончательном анализе все четыре направления разделяют одну, скорее общую, цель и испытывают одно и то же основное беспокойство: *использовать особые отно­шения с Соединенными Штатами, чтобы добиться миро­вого признания для Японии, избегая в то же время враж­дебности Азии и не рискуя преждевременно американским “зонтиком” безопасности.*

Первое направление берет своим исходным пунктом предположение, что сохранение существующих (и, по об­щему признанию, асимметричных) американо-японских отношений должно остаться стержнем японской геострате­гии. Его сторонники желают, как и большинство японцев, более широкого международного признания для Японии и большего равенства в союзе, но их основной догмат, как его представил премьер-министр Киити Миядзава в январе 1993 года, состоит в том, что “перспектива мира, вступаю­щего в XXI век, в значительной степени будет зависеть от того, смогут или нет Япония и Соединенные Штаты... обес­печить скоординированное руководство на основе единой

концепции". Эта точка зрения господствует среди международной политической элиты и внешнеполитических ведомств, удерживавших власть в течение последних двух десятилетий или около того. В ключевых геостратегических вопросах о региональной роли Китая и американском присутствии в Корее это руководство поддерживается Соединенными Штатами; оно также видит свою роль в том, чтобы сдерживать американскую склонность к позиции противостояния с Китаем. В действительности даже эта группа все больше склоняется к тому, чтобы уделять особое внимание необходимости более тесных японо-китайских отношений, ставя их по важности лишь немного ниже связей с Америкой.

Второе направление не отвергает геостратегическое отождествление японской политики с американской, но считает, что японские интересы сохранятся наилучшим образом в случае искреннего признания и принятия того факта, что Япония — это в первую очередь экономическая держава. Данная перспектива наиболее часто ассоциируется с традиционно влиятельной бюрократией Министерства внешней торговли и промышленности и с ведущими торговыми и экспортными кругами страны. С этой точки зрения относительная демилитаризация Японии — это капитал, который стоит сохранить. Поскольку Америка гарантирует безопасность страны, Япония свободна в проведении политики глобальных экономических обязательств, которая по-прежнему усиливает свои позиции в мире.

В идеальном мире второе направление тяготело бы к политике нейтралитета, по крайней мере де-факто, причем Америка создавала бы противовес региональной мощи Китая, защищая тем самым Тайвань и Южную Корею, позволяя тем самым Японии развивать более тесные экономические отношения с материком и Юго-Восточной Азией. Однако, учитывая существующие политические реальности, сторонники глобальной системы меркантилизма принимают американско-японский союз как необходимую структуру, включая относительно скромные бюджетные расходы на японские вооруженные силы (которые все еще ненамного превышают 1% от ВВП страны), но они не стремятся наполнить этот союз сколь-либо значительной региональной сущностью.

Третья группа — проактивные реалисты — представляет собой новую категорию политиков и геополитических мыс-

лителей. Они считают, что, будучи богатой и развитой демократией, Япония имеет как возможности, так и обязательства, чтобы произвести действительные изменения в мире после окончания холодной войны. Осуществляя это, она может также добиться мирового признания, на которое имеет право как экономически могущественная держава, исторически находящаяся в рядах немногих подлинно великих наций мира. У истоков этой более сильной японской позиции в 80-е годы стоял премьер-министр Ясухиро Накасонэ, но, возможно, более известное толкование этой перспективы содержалось в противоречивом докладе Комиссии Одзавы, опубликованном в 1994 году и названном с намеком “Программа для Новой Японии: переосмысление нации”.

Названный по имени председателя комиссии Итиро Одзавы, быстро идущего в гору центристского политического лидера, доклад отстаивал как демократизацию иерархической политической культуры страны, так и переосмысление международного положения Японии. Убеждая Японию стать “нормальной страной”, доклад рекомендовал сохранение американо-японских связей в области безопасности, но также советовал Японии отказаться от своей международной пассивности, принимать активное участие в глобальной политике, особенно исполняя главную роль в международных миротворческих операциях. С этой целью доклад рекомендовал снять конституционные ограничения на отправку японских военнослужащих за границу.

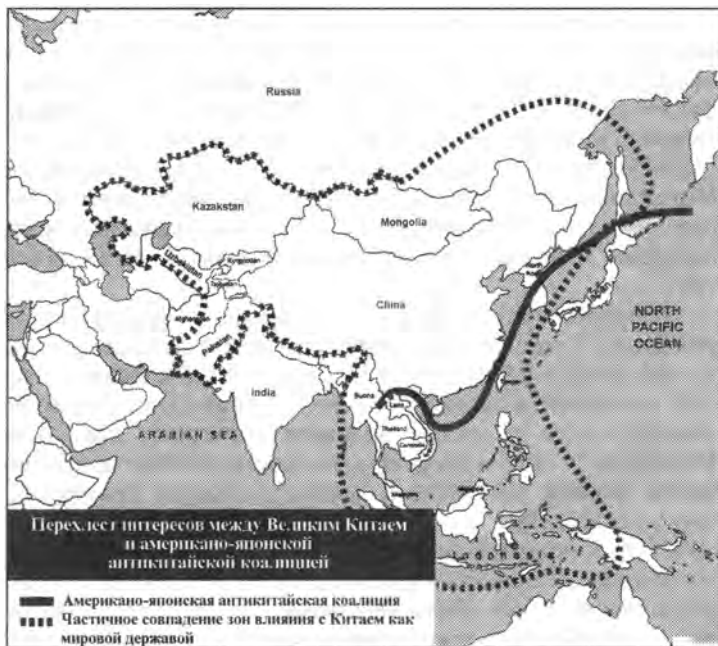
Акцент на необходимость стать “нормальной страной” подразумевал также более значительное геополитическое освобождение от американского “щита безопасности”. Странники этой точки зрения утверждают, что по вопросам глобальной важности Япония без колебаний должна говорить от имени Азии, вместо того чтобы автоматически следовать примеру Америки. Однако показательно, что они высказались неопределенно в таких важных вопросах, как растущая региональная роль Китая или будущее Кореи, ненамного отличаясь от своих более приверженных традициям коллег. Таким образом, в том, что касается региональной безопасности, они разделяют все еще сильную тенденцию в политических взглядах Японии оставить оба вопроса в компетенции Америки, в то время как роль Японии просто состоит в сдерживании любого чрезмерного рвения Америки.

Ко второй половине 90-х годов эта проактивная реалистическая ориентация начала преобладать в общественном мышлении и влиять на формулирование японской внешней политики. В первой половине 1996 года японское правительство заговорило о японской “независимой дипломатии” (“дзюсю гайко”), несмотря на то что всегда осторожное Министерство иностранных дел страны предпочитало переводить это выражение более туманным (и для Америки, вероятно, менее резким) термином “проактивная дипломатия”.

Четвертое направление — направление международных утопистов — менее влиятельно, чем любое из предыдущих, но оно иногда используется для добавления идеалистической риторики в японскую точку зрения. Она публично ассоциируется с такими видными деятелями, как Акио Морита из “Сони”, который, в частности, считает преувеличенно важной для Японии демонстративную приверженность нравственно приоритетным глобальным целям. Часто прибегая к понятию “новый глобальный порядок”, утописты называют Японию — именно потому, что она не связана геополитическими обязательствами, — глобальным лидером в разработке и продвижении подлинно гуманной программы для мирового сообщества.

Все четыре направления сходятся в главном: более многостороннее азиатско-тихоокеанское сотрудничество отвечает интересам Японии. Такое сотрудничество со временем может иметь три положительных последствия: оно может помочь воздействовать на Китай (а также осторожно сдерживать его); может помочь Америке остаться в Азии, даже несмотря на постепенное ослабление ее господства; может помочь смягчить антияпонские настроения и тем самым увеличить влияние Японии. Хотя оно вряд ли создаст японскую сферу регионального влияния, но сможет, вероятно, принести Японии некоторую долю регионального уважения, особенно в приморских странах, которые, возможно, испытывают беспокойство по поводу растущей мощи Китая.

Все четыре точки зрения также совпадают в том, что осторожное воспитание Китая намного предпочтительнее, чем любая возглавляемая Америкой попытка его прямого сдерживания. Фактически понятие возглавляемой Америкой стратегии сдерживания Китая или даже идея неофициальной уравновешенной коалиции, ограниченной островными государствами (Тайванем, Филиппинами, Брунеем и

Карта XXIII

Индонезией) и поддерживаемой Японией и Америкой, не имеют особой привлекательности для внешнеполитического истеблишмента Японии. В представлении Японии любая попытка такого рода не только потребовала бы неограниченного и значительного американского военного присутствия как в Японии, так и в Корее, но, создав взрывоопасный геополитический перехлест китайских и американо-японских региональных интересов (см. карту XXIII), вероятно, стала бы оправдавшимся пророчеством столкновения с Китаем⁹. Результатом стали бы сдерживание эволюционной эмансипации Японии и угроза экономическому процветанию Дальнего Востока.

⁹ Некоторых японских консерваторов прельщает понятие особых японо-тайваньских связей, и в 1996 году для достижения этой цели была создана «Японо-тайваньская ассоциация парламентариев». Реакция Китая, как и ожидалось, была враждебной.

К тому же немногие выступают за противоположное — великое примирение между Японией и Китаем. Региональные последствия такого классического изменения союзов были бы слишком тревожными: уход Америки из региона, а также немедленное подчинение Тайваня и Кореи Китаю, оставление Японии на милость Китая. Эта перспектива непривлекательна ни для кого, за исключением, пожалуй, немногих экстремистов. Поскольку Россия геополитически нейтрализована и исторически презираема, нет альтернативы единодушному мнению о том, что связь с Америкой остается единственной надеждой для Японии. Без этого Япония не сможет ни обеспечить себе постоянное снабжение нефтью, ни защититься от китайской (и, возможно, вскоре также и корейской) атомной бомбы. Единственный вопрос реальной политики: как наилучшим образом манипулировать американскими связями, с тем чтобы соблюсти японские интересы?

Соответственно японцы следуют желанию американцев укрепить американско-японское военное сотрудничество, включая, по-видимому, все более расширяющиеся границы: от более узкой “дальневосточной” до более широкой “азиатско-тихоокеанской формулы”. В соответствии с этим в начале 1996 года при рассмотрении так называемых японо-американских принципов обороны японское правительство также расширило ссылку на возможное использование японских сил обороны, изменив фразу “чрезвычайная ситуация на Дальнем Востоке” на “чрезвычайная ситуация в соседних с Японией регионах”. Японской готовностью помочь Америке в данном вопросе также движут известные сомнения относительно давнего американского могущественного присутствия в Азии и беспокойство по поводу того, что взлет Китая и видимая тревога Америки в связи с этим могли бы в какой-то момент в будущем все же навязать Японии неприемлемый выбор: остаться с Америкой против Китая или без Америки и в союзе с Китаем.

Для Японии эта фундаментальная дилемма также содержит исторический императив: поскольку превращение в доминирующую региональную державу не является практически осуществимой целью и поскольку без региональной базы приобретение истинно всеобъемлющей глобальной силы нереально, следует, что Япония может, по крайней мере, приобрести статус глобального лидера посредством активного участия в миротворческих операциях на земном

шаре и экономического развития. Воспользовавшись преимуществом американо-японского военного союза, чтобы обеспечить стабильность на Дальнем Востоке, но не позволяя втянуть себя в антикитайскую коалицию, Япония может без риска добиться для себя особой и влиятельной роли в мире как держава, которая способствует возникновению подлинно интернационального и более эффективно организованного сотрудничества. Япония могла бы, таким образом, стать более могущественным и влиятельным эквивалентом Канады в мире: государством, которое уважают за конструктивное использование своего богатства и могущества, но таким, которого не боятся и которое не вызывает раздражения.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АМЕРИКИ

Задача американской политики должна была бы состоять в том, чтобы быть уверенными, что Япония следует такому выбору и что степень подъема Китая до получения превосходства в регионе не мешает стабильному трехстороннему балансу сил Восточной Азии. Усилие управлять как Японией, так и Китаем и поддерживать стабильное трехстороннее взаимодействие, которое включает и Америку, потребует от нее серьезного напряжения дипломатического умения и политического воображения. Отказ от прошлой зацикленности на угрозе, исходящей якобы от экономического подъема Японии, и преодоление страха перед китайскими политическими мускулами помогли бы вдохнуть холодный реализм в политику, которая должна базироваться на тщательном стратегическом расчете: *как направить энергию Японии в международное русло и как управлять мощью Китая в интересах региона.*

Только в такой манере Америка будет в состоянии выковать на востоке материковой части Евразии эквивалент, родственный в геополитическом плане роли Европы на западной периферии Евразии, то есть структуру региональной мощи, основанной на общих интересах. Однако, в отличие от европейского случая, демократический плацдарм на востоке материка скоро не появится. Вместо этого переориентированный союз с Японией должен служить на Дальнем Востоке основой для достижения Америкой урегулирования с преобладающим в регионе Китаем.

Из анализа, содержащегося в двух предыдущих разделах этой главы, для Америки вытекают несколько следующих важных геостратегических выводов.

Распространенная житейская мудрость, что Китай — это следующая мировая держава, рождает паранойю по поводу Китая и способствует развитию в Китае мании величия. Страхи перед агрессивным и антагонистическим Китаем, которому суждено вскоре стать еще одной мировой державой, в лучшем случае преждевременны, а в худшем — могут стать самоосуществляющимся предсказанием. Следовательно, организация коалиции, направленной на противодействие подъему Китая до уровня мировой державы, привела бы к обратным результатам. Это гарантировало бы только, что регионально влиятельный Китай стал бы враждебным. В то же время любое подобное усилие привело бы к напряжению американо-японских отношений, поскольку большинство японцев наверняка были бы против подобной коалиции. Соответственно Соединенным Штатам следует воздерживаться от оказания давления на Японию с целью заставить ее возложить на себя больше ответственности в области обеспечения обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Усилия в этом направлении просто помешают возникновению стабильных отношений между Японией и Китаем и одновременно еще больше изолируют Японию в регионе.

Но именно потому, что Китай в действительности вряд ли скоро поднимется до мировой державы — и по этой самой причине было бы неразумно проводить политику регионального сдерживания Китая, — желательно обращаться с Китаем как с глобально важным действующим лицом. Втягивание Китая в более широкое международное сотрудничество и предоставление ему статуса, которого он жаждет, может иметь эффект притупления более острых моментов национальных амбиций Китая. Важным шагом в этом направлении было бы включение Китая в ежегодный саммит ведущих стран мира, так называемую “большую семерку”, особенно потому, что Россию тоже пригласили туда.

Несмотря на видимость, у Китая на деле нет большого стратегического выбора. Длительные экономические успехи Китая остаются в большой зависимости от притока западного капитала и технологий, а также от доступа на иностранные рынки, а это существенно ограничивает его выбор. Союз с нестабильной и обнищавшей Россией не уве-

личил бы экономических или политических перспектив Китая (а для России это означало бы подчинение Китаю). Таким образом, этот геостратегический выбор на практике не осуществим, даже если в тактическом плане как Китаю, так и России соблазнительно поиграть с этой идеей. Более непосредственное региональное и геополитическое значение для Китая имеет его помощь Ирану и Пакистану, но это также не служит отправным пунктом для серьезного поиска статуса мировой державы. Вариантом в качестве последнего средства могла бы стать “антигегемонистская” коалиция, если бы Китай почувствовал, что его национальные или региональные устремления блокируются Соединенными Штатами (при поддержке со стороны Японии). Но это была бы коалиция бедняков, которые тогда наверняка оставались бы бедными довольно продолжительное время.

Большой Китай возникает как регионально доминирующая держава. Будучи таковым, он может попытаться навязать себя соседям в манере, которая носит дестабилизирующий характер в регионе, или может удовлетвориться оказанием влияния более косвенным образом, следуя прошлой китайской имперской истории. Возникнет ли гегемонистская сфера влияния или более туманная сфера уважения, будет зависеть частично от того, насколько жестоким и авторитарным останется китайский режим, а частично и от того, как ключевые посторонние действующие лица, а именно Америка и Япония, отреагируют на появление Большого Китая. Политика простого умиротворения могла бы способствовать более твердой позиции Китая, но политика простого препятствования появлению такого Китая наверняка также дала бы похожий результат. Осторожное сближение по одним вопросам и четкое разграничение по другим помогло бы избежать обеих крайностей.

В любом случае в некоторых областях Евразии Большой Китай может оказывать геополитическое влияние, которое совместимо с большими геостратегическими интересами Америки в стабильной, но политически плюралистической Евразии. Например, растущий интерес Китая к Средней Азии неизбежно ограничивает свободу действий России в стремлении добиться любой формы политической реинтеграции региона под контролем Москвы. В связи с этим и в связи с Персидским заливом растущая потребность Китая в энергии диктует общность интересов с Америкой в поддержании свободного доступа к нефтедобывающим регионам и

политической стабильности в них. Подобным же образом оказываемая Китаем поддержка Пакистану сдерживает амбиции Индии подчинить себе эту страну и компенсирует намерение Индии сотрудничать с Россией по Афганистану и Средней Азии. И наконец, участие Китая и Японии в развитии Восточной Сибири может аналогичным образом помочь усилить региональную стабильность. Эти общие интересы следует выяснить путем длительного стратегического диалога¹⁰.

Существуют также области, где амбиции Китая могли бы столкнуться с американскими (а также японскими) интересами, особенно если эти амбиции должны были бы реализовываться посредством более знакомой с исторической точки зрения тактики сильной руки. Это относится, в частности, к Юго-Восточной Азии, Тайваню и Корею.

Юго-Восточная Азия потенциально слишком богата, географически имеет слишком большую протяженность и просто слишком большая, чтобы ее легко мог подчинить даже мощный Китай, но она слишком слаба и политически слишком раздробленна, чтобы не стать для Китая по меньшей мере сферой уважения. Влияние Китая в регионе, которому способствует его финансовое и экономическое присутствие во всех странах этого района, обязательно будет расти по мере возрастания его мощи. Многие зависит от того, как Китай применит эту мощь, но не вполне очевидно, есть ли у Америки какой-либо интерес выступать против нее или быть втянутой в такие вопросы, как разногласия по Южно-Китайскому морю. Китайцы располагают значительным историческим опытом умело управлять отношениями неравноправия (или зависимости), и, конечно, в собственных интересах Китая было бы проявлять сдержанность во избежание региональных страхов перед

¹⁰ Во время встречи в 1996 году с высшими представителями национальной безопасности и обороны Китая я установил (используя время от времени намеренно туманные формулировки) следующие области взаимных стратегических интересов в качестве основы для такого диалога: 1) мирная Юго-Восточная Азия; 2) неприменение силы в решении вопросов, связанных с прибрежной зоной; 3) мирное воссоединение Китая; 4) стабильность в Корее; 5) независимость Средней Азии; 6) равновесие между Индией и Пакистаном; 7) экономически динамичная и международно кроткая Япония; 8) стабильная, но не очень сильная Россия.

китайским империализмом. Этот страх мог бы породить региональную антикитайскую коалицию (и некоторые скрытые намеки на это уже присутствуют в нарождающемся индонезийско-австралийском военном сотрудничестве), которая потом, наиболее вероятно, добивалась бы поддержки со стороны Соединенных Штатов, Японии и Австралии.

Большой Китай, особенно после переваривания Гонконга, почти определенно будет более энергично стараться добиться воссоединения Тайваня с материком. Важно по достоинству оценить тот факт, что Китай никогда не соглашался на бессрочное отделение Тайваня. Поэтому в какой-то момент этот вопрос мог бы вызвать прямое столкновение американцев с китайцами. Последствия этого были бы для всех вовлеченных сторон самыми пагубными: экономические перспективы Китая были бы отодвинуты, связи Америки с Японией могли бы стать очень напряженными, а усилия американцев по созданию стабильного равновесия сил в Восточной Евразии могли бы быть сорваны.

Соответственно важно добиться и взаимно поддерживать наибольшую ясность в этом вопросе. Даже если в обозримом будущем Китай вряд ли будет испытывать недостаток в средствах эффективного принуждения Тайваня, Пекин должен понимать — и быть надежно убежден в этом, — что согласие Америки с попытками насильственной реинтеграции Тайваня, достигнутой с помощью военной мощи, было бы настолько разрушительно для позиции Америки на Дальнем Востоке, что она просто не могла бы позволить себе оставаться пассивной в военном плане, если Тайвань будет не в состоянии защитить себя.

Другими словами, Америке пришлось бы вмешаться не ради обособленного Тайваня, а ради американских геополитических интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это важная разница. У Соединенных Штатов нет, по сути, особого интереса к обособленному Тайваню. В действительности их официальной позицией была и должна оставаться мысль о том, что существует только один Китай. Но то, как Китай добивается воссоединения, может ущемить жизненно важные интересы Америки, и китайцы должны это ясно сознавать.

Вопрос о Тайване служит также Америке законной причиной для того, чтобы в своих отношениях с Китаем поднимать вопрос о правах человека, не оправдываясь в ответ на обвинения во вмешательстве во внутренние дела Китая.

Совершенно уместно вновь повторить Пекину, что воссоединение завершится только тогда, когда Китай станет более процветающим и более демократическим. Только такой Китай сможет привлечь Тайвань и ассимилировать его в Большом Китае, который тоже готов к тому, чтобы быть конфедерацией, основанной на принципе “одна страна, разные системы”. В любом случае из-за Тайваня в собственных интересах Китая повысить уважение к правам человека, и потому Америке уместно поднять эту проблему.

В то же время Соединенным Штатам надлежит — выполняя обещание, данное Китаю, — воздерживаться от прямой или косвенной поддержки любого международного повышения статуса Тайваня. В 90-х годах некоторые американо-тайваньские контакты создавали впечатление, что Соединенные Штаты, не афишируя, начинают обращаться с Тайванем как с отдельной страной, и гнев китайцев по этому поводу можно было понять, как и их негодование по поводу интенсификации усилий официальных лиц получить международное признание статуса Тайваня как отдельного государства.

Соединенным Штатам поэтому следует ясно заявить, что на их отношении к Тайваню будут вредно сказываться усилия последнего изменить давно установившуюся и намеренную двусмысленность, управляющую отношениями между Китаем и Тайванем. Более того, если Китай действительно процветает и действительно становится демократическим и если поглощение им Гонконга не сопровождается регрессом в области прав человека, стимулирование американцами серьезного диалога через пролив о сроках окончательного воссоединения способствовало бы также оказанию давления на Китай с целью демократизации, одновременно развивая более широкое стратегическое взаимопонимание между Соединенными Штатами и Большим Китаем.

Корея, геополитически центральное государство в Северо-Восточной Азии, снова могла бы стать источником раздора между Америкой и Китаем, и ее будущее также напрямую скажется на связях между Америкой и Японией. Пока Корея остается разделенной и потенциально уязвимой для войны между нестабильным Севером и все богатеющим Югом, американским силам придется оставаться на полуострове. Любой уход американцев в одностороннем порядке не только, вероятно, ускорил бы новую войну, но и, по

всей вероятности, сигнализировал бы об окончании американского военного присутствия в Японии. Трудно понять, почему японцы продолжают полагаться на длительное дислоцирование американских войск на японской земле вслед за их уходом из Южной Кореи. Наиболее вероятным результатом с широко дестабилизирующими последствиями в регионе в целом явилось бы быстрое перевооружение японцев.

Однако объединение Кореи, вероятно, поставило бы также серьезные дилеммы. Если бы американские войска должны были оставаться в объединенной Корее, они неизбежно расценивались бы китайцами как нацеленные на Китай. Действительно сомнительно, что китайцы согласились бы с объединением на таких условиях. Если бы объединение происходило поэтапно, с применением так называемой мягкой посадки, Китай выступил бы против нее политически и поддержал бы те элементы в Северной Корее, которые противились объединению. Если бы это объединение совершалось насильственным путем и Северная Корея “приземлилась бы с грохотом”, нельзя было бы исключать даже военное вмешательство Китая. С точки зрения перспективы Китая объединенная Корея была бы приемлема только в том случае, если бы она не означала одновременного распространения американской власти (с Японией на заднем плане в качестве плацдарма).

Однако объединенная Корея без американских войск на ее земле, вполне вероятно, тяготела бы сначала к форме нейтралитета между Китаем и Японией, а затем постепенно — движимая частично остаточными, но все еще сильными антияпонскими настроениями — либо к китайской сфере политически более положительного влияния, либо к сфере более деликатного отношения. Тогда встал бы вопрос: захотела ли бы Япония все еще оставаться единственной азиатской опорой для американской силы? Самое меньшее, что вызывал бы этот вопрос, — это серьезные разногласия в рамках внутренней политики Японии. В результате любое сокращение военного радиуса действия американцев на Дальнем Востоке сделало бы, в свою очередь, более трудным поддержание в Евразии стабильного баланса сил. Эти соображения, таким образом, повышают американские и японские ставки в корейском статус-кво (хотя в каждом случае по несколько разным причинам), и если этот статус-кво должен измениться, то это должно происходить очень

медленно, предпочтительно на фоне углубления американо-китайского регионального взаимопонимания.

Тем временем настоящее примирение между Японией и Кореей внесло бы значительный вклад в создание более стабильной обстановки в регионе для любого окончательного объединения. Различные международные осложнения, которые могли бы возникнуть в результате реинтеграции двух Корей, могли бы быть смягчены истинным примирением между Японией и Кореей, приведшим в итоге к расширению отношений сотрудничества и взаимобязывающей политики между этими двумя странами. Соединенные Штаты могли бы сыграть решающую роль в содействии такому примирению. Можно было бы испробовать много конкретных шагов, предпринятых ранее для примирения между Германией и Францией, а позднее между Германией и Польшей (например, от совместных университетских программ и до объединенных воинских формирований). Всеобъемлющее и в региональном плане стабилизирующее японо-корейское партнерство облегчило бы дальнейшее американское присутствие на Дальнем Востоке даже, возможно, после объединения Кореи.

Почти само собой разумеется, что в рамки глобальных геостратегических интересов Америки входит тесное политическое сотрудничество с Японией. Но будет ли Япония вассалом, соперником или партнером Америки, зависит от способности американцев и японцев более точно определить, каких международных целей этим странам следует добиваться сообща, и рече обозначить линию раздела между геостратегической миссией США на Дальнем Востоке и стремлениями Японии к роли мировой державы. Несмотря на внутренние дебаты о внешней политике, отношения с Америкой все еще остаются центральным маяком для международной ориентации Японии. Дезориентированная Япония, накренившаяся в сторону либо перевооружения, либо обособленного сближения с Китаем, означала бы конец роли американцев в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сорвала бы появление регионально стабильного трехстороннего соглашения с участием Америки, Японии и Китая. Это, в свою очередь, помешало бы формированию в Евразии политического равновесия, управляемого американцами.

Короче говоря, дезориентированная Япония была бы похожа на кита, выброшенного на берег: она металась бы уг-

рожающе, но беспомощно. Она могла бы дестабилизировать Азию, но не смогла создать жизненную альтернативу стабилизирующему равновесию между Америкой, Японией и Китаем. Только через тесный альянс с Японией Америка смогла бы направить в нужное русло региональные устремления Китая и сдержать их непредсказуемые проявления. Только на этой основе можно умудриться осуществить сложное трехстороннее урегулирование — урегулирование, которое затрагивает мировое могущество Америки, региональное преобладание Китая и международное лидерство Японии.

Следовательно, сокращение в обозримом будущем существующих уровней войск США в Японии (а следовательно, и в Корее) нежелательно. Кроме того, так же нежелательно и любое значительное увеличение в геополитическом масштабе и реальном исчислении объема военных усилий Японии. Вывод значительного числа американских войск, вероятнее всего, заставит подумать о крупной японской программе вооружений, в то время как давление Америки на Японию с целью заставить ее играть более крупную военную роль может только навредить перспективам региональной стабильности, помешать более широкому сближению с Большим Китаем, уведет Японию в сторону от принятия на себя более конструктивной международной миссии и таким образом осложнит усилия по содействию развитию в Евразии стабильного геополитического плюрализма.

Отсюда следует также, что Япония — если она, в свою очередь, повернет свое лицо к миру и отвернется от Азии — должна быть значительно поощрена и получить особый статус, чтобы таким образом хорошо были удовлетворены ее собственные национальные интересы. В отличие от Китая, который может добиться статуса мировой державы, став сначала региональной державой, Япония может добиться мирового влияния, отказавшись от стремления стать региональной державой. Но для Японии тем более важно почувствовать, что она является особым партнером Америки в мировых делах, а это не только приносит плоды в политическом плане, но и экономически выгодно. Для этого Соединенным Штатам было бы полезно рассмотреть вопрос о заключении американо-японского соглашения о свободной торговле, создав таким образом общее американо-японское торговое пространство. Такой шаг, придав официальный статус все более тесным связям между двумя странами, обес-

печил бы геополитическую опору как для длительного присутствия Америки на Дальнем Востоке, так и для конструктивных глобальных обязательств Японии¹¹.

Вывод. Для Америки Япония будет жизненно важным и главным партнером в создании все более объединенной и всепроникающей системы мирового сотрудничества, а не только в первую очередь ее военным союзником в региональных урегулированиях, направленных на противодействие региональному превосходству Китая. В действительности Японии следовало бы быть мировым партнером Америки в энергичной работе над новой повесткой дня мировых отношений. Китай, имеющий преобладание в регионе, должен стать опорой Америки на Дальнем Востоке в более традиционной области силовой политики, помогая таким образом формированию евразийского баланса сил, при этом роль Большого Китая на Востоке Евразии в этом смысле будет равняться роли расширяющейся Европы на Западе Евразии.

¹¹Убедительный довод в пользу этой инициативы, указывающий на взаимные экономические выгоды, приведен Куртом Тонгом в его публикации **Revolutionizing America's Japan Policy // Foreign Policy**. — Winter 1996/97.

Заключение

для США ПРИШЛО ВРЕМЯ выработать и применять комплексную, всеобъемлющую и долгосрочную геостратегию по отношению ко всей Евразии. Эта необходимость вытекает из взаимодействия двух фундаментальных реальностей: Америка в настоящее время является единственной супердержавой, а Евразия — центральной ареной мира. Следовательно, изменение в соотношении сил на Евразийском континенте будет иметь решающее значение для мирового главенства Америки, а также для ее исторического наследия.

Американское мировое первенство уникально по своим масштабам и характеру. Это гегемония нового типа, которая отражает многие из черт, присущих американской демократической системе: она плюралистична, проницаема и гибка. Эта гегемония формировалась менее одного столетия, и основным ее геополитическим проявлением выступает беспрецедентная роль Америки на Евразийском континенте, где до сих пор возникали и все претенденты на мировое могущество. Америка в настоящее время выступает в роли арбитра для Евразии, причем нет ни одной крупной евразийской проблемы, решаемой без участия Америки или вразрез с интересами Америки.

Каким образом Соединенные Штаты управляют главными геостратегическими фигурами на евразийской шахматной доске и расставляют их, а также как они руководят ключевыми геополитическими центрами Евразии, имеет жизненно важное значение для длительной и стабильной ведущей роли Америки в мире. В Европе основными дей-

ствующими лицами останутся Франция и Германия, и главная задача Америки будет заключаться в укреплении и расширении существующего демократического плацдарма на западной окраине Евразии. На Дальнем Востоке Евразии, вероятнее всего, центральную роль все больше и больше будет играть Китай, и у Америки не будет политического опорного пункта на Азиатском материке до тех пор, пока не будет достигнут геостратегический консенсус между нею и Китаем. В центре Евразии пространство между расширяющейся Европой и приобретающим влияние на региональном уровне Китаем будет оставаться “черной дырой” в геополитическом плане, по крайней мере до тех пор, пока в России не завершится внутренняя борьба вокруг вопроса о ее постимперском самоопределении, в то время как регион, расположенный к югу от России, — “Евразийские Балканы” — угрожает превратиться в котел этнических конфликтов и великодержавного соперничества.

В этих условиях в течение некоторого периода времени — свыше 30 лет — вряд ли кто-либо будет оспаривать статус Америки как первой державы мира. Ни одно государство-нация, вероятно, не сможет сравняться с Америкой в четырех главных аспектах силы (военном, экономическом, техническом и культурном), которые в совокупности и определяют решающее политическое влияние в мировом масштабе. В случае сознательного или непреднамеренного отказа Америки от своего статуса единственной реальной альтернативой американскому лидерству в обозримом будущем может быть только анархия в международном масштабе. В связи с этим представляется правильным утверждение о том, что Америка стала, как определил президент Клинтон, “необходимым” для мира государством.

Здесь важно подчеркнуть как факт существования такой необходимости, так и реальную возможность распространения анархии в мире. Разрушительные последствия демографического взрыва, миграции, вызванной нищетой, радикальной урбанизации, а также последствия этнической и религиозной вражды и распространения оружия массового уничтожения могут стать неуправляемыми, если развалятся опирающиеся на государства-нации основные существующие структуры даже элементарной геополитической стабильности. Без постоянного и направленного американского участия силы, которые способны вызвать беспорядок в мире, уже давно бы стали господствовать на мировой арене.

Возможность развала таких структур связана с геополитической напряженностью не только в современной Евразии, но и вообще в мире.

В результате этого может возникнуть опасность для мировой стабильности, и эта опасность, вероятно, будет усиливаться перспективой все более ухудшающихся условий человеческого существования. В частности, в бедных странах мира демографический взрыв и одновременная урбанизация населения приводят не только к быстрому росту числа нищих, но и к появлению главным образом миллионов безработных и все более недовольных молодых людей, уровень разочарования которых растет внушительными темпами. Современные средства связи увеличивают разрыв между ними и традиционной властью и в то же время все в большей степени формируют в их сознании чувство царящей в мире несправедливости, что вызывает у них возмущение, и поэтому они наиболее восприимчивы к идеям экстремизма и легко пополняют ряды экстремистов. С одной стороны, такое явление, как миграция населения в мировом масштабе, уже охватившая десятки миллионов людей, может служить временным предохранительным клапаном, но, с другой — также вероятно, что она может быть средством переноса с континента на континент этнических и социальных конфликтов.

В результате возможные беспорядки, напряженность и, по крайней мере, эпизодические случаи насилия могут нанести удар по унаследованному Америкой руководству миром. Новый комплексный международный порядок, который создан американской гегемонией и в рамках которого “угроза войны не существует”, вероятно, будет распространяться на те части света, где американское могущество укрепляется демократическими социополитическими системами и усовершенствованными внешними многосторонними структурами, но также руководимыми Америкой.

Американская геостратегия в отношении Евразии, таким образом, вынуждена будет конкурировать с силами турбулентности. Есть признаки того, что в Европе стремление к интеграции и расширению ослабевает и что вскоре могут вновь возродиться европейские националисты традиционного толка. Крупномасштабная безработица сохранится даже в самых благополучных европейских странах, порождая чувство ненависти к иностранцам, что может привести к сдвигу во французской и германской политике в сторону

существенного политического экстремизма и ориентированного вовнутрь шовинизма. Фактически может даже сложиться настоящая предреволюционная ситуация. Историческое развитие событий в Европе, изложенное в главе 3, будет реализовано лишь в том случае, если Соединенные Штаты будут не только поощрять стремление Европы к объединению, но и подталкивать ее к этому.

Еще большая неопределенность существует относительно будущего России, и здесь перспективы позитивного развития весьма туманны. Следовательно, Америке необходимо создать геополитическую среду, которая благоприятствовала бы ассимиляции России в расширяющиеся рамки европейского сотрудничества и способствовала достижению такой независимости, при которой новые суверенные соседи России могли бы полагаться на свои собственные силы. Однако жизнеспособность, к примеру, Украины и Узбекистана (не говоря уже о разделенном на две части в этническом отношении Казахстане) будет оставаться под сомнением, особенно если внимание Америки переключится на другие проблемы, такие, например, как новый внутренний кризис в Европе, увеличивающийся разрыв между Турцией и Европой или нарастание враждебности в американо-иранских отношениях.

Возможность окончательного серьезного урегулирования отношений с Китаем также может остаться нереализованной в случае будущего кризиса, связанного с Тайванем, или из-за внутреннего политического развития Китая, которое может привести к установлению агрессивного и враждебного режима, или из-за того, что американо-китайские отношения просто испортятся. Китай в таком случае может стать крайне дестабилизирующей силой в мире, внося огромную напряженность в американо-японские отношения и, возможно, вызывая разрушительную геополитическую дезориентацию в самой Японии. В этих условиях стабильность в Юго-Восточной Азии, конечно же, окажется под угрозой, и можно только предполагать, как стечение этих обстоятельств повлияет на позицию и единство Индии, страны, крайне важной для стабильности в Южной Азии.

Эти замечания служат напоминанием о том, что ни новые глобальные проблемы, которые не входят в компетенцию государства-нации, ни более традиционные геополитические вопросы, вызывающие озабоченность, не могут быть решены, если начнет разрушаться основная геополитичес-

кая структура мировой власти. В условиях, когда на небосклоне Европы и Азии появились предупредительные сигналы, американская политика, чтобы быть успешной, должна сфокусировать внимание на Евразии в целом и руководствоваться четким геостратегическим планом.

ГЕОСТРАТЕГИЯ В ОТНОШЕНИИ ЕВРАЗИИ

Отправным пунктом для проведения необходимой политики должно быть трезвое осознание трех беспрецедентных условий, которые в настоящее время определяют геополитическое состояние мировых дел: 1) впервые в истории одно государство является действительно мировой державой; 2) государством, превосходящим все другие в мировом масштабе, является неевразийское государство и 3) центральная арена мира — Евразия — находится под превалирующим влиянием неевразийской державы.

Однако всеобъемлющая и скоординированная геостратегия в отношении Евразии должна опираться на признание границ эффективного влияния Америки и неизбежное с течением времени рамок этого влияния. Как отмечалось выше, сам масштаб и разнообразие Евразии, равно как потенциальные возможности некоторых из ее государств, ограничивают глубину американского влияния и степень контроля за ходом событий. Такое положение требует проявления геостратегической интуиции и тщательно продуманного выборочного использования ресурсов Америки на огромной евразийской шахматной доске. И поскольку беспрецедентное влияние Америки с течением времени будет уменьшаться, приоритет должен быть отдан контролю за процессом усиления других региональных держав, с тем чтобы он шел в направлении, не угрожающем главенствующей роли Америки в мире.

Как и шахматисты, американские стратеги, занимающиеся мировыми проблемами, должны думать на несколько ходов вперед, предвидя возможные ответные ходы. Рассчитанная на длительное время стратегия должна быть сориентированной на краткосрочную (следующие пять или около пяти лет), среднесрочную (до 20 лет или около 20 лет) и долгосрочную (свыше 20 лет) перспективы. Кроме того, эти стадии необходимо рассматривать не как совершенно изолированные друг от друга, а как части единой системы. Первая стадия должна плавно

и последовательно перейти во вторую (конечно же, это должна быть заранее намеченная цель), а вторая стадия должна затем перейти соответственно в третью.

В краткосрочной перспективе Америка заинтересована укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм на карте Евразии. Эта задача предполагает поощрение возможных действий и манипуляций, с тем чтобы предотвратить появление враждебной коалиции, которая попыталась бы бросить вызов ведущей роли Америки, не говоря уже о маловероятной возможности, когда какое-либо государство попыталось бы сделать это. В среднесрочной перспективе вышеупомянутое постепенно должно уступить место вопросу, при решении которого больший акцент делается на появлении все более важных и в стратегическом плане совместимых партнеров, которые под руководством Америки могли бы помочь в создании трансъевразийской системы безопасности, объединяющей большее число стран. И наконец, в долгосрочной перспективе все вышесказанное должно постепенно привести к образованию мирового центра по-настоящему совместной политической ответственности.

Ближайшая задача заключается в том, чтобы удостовериться, что ни одно государство или группа государств не обладают потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединенные Штаты из Евразии или даже в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра. Укрепление трансконтинентального геополитического плюрализма должно рассматриваться не как самоцель, а только как средство для достижения среднесрочной цели по установлению по-настоящему стратегических партнерств в основных регионах Евразии. Вряд ли демократическая Америка захочет постоянно выполнять трудную, требующую большой отдачи и дорогостоящую задачу по контролю за Евразией путем осуществления манипуляций и действий, обеспеченных американскими военными ресурсами, с тем чтобы помешать любому другому государству добиться регионального господства. Первая стадия, таким образом, должна логично и продуманно перейти во вторую, такую, на которой оказывающая благотворное влияние американская гегемония все еще удерживает других от попыток бросить вызов не только демонстрацией того, насколько высоки могут быть издержки такого вызова, но и тем, что не угрожает жизненно важным интересам потенциальных региональных претендентов на важную роль в Евразии.

Среднесрочная цель представляет собой содействие установлению настоящих партнерских отношений, главенствующее положение среди которых должны занимать отношения с более объединенной и в политическом плане более оформленной Европой и с Китаем, превосходящим другие страны на региональном уровне, а также (можно надеяться) с постимперской и ориентированной на Европу Россией, а на южной окраине Евразии — с демократической Индией, играющей стабилизирующую роль в регионе. Однако именно успех или провал усилий, направленных на установление более широких стратегических отношений с Европой и Китаем, соответственно сформирует определяющие условия для роли России — позитивной или негативной.

Из этого следует, что расширенные Европа и НАТО будут способствовать реализации краткосрочных и долгосрочных целей политики США. Более крупная Европа расширит границы американского влияния — и через прием в новые члены стран Центральной Европы также увеличит в европейских советах число государств с проамериканской ориентацией, — но без одновременного образования такой интегрированной в политическом плане Европы, которая могла бы вскоре бросить вызов Соединенным Штатам в геополитических вопросах, имеющих крайне важное для Америки значение, в частности на Ближнем Востоке. Политически оформленная Европа также необходима для прогрессивной ассимиляции России в систему мирового сотрудничества.

Допустим, что Америка не может самостоятельно создать еще более единую Европу (это дело европейцев, особенно французов и немцев), но Америка может помешать появлению такой более объединенной Европы. И это может оказаться пагубным для стабильности в Евразии и, следовательно, для собственных интересов Америки. Действительно, если Европа не станет более единой, то она скорее всего вновь станет более разобщенной. Следовательно, как утверждалось ранее, представляется важным, чтобы Америка тесно сотрудничала как с Францией, так и с Германией в деле создания Европы, которая в политическом отношении была бы жизнеспособной, Европы, которая сохраняла бы связи с Соединенными Штатами Америки, и Европы, которая расширяет границы общей демократической международной системы. Выбор между Францией или Германией не стоит в повестке дня. Как без Франции, так и без Германии не будет Европы, а без Европы не будет никакой трансевразийской системы.

В практическом плане все вышесказанное потребует постепенного перехода к совместному руководству в рамках НАТО, большего признания обеспокоенности Франции в отношении роли Европы не только в Африке, но также и на Ближнем Востоке, дальнейшей поддержки процесса расширения ЕС на восток, даже если при этом ЕС станет в политическом и экономическом плане более независимым мировым действующим лицом¹. Трансатлантическое соглашение в области свободной торговли, в защиту которого уже выступили ряд выдающихся лидеров стран, входящих в Атлантический блок, может также уменьшить риск растущего экономического соперничества между более объединенным ЕС и США. В любом случае возможный успех ЕС в уничтожении столетиями существовавшего в Европе националистического антагонизма вместе с его разрушительными для всего мира последствиями стоит некоторого постепенного ослабления решающей роли Америки в качестве нынешнего арбитра Евразии.

Расширение НАТО и ЕС может служить средством для обретения Европой начинающего ослабевать чувства своего значительного предназначения, в то время как происходит укрепление — с выгодой как для Америки, так и Европы — демократических позиций, завоеванных в результате успешного окончания холодной войны. Ставкой в этих усилиях являются отнюдь не долгосрочные отношения с самой Европой. Новая Европа все еще приобретает форму, и если эта новая Европа останется в геополитическом плане частью “евроатлантического” пространства, то расширение НАТО станет необходимым. Кроме того, неосуществление расширения НАТО теперь, когда уже взяты обязательства,

¹ Ряд конструктивных предложений для достижения этой цели был выдвинут на конференции по проблемам Америки и Европы, проведенной в феврале 1997 года в Брюсселе Центром по международным и стратегическим вопросам. Эти предложения включают широкий спектр инициатив, начиная от совместных усилий, направленных на проведение структурной реформы, предназначенной для сокращения государственных дефицитов, до создания расширенной европейской оборонно-промышленной базы, которая могла бы укрепить трансатлантическое сотрудничество в области обороны и повысить роль Европы в НАТО. Полезный список подобных и других инициатив, направленных на повышение роли Европы, содержится в издании: **David C. Gompert and F. Stephen Larrabee**, eds. — *America and Europe: A Partnership for a New Era*. — Santa Monica: RAND, 1997.

может разрушить концепцию расширения Европы и деморализовать страны Центральной Европы. Это может даже привести к возрождению скрытых или угасающих геополитических устремлений России в Центральной Европе.

Действительно, провал направляемых Америкой усилий по расширению НАТО может возродить даже более амбициозные желания России. Пока еще не очевидно — а исторические факты говорят о другом, — что российская политическая элита разделяет стремление Европы к сильному и длительному американскому политическому и военному присутствию. Следовательно, хотя установление основанных на сотрудничестве отношений с Россией, безусловно, желательно, тем не менее для Америки важно открыто заявить о своих мировых приоритетах. Если выбор необходимо сделать между более крупной евроатлантической системой и улучшением отношений с Россией, то первое для Америки должно стоять несравнимо выше.

По этой причине любое сближение с Россией по вопросу расширения НАТО не должно вести к фактическому превращению России в принимающего решения члена альянса, что тем самым принижало бы особый евроатлантический характер НАТО, в то же время низводя до положения второсортных стран вновь принятые в альянс государства. Это открыло бы для России возможность возобновить свои попытки не только вернуть утраченное влияние в Центральной Европе, но и использовать свое присутствие в НАТО для того, чтобы сыграть на американо-европейских разногласиях для ослабления роли Америки в Европе.

Кроме того, очень важно, поскольку Центральная Европа войдет в НАТО, чтобы гарантии безопасности, данные России в отношении региона, действительно были взаимными и, таким образом, взаимоуспокаивающими. Запрет на развертывание войск НАТО и ядерного оружия на территории новых членов альянса может быть важным фактором для устранения законных волнений России, однако ему должны соответствовать равноценные российские гарантии, касающиеся демилитаризации таящего в себе потенциальную угрозу выступающего района Калининграда и ограничения развертывания крупных воинских формирований вблизи границ возможных будущих членов НАТО и ЕС. В то время как все вновь обретшие независимость западные соседи России хотят иметь с ней стабильные и конструктивные отношения, факт остается фактом: они продолжают

опасаться ее по исторически понятным причинам. Следовательно, появление равноправного договора НАТО/ЕС с Россией приветствовалось бы всеми европейцами как свидетельство того, что Россия наконец делает долгожданный после развала империи выбор в пользу Европы.

Этот выбор мог бы проложить путь к более широкомасштабной деятельности по укреплению статуса России и повышению уважения к ней. Формальное членство в “большой семерке” наряду с повышением роли механизма ОБСЕ (в рамках которого можно было бы создать специальный комитет по безопасности, состоящий из представителей США, России и нескольких наиболее влиятельных стран Европы) откроют возможности для конструктивного вовлечения России в процесс оформления политических границ Европы и зон ее безопасности. Наряду с финансовой помощью Запада России, параллельно с разработкой гораздо более амбициозных планов создания тесных связей России с Европой путем строительства новых сетей автомобильных и железных дорог процесс наполнения смыслом российского выбора в пользу Европы может продвнуться вперед.

Роль, которую в долгосрочном плане будет играть Россия в Евразии, в значительной степени зависит от исторического выбора, который должна сделать Россия, возможно еще в ходе нынешнего десятилетия, относительно собственного самоопределения. Даже при том, что Европа и Китай расширяют зоны своего регионального влияния, Россия несет ответственность за крупнейшую в мире долю недвижимости. Эта доля охватывает 10 часовых поясов, и ее размеры в 2 раза превышают площадь США или Китая, перекрывая в этом отношении даже расширенную Европу. Следовательно, потеря территорий не является главной проблемой для России. Скорее огромная Россия должна прямо признать и сделать нужные выводы из того факта, что и Европа, и Китай уже являются более могучими в экономическом плане и что, помимо этого, существует опасность, что Китай обойдет Россию на пути модернизации общества.

В этой ситуации российской политической верхушке следует понять, что для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы. Ввиду колоссальных размеров и неоднородности страны децентрализованная политическая система на основе рыночной экономики скорее всего высвободила бы творческий

потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы. В свою очередь, такая, в большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком, что тем самым ускорило бы развитие самой России. Каждый из этих трех членов конфедерации имел бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии.

Россия с большей вероятностью предпочтет Европу возврату империи, если США успешно реализуют вторую важную часть своей стратегии в отношении России, то есть усилят преобладающие на постсоветском пространстве тенденции геополитического плюрализма. Укрепление этих тенденций уменьшит соблазн вернуться к империи. Постимперская и ориентированная на Европу Россия должна расценить предпринимаемые в этом направлении усилия как содействие в укреплении региональной стабильности и снижении опасности возникновения конфликтов на ее новых, потенциально нестабильных южных границах. Однако политика укрепления геополитического плюрализма не должна обуславливаться только наличием хороших отношений с Россией. Более того, она важна и в случае, если эти отношения не складываются, поскольку она создает барьеры для возрождения какой-либо действительно опасной российской имперской политики.

Отсюда следует, что оказание политической и экономической помощи основным вновь обретшим независимость странам является неразрывной частью более широкой евразийской стратегии. Укрепление суверенной Украины, которая в настоящее время стала считать себя государством Центральной Европы и налаживает более тесное сотрудничество с этим регионом, — крайне важный компонент этой политики, так же как и развитие более тесных связей с такими стратегически важными государствами, как Азербайджан и Узбекистан, помимо более общих усилий, направленных на открытие Средней Азии (несмотря на помехи, создаваемые Россией) для мировой экономики.

Широкомасштабные международные вложения во все более доступный Каспийско-Среднеазиатский регион не

только помогут укрепить независимость новых государств, но и в конечном счете пойдут на пользу постимперской демократической России. Начало использования энергетических и минеральных ресурсов региона приведет к процветанию, породит в этом районе ощущение большей стабильности и безопасности и в то же время, возможно, уменьшит риск конфликтов наподобие балканского. Преимущества ускоренного регионального развития, финансируемого за счет внешних вложений, распространились бы и на приграничные районы России, которые, как правило, недостаточно развиты экономически. Более того, как только новые правящие элиты регионов поймут, что Россия соглашается на включение этих регионов в мировую экономику, они будут меньше опасаться политических последствий тесных экономических связей с Россией. Со временем не имеющая имперских амбиций Россия могла бы получить признание в качестве самого удобного экономического партнера, хотя и не выступающего уже в роли имперского правителя.

Для обеспечения стабильности и укрепления независимости стран, расположенных на юге Кавказа и в Средней Азии, США должны проявлять осторожность, чтобы не вызвать отчуждения Турции, и должны изучить возможность улучшения американо-иранских отношений. Турция, продолжающая чувствовать себя изгоем в Европе, куда она стремится войти, станет более исламской, назло всем проголосует против расширения НАТО и едва ли будет сотрудничать с Западом ради того, чтобы стабилизировать и включить советскую Среднюю Азию в мировое сообщество.

Соответственно Америка должна использовать свое влияние в Европе, чтобы содействовать со временем принятию Турции в Европейский Союз, и обратить особое внимание на то, чтобы относиться к Турции как к европейской стране, при условии, что во внутренней политике Турции не будет сделан резкий крен в исламском направлении. Регулярные консультации с Анкарой по вопросу о будущем Азии способствовали бы возникновению у этой страны ощущения стратегического партнерства с США. Америке также следует активно поддерживать стремление Турции построить нефтепровод из Баку в Джейхан (Seuhan) на турецком побережье Средиземного моря, который служил бы главным выходом к энергетическим ресурсам бассейна Каспийского моря.

Кроме того, не в американских интересах навсегда сохранять враждебность в американо-иранских отношениях. Лю-

бое сближение в будущем должно основываться на признании обоюдной стратегической заинтересованности в стабилизации неустойчивого в настоящее время регионального окружения Ирана. Конечно, любое примирение между этими странами должно осуществляться обеими сторонами и не выглядеть как одолжение, которое одна сторона делает другой. США заинтересованы в сильном, даже направляемом религией, но не испытывающем фанатичных антизападных настроений Иране, и в итоге даже иранская политическая элита, возможно, признает этот факт. Между тем долгосрочным американским интересам в Евразии сослужит лучшую службу отказ США от своих возражений против более тесного экономического сотрудничества Турции с Ираном, особенно в области строительства новых нефтепроводов, и развития других связей между Ираном, Азербайджаном и Туркменистаном. Долгосрочное участие США в финансировании таких проектов отвечало бы и американским интересам².

Необходимо также отметить потенциальную роль Индии, хотя в настоящее время она является относительно пассивным действующим лицом на евразийской сцене. В геополитическом плане Индию сдерживает коалиция Китая и Пакистана, в то время как слабая Россия не может предложить ей той политической поддержки, которую она оказывала ей в прошлом. Однако выживание демократии в Индии имеет важное значение в том плане, что оно опровергает лучше, чем тома академических дискуссий, понятие о том, что права человека и демократия — это чисто западное и характерное лишь для Запада явление. Индия доказывает, что антидемократические “азиатские ценности”, про-

² Здесь уместно процитировать мудрый совет, данный моим коллегой по Центру международных стратегических исследований Энтони Г. Кордесманом в его работе “The American Threat to the United States” (February, 1997), представленной в виде выступления в армейском военном колледже, который предостерегал США против склонности изображать в устрашающем виде проблемы и даже народы. По его словам, “Иран, Ирак и Ливия представляют собой случаи, когда США создали из них врагов, не разработав при этом какого-либо приемлемого среднесрочного или долгосрочного эндшпиля для своей стратегии. Американские стратеги не могут рассчитывать на полную изоляцию этих стран, и не имеет смысла относиться к ним так, как если бы они были одинаковыми “государствами-мошенниками” или “государствами-террористами”... США существуют в морально сером мире, и им не удастся добиться успеха, разделяя его на черное и белое”.

пагандируемые представителями стран от Сингапура до Китая, являются просто антидемократическими, но они не обязательно являются характерными для Азии. К тому же провал Индии нанес бы удар по перспективам демократии и убрал бы со сцены силу, способствующую большему равновесию на азиатской сцене, в особенности с учетом усиления геополитического превосходства Китая. Из этого следует, что постоянное участие Индии в дискуссиях по вопросу региональной стабильности, особенно по вопросу о судьбе Средней Азии, своевременно, не говоря о стимулировании развития более прямых двусторонних связей между военными сообществами Америки и Индии.

Геополитический плюрализм в Евразии в целом недостижим и не будет иметь устойчивого характера без углубления взаимопонимания между Америкой и Китаем по стратегическим вопросам. Из этого следует, что политика привлечения Китая к серьезному диалогу по стратегическим вопросам, а в итоге, возможно, к трехсторонним усилиям, включающим также и Японию, является необходимым первым шагом в повышении интереса Китая к примирению с Америкой, что отражает те самые геополитические интересы (в частности, в Северо-Восточной и Средней Азии), которые действительно являются общими для двух стран. Кроме того, Америке надлежит устранить любые неясности в отношении приверженности США политике одного Китая, дабы не усугубить проблему Тайваня, в особенности после того, как Гонконг был поглощен Китаем. К тому же в собственных интересах Китая превратить это событие в успешную демонстрацию принципа, в соответствии с которым даже Великий Китай может допустить и гарантировать более широкое многообразие в своих внутренних политических урегулированиях.

Хотя — об этом говорилось в главах 4 и 6 — любая предполагаемая китайско-российско-иранская коалиция, направленная против Америки, вряд ли выйдет за рамки какого-то временного позирования по тактическим соображениям, для Соединенных Штатов важно строить свои отношения с Китаем таким образом, чтобы не подтолкнуть Пекин в этом направлении. В любом подобном “антигегемонистском” союзе Китай стал бы чекой. Он, вероятно, будет самым сильным, самым динамичным и, следовательно, ведущим компонентом. Такая коалиция могла бы возникнуть только вокруг недовольного, разочарованного и враждебного Китая. Ни Россия, ни Иран не располагают необходимыми средствами, чтобы стать центром притяжения для подобной коалиции.

Поэтому диалог между Америкой и Китаем по стратегическим вопросам, касающимся тех областей, которые обе страны хотят видеть свободными от господства других жаждущих гегемонов, настоятельно необходим. Однако для достижения прогресса диалог должен быть длительным и серьезным. В ходе такого общения можно было бы более мотивированно обсудить и другие спорные вопросы, касающиеся Тайваня и даже прав человека. Действительно, можно было бы достаточно откровенно отметить, что вопрос внутренней либерализации в Китае — это не только внутреннее дело самого Китая, поскольку только вставший на путь демократизации и процветающий Китай имеет перспективу привлечения к себе Тайваня мирным путем. Любая попытка насильственного воссоединения не только поставила бы американо-китайские отношения под угрозу, но и неизбежно оказала бы негативное воздействие на способность Китая привлекать иностранный капитал и поддерживать экономическое развитие в стране. Собственные стремления Китая к региональному превосходству и глобальному статусу были бы поэтому принесены в жертву.

Хотя Китай превращается в доминирующую силу в регионе, он вряд ли станет такой силой в мире, и это не произойдет еще в течение долгого времени (по причинам, перечисленным в главе б), а шизофренические страхи в отношении Китая как глобальной силы порождают у Китая манию величия, что, возможно, также становится источником самоисполняемого пророчества об усилении враждебности между Америкой и Китаем. Поэтому Китай не следует ни сдерживать, ни умиротворять. К нему следует относиться с уважением как к самому крупному развивающемуся государству в мире, и — по крайней мере пока — как к добывающемуся достаточных успехов. Его геополитическая роль не только на Дальнем Востоке, но и в Евразии в целом, вероятно, также возрастет. Следовательно, было бы целесообразно кооптировать Китай в члены “большой семерки” на ежегодном саммите ведущих стран мира, особенно после того, как включение России в эту группу расширило спектр обсуждаемых на саммите вопросов — от экономических до политических.

Поскольку Китай все активнее интегрируется в мировую систему и, следовательно, в меньшей степени способен и склонен использовать свое главенство в регионе в тупой политической манере, из этого следует, что фактическое возникновение китайской сферы влияния в районах, представляющих для Китая исторический интерес, вероятно, станет

частью нарождающейся евразийской структуры геополитического примирения. Будет ли объединенная Корея двигаться в направлении подобной сферы, во многом зависит от степени примирения между Японией и Кореей (Америке следует более активно поощрять этот процесс), однако воссоединение Кореи без примирения с Китаем маловероятно.

На каком-то этапе Великий Китай неизбежно станет оказывать давление в целях решения проблемы Тайваня, однако степень включения Китая во все более связывающий комплекс международных экономических и политических структур также может положительно отразиться на характере внутренней политики Китая. Если поглощение Китаем Гонконга не окажется репрессивным, формула Дэн Сяопина для Тайваня “одна страна, две системы” может быть переделана в формулу “одна страна, несколько систем”. Это может сделать воссоединение более приемлемым для заинтересованных сторон, что еще раз подтверждает мысль о невозможности мирного воссоздания единого Китая без некоторой политической эволюции самого Китая.

В любом случае как по историческим, так и по геополитическим причинам Китаю следует рассматривать Америку как своего естественного союзника. В отличие от Японии или России, у Америки никогда не было территориальных замыслов в отношении Китая, и, в отличие от Великобритании, она никогда не унижала Китай. Более того, без реального стратегического консенсуса с Америкой Китай вряд ли сможет продолжать привлекать значительные зарубежные капиталовложения, так необходимые для его экономического роста и, следовательно, для достижения преобладающего положения в регионе. По той же причине без американо-китайского стратегического урегулирования как восточной опоры вовлеченности Америки в дела Евразии у Америки не будет геостратегии для материковой Азии, а без геостратегии для материковой Азии у Америки не будет геостратегии для Евразии. Таким образом, для Америки региональная мощь Китая, включенная в более широкие рамки международного сотрудничества, может быть жизненно важным геостратегическим средством — в этом отношении таким же важным, как Европа, и более весомым, чем Япония, — обеспечения стабильности в Евразии.

Однако, в отличие от Европы, демократический плацдарм в восточной части материка появится не скоро. Поэтому тем более важно, чтобы усилия Америки по углублению стратегических взаимоотношений с Китаем основывались на не-

двусмысленном признании того, что демократическая и преуспевающая в экономическом плане Япония является важнейшим тихоокеанским и главным мировым партнером Америки. Хотя Япония не может стать главенствующей державой в Азиатском регионе, учитывая сильную антипатию, которую она вызывает у стран региона, она может стать ведущей державой на международном уровне. Токио может добиться влияния на мировом уровне путем тесного сотрудничества с Соединенными Штатами в области решения современных мировых проблем, избегая бесплодных и потенциально контрпродуктивных попыток стать ведущей державой в регионе. Поэтому американское руководство должно помогать Японии двигаться в этом направлении. Американско-японское соглашение о свободной торговле, в котором говорилось бы о создании общего экономического пространства, могло бы укрепить связь между двумя странами и способствовать достижению указанной цели, и по этой причине следует совместно рассмотреть его выгодность.

Именно через тесные политические отношения с Японией Америка сможет более уверенно пойти навстречу стремлениям Китая в регионе, противодействуя при этом проявлениям его самоуправства. Только на этой основе может быть достигнут сложный трехсторонний компромисс, включающий в себя мощь Америки на мировом уровне, преобладающее положение Китая в регионе и лидерство Японии на международном уровне. Однако этот общий геостратегический компромисс может быть разрушен неразумным расширением военного сотрудничества Америки и Японии. Япония не должна играть роль непотопляемого американского авианосца на Дальнем Востоке, она также не должна быть главным военным партнером Америки в Азии или потенциально ведущей державой в Азиатском регионе. Ложно направленные действия в одной из вышеназванных областей могут отрезать Америку от континентальной Азии, ослабить перспективы достижения стратегического консенсуса с Китаем и таким образом подорвать способность Америки укрепить стабильность геополитического плюрализма в Евразии.

ТРАНСЪЕВРАЗИЙСКАЯ СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ

Стабильность геополитического плюрализма Евразии, препятствующая появлению одной доминирующей державы,

должна быть укреплена созданием трансевразийской системы безопасности, что, возможно, произойдет в начале следующего века. Такое трансконтинентальное соглашение в области безопасности должно включать расширившуюся организацию НАТО — что связано с подписанием хартии о сотрудничестве с Россией — и Китай, а также Японию (которая будет по-прежнему связана с Соединенными Штатами двусторонним договором о безопасности). Однако для этого прежде предстоит добиться расширения НАТО, в то же время подключив Россию к более широкой региональной системе сотрудничества в области безопасности. Кроме того, американцы и японцы должны активно консультироваться и тесно сотрудничать друг с другом для обеспечения трехстороннего диалога по проблемам политики и безопасности на Дальнем Востоке с участием Китая. Трехсторонние переговоры по вопросам безопасности между Америкой, Японией и Китаем могут в конечном счете проводиться с участием большего числа азиатских участников и позднее привести к диалогу между ними и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе. В свою очередь, такой диалог может проложить путь серии конференций с участием всех европейских и азиатских стран, что послужит началом создания трансконтинентальной системы безопасности.

Со временем могла бы начать формироваться более формальная структура, стимулируя появление трансевразийской системы безопасности, которая впервые в жизни охватила бы весь континент. Формирование такой системы — определение ее сути, а затем наделение законным статусом — могло бы стать главной архитектурной инициативой следующего десятилетия, поскольку намеченный ранее политический курс создал необходимые предпосылки. Такая широкая трансконтинентальная структура могла бы также иметь постоянный комитет безопасности, состоящий из основных евразийских субъектов, чтобы повысить способность трансевразийской системы безопасности оказывать содействие эффективному сотрудничеству по вопросам, существенно важным для стабильности в мире. Америка, Европа, Китай, Япония, конфедеративная Россия и Индия, а также, возможно, и другие страны могли бы сообща послужить сердцевинной такой более структурированной трансконтинентальной системы. Окончательное возникновение трансевразийской системы безопасности могло бы постепенно освободить Америку от некоторого бремени, даже

если одновременно и увековечило бы ее решающую роль как стабилизатора и третейского судьи Евразии.

ПОСЛЕ ПОСЛЕДНЕЙ МИРОВОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ

В конце концов мировой политике непременно станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства. Следовательно, США не только первая и единственная сверхдержава в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и последняя.

Это связано не только с тем, что государства-нации постепенно становятся все более проницаемыми друг для друга, но и с тем, что знания как сила становятся все более распространенными, все более общими и все менее связанными государственными границами. Вероятнее всего, что экономическая мощь также станет более распределенной. Маловероятно, чтобы в ближайшие годы какое-либо государство достигло 30-процентного уровня мирового валового внутреннего продукта, который США имели на протяжении большей части нынешнего столетия, не говоря уже о 50%, которых они достигли в 1945 году. Некоторые расчеты показывают, что к концу нашего десятилетия США все равно будут располагать почти 20% мирового ВВП и эта цифра, возможно, упадет до 10—15% к 2020 году, когда другие государства — Европа*, Китай, Япония — увеличат соответственно свои доли примерно до уровня США. Но мировое экономическое господство одной экономической единицы, по типу достигнутого в этом веке США, маловероятно, и это явно имеет чреватое серьезными последствиями военное и политическое значение.

Кроме того, весьма многонациональный состав и особый характер американского общества позволили США распространить свою гегемонию так, чтобы она не казалась гегемонией исключительно одной нации. Например, попытка Китая добиться первенства в мире неизбежно будет рассматриваться другими странами как попытка навязать гегемонию одной нации. Проще говоря, любой может стать американцем, китайцем же может быть только китаец, что является дополнительным и существенным барьером на пути мирового господства, по существу, одной нации.

*Так в оригинале. — *Прим. пер.*

Следовательно, когда превосходство США начнет уменьшаться, маловероятно, что какое-либо государство сможет добиться того мирового превосходства, которое в настоящее время имеют США. Таким образом, ключевой вопрос на будущее звучит так: “Что США завещают миру в качестве прочного наследия их превосходства?”

Ответ на данный вопрос частично зависит от того, как долго США будут сохранять свое первенство и насколько энергично они будут формировать основы партнерства ключевых государств, которые со временем могут быть более официально наделены законным статусом. В сущности, период наличия исторической возможности для конструктивной эксплуатации Соединенными Штатами своего статуса мировой державы может оказаться относительно непродолжительным по внутренним и внешним причинам. Подлинно популистская демократия никогда ранее не достигала мирового превосходства. Погоня за властью и особенно экономические затраты и человеческие жертвы, которых зачастую требует реализация этой власти, как правило, несовместимы с демократическими устремлениями. Демократизация препятствует имперской мобилизации.

В самом деле, имеющими важное значение в смысле неопределенности в отношении будущего вполне могут оказаться вопросы: могут ли США стать первой сверхдержавой, не способной или не желающей сохранить свою власть? Могут ли они стать слабой мировой державой? Опросы общественного мнения показывают, что только малая часть (13%) американцев выступает за то, что “как единственная оставшаяся сверхдержава США должны оставаться единственным мировым лидером в решении международных проблем”. Подавляющее большинство (74%) предпочитает, “чтобы США в равной мере с другими государствами решали международные проблемы”³.

³ **An Emerging Consensus — A Study of American Public Attitudes on America's Role in the World.** — College Park: Center for International and Security Studies at the University of Maryland, 1996. Заслуживает внимания, хотя это и не согласуется с вышесказанным, что исследования, проведенные указанным выше центром в начале 1997 года (под руководством ведущего исследователя Стивена Калла), также показали, что значительное большинство американцев поддерживают расширение НАТО: 62% — за (из них 27% — безоговорочно за) и только 29% — против (из них 14% — безоговорочно против).

По мере того как США все больше становятся обществом, объединяющим многие культуры, они могут также столкнуться с тем, что все труднее добиться консенсуса по внешнеполитическим вопросам, кроме случаев действительно большой и широко понимаемой внешней угрозы. Такой консенсус был широко распространен на протяжении всей второй мировой войны и даже в годы холодной войны. Однако он базировался не только на широко разделяемых демократических ценностях, которые, как считала общественность, были под угрозой, но и на культурной и этнической близости с жертвами враждебных тоталитарных режимов, главным образом европейцами.

В отсутствие сопоставимого с этим вызова извне для американского общества может оказаться более трудным делом достижение согласия по внешнеполитическим действиям, которые нельзя будет напрямую связать с основными убеждениями и широко распространенными культурно-этническими симпатиями, но которые потребуют постоянного и иногда дорогостоящего имперского вмешательства. Если хотите, два очень различных мнения о значении исторической победы США в холодной войне, вероятно, могут оказаться наиболее привлекательными: с одной стороны, мнение, что окончание холодной войны оправдывает значительное уменьшение масштабов вмешательства США в дела в мире, невзирая на последствия такого шага для репутации США; по другую сторону находится понимание, что настало время подлинного международного многостороннего сотрудничества, ради которого США должны поступиться даже частью своей верховной власти. Обе крайние точки зрения имеют своих сторонников.

Вообще говоря, культурные изменения в США также могут оказаться неблагоприятными для постоянного применения действительно имперской власти за рубежом. Это требует высокой степени доктринальной мотивировки, соответствующих умонастроений и удовлетворения патриотических чувств. Однако доминирующая в стране культура больше тяготеет к массовым развлечениям, в которых господствуют гедонистские мотивы и темы ухода от социальных проблем. Суммарный эффект этого делает все более трудной задачу создания необходимого политического консенсуса в поддержку непрерывного и иногда дорогостоящего лидирующего положения США в мире. Средства массовой информации играли в этом отношении особенно важную роль, формируя у людей сильное отвращение к

любому избирательному применению силы, которое влечет за собой даже незначительные потери.

К тому же и США, и странам Западной Европы оказалось трудно совладать с культурными последствиями социального гедонизма и резким падением в обществе центральной роли ценностей, основанных на религиозных чувствах. (В этом отношении поражают кратко изложенные в главе 1 параллели, относящиеся к упадку империй.) Возникший в результате кризис культуры осложнялся распространением наркотиков и, особенно в США, его связью с расовыми проблемами. И наконец, темпы экономического роста уже не могут больше удовлетворять растущие материальные потребности, которые стимулируются культурой, на первое место ставящей потребление. Не будет преувеличением утверждение, что в наиболее сознательных кругах западного общества начинает ощущаться чувство исторической тревоги и, возможно, даже пессимизма.

Почти полвека назад известный историк Ганс Кон, бывший свидетелем трагического опыта двух мировых войн и истощающих последствий вызова тоталитаризма, опасался, что Запад может “устать и выдохнуться”. В сущности, он опасался, что

“человек XX века стал менее уверенным в себе, чем его предшественник, живший в XIX веке. Он на собственном опыте столкнулся с темными силами истории. То, что казалось ушедшим в прошлое, вернулось: фанатичная вера, непогрешимые вожди, рабство и массовые убийства, уничтожение целых народов, безжалостность и варварство”⁴.

Эта неуверенность усиливается получившим широкое распространение разочарованием последствиями окончания холодной войны. Вместо “нового мирового порядка”, построенного на консенсусе и гармонии, “явления, которые, казалось бы, принадлежали прошлому”, внезапно стали будущим. Хотя этнонациональные конфликты больше, возможно, и не угрожают мировой войной, они стали угрозой миру в важных районах земного шара. Таким образом, еще на какое-то время война, по-видимому, так и не станет устаревшим понятием. Вследствие того что для более обеспеченных стран сдерживающим фактором являются их более развитые технологические возможности саморазруше-

⁴ Hans Kohn. *The Twentieth Century*. — New York, 1949. — P. 53.

ния, а также их собственные интересы, война может стать роскошью, доступной лишь бедным народам этого мира. В ближайшем будущем обедневшие две трети человечества не смогут руководствоваться в своих поступках ограничениями, которыми руководствуются привилегированные.

Следует также отметить, что до сих пор в ходе международных конфликтов и террористических действий оружие массового поражения в основном не применялось. Как долго может сохраняться это самоограничение, невозможно предсказать, однако растущая доступность средств, способных привести к массовым жертвам в результате применения ядерного или бактериологического оружия, не только для государств, но и для организованных группировок также неизбежно увеличивает вероятность их применения.

Короче говоря, перед Америкой как ведущей державой мира открыта лишь узкая историческая возможность. Нынешний момент относительного международного мира может оказаться краткосрочным. Эта перспектива подчеркивает острую необходимость активного вмешательства Америки в дела мира с уделением особого внимания укреплению международной геополитической стабильности, которая способна возродить на Западе чувство исторического оптимизма. Исторический оптимизм требует демонстрации возможностей одновременно заниматься и внутренними социальными, и внешними геополитическими проблемами.

Тем не менее возрождение западного оптимизма и универсальность западных ценностей зависят не только от Америки и Европы. Япония и Индия являются примерами того, что понятия прав человека и центральное значение демократического эксперимента действительно и в азиатских странах, как развитых, так и до сих пор развивающихся. Дальнейший успех в демократическом строительстве Японии и Индии, таким образом, также имеет огромное значение для сохранения большей уверенности в отношении политического будущего земного шара. Действительно, опыт этих двух стран, а также опыт Южной Кореи и Тайваня дают основания предполагать, что сохранение темпов экономического роста Китая приведет при наличии давления извне в пользу необходимости перемен и вследствие большей причастности к делам международного сообщества, возможно, к постепенной демократизации китайского строя.

Решение этих проблем является и бременем Америки, и ее уникальной обязанностью. С учетом реальности американ-

ской демократии эффективные действия неизбежно потребуют понимания общественностью важной роли американского государства в формировании все более широкой системы стабильного геополитического сотрудничества, которая будет одновременно предотвращать возможность глобальной анархии и успешно препятствовать возникновению новой угрозы со стороны какой-либо из стран. Эти две цели — предотвращение анархии и появления державы-соперницы — неотделимы от определения более долгосрочной цели глобальной деятельности Америки: создания прочной сети международного геополитического сотрудничества.

К сожалению, до сегодняшнего дня усилия, направленные на то, чтобы четко сформулировать новую центральную и глобальную цель Соединенных Штатов после окончания холодной войны, были односторонними. Не удалось увязать потребность улучшения жизни людей с необходимостью сохранения центрального положения Америки в мировых делах. Можно выделить несколько таких попыток, предпринятых в последнее время. В первые два года пребывания у власти администрации Клинтона в выступлениях в поддержку “позитивного принципа многосторонних отношений” недостаточно принималось во внимание реальное положение в области расстановки сил. Позднее в качестве альтернативы основное внимание стало уделяться мнению, что Америка должна сосредоточить свои усилия на “распространении демократической системы” во всем мире, при этом уделялось недостаточно внимания тому, что для Америки по-прежнему большое значение имеет сохранение стабильности в мире и даже развитие практически целесообразных отношений с некоторыми странами (к сожалению, “недемократическими”), например с Китаем.

В качестве главной приоритетной задачи США призывы более узкого характера были еще менее удовлетворительными, например призыв к сосредоточению усилий на устранении существующей несправедливости в распределении доходов в мире, к формированию особых “зрелых стратегических партнерских отношений” с Россией или сдерживанию распространения оружия. Другие альтернативы, а именно: Америка должна сконцентрировать свои усилия на защите окружающей среды или, в более узком плане, на борьбе с локальными войнами, также не учитывали основных реальностей, связанных со статусом мировой державы. В результате ни одна из указанных выше формулировок не отражала в полной мере необходимости создания мини-

мальной геополитической стабильности в мире как основы для одновременного обеспечения более длительного существования гегемонии США и эффективного предотвращения международной анархии.

Короче говоря, цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени, и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами, в то же время формируя геополитическую сердцевину взаимной ответственности за управление миром без войн. Продолжительная стадия постепенного расширения сотрудничества с ведущими евразийскими партнерами, стимулируемого и регулируемого Америкой, может также способствовать подготовке предварительных условий для усовершенствования существующих и все более устаревающих структур ООН. Тогда при очередном распределении обязанностей и привилегий можно будет учесть новые реалии расстановки сил в мире, столь изменившиеся с 1945 года.

Эта деятельность обеспечит и дополнительное историческое преимущество использования в своих интересах вновь созданной сети международных связей, которая заметно развивается вне рамок более традиционной системы национальных государств. Эта сеть, сотканная многонациональными корпорациями, неправительственными организациями (многие из которых являются транснациональными по характеру) и научными сообществами и получившая еще большее развитие благодаря системе Интернет, уже создает неофициальную мировую систему, в своей основе благоприятную для более упорядоченного и всеохватывающего сотрудничества в глобальных масштабах.

В течение нескольких ближайших десятилетий может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, построенная с учетом геополитической реальности, которая постепенно возьмет на себя роль международного “регента”, способного нести груз ответственности за стабильность и мир во всем мире. Геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы.

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ

Великая
шахматная доска

(Господство Америки
и его геостратегические императивы)

Редактор *М.В. Егорова*

Оформление художника *А. Быкова*

Художественный редактор *Т.И.Мельникова*

Технический редактор *Г.В. Лазарева*

Корректор *Л.Ф.Крылова*

Компьютерная верстка *Л.А. Кривошеиной*

ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры.

Подписано в печать 23.09.99.

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 14,35.

Допечатка тиража 8000 экз. Заказ №2060. Цена договорная.

Изд. № 26и/99.

Издательство “Международные отношения”,

107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Тел. отдела реализации 975-30-09

Отпечатано с готового оригинал-макета издательства “Международные
отношения” в Саратовском полиграфическом комбинате
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ

Занимал должность советника по национальной безопасности президента США с 1977 по 1981 год. Он является консультантом Центра стратегических и международных исследований и профессором американской внешней политики в Школе современных международных исследований Пола Х.Нитце при Университете им. Джона Хопкинса в Вашингтоне, округ Колумбия. Последние из его книг — “Вне контроля”, “Великая неудача”, “План игры”, “Власть и принцип”.

ISBN 5-7133-0967-3

9785713309671